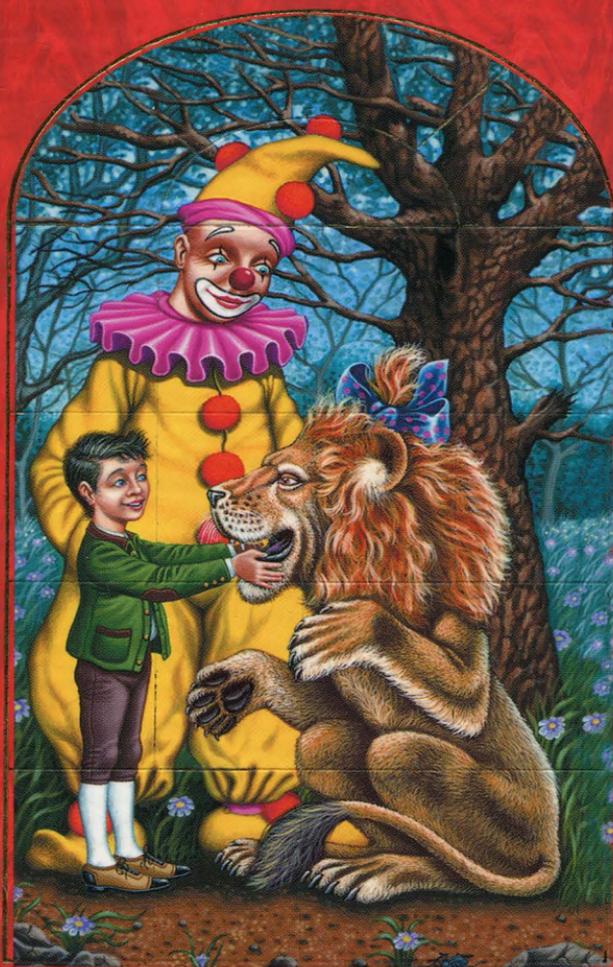

Рут Пламли Томпсон

СТРАНА OZ

Трусливый Лев
ИЗ СТРАНЫ OZ
Бравый Дед
В СТРАНЕ OZ

Рут Пламли Томпсон

Трусливый Лев
ИЗ СТРАНЫ ОЗ
Бравый Дед
В СТРАНЕ ОЗ

Иллюстрации Джона Р. Нила

Москва

2003

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Т 56

Томпсон Р. П.

Т 56 Трусливый Лев из Страны Оз. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с., илл. (Страна ОЗ).

ISBN 5-699-04106-0

Величайшая сказка всех времен и народов – сказка о Стране Оз, об Изумрудном городе в Стране Оз.

Ее придумал великий американский писатель Л.Ф.Баум больше ста лет тому назад, и с тех пор каждый год появляются новые истории о волнующих событиях, происходящих в стране, где живут знакомые нам Страшила, Железный Дровосек, Трусливый Лев и другие герои.

Помните: в Стране Оз царит вечная юность – в каком возрасте ты попал туда, в таком и останешься навсегда. Умереть там нельзя. И убить никого нельзя.

...Итак, откроем новую книгу. Осторожно! На первой же ее странице прыгает... ЗАДНЯЯ ПОЛОВИНА ЛЬВА!

Так что это особая книга о Стране Оз – ЛЬВИНАЯ КНИГА.

**УДК 820(73)
ББК 84(7США)**

ISBN 5-699-04106-0

© А. Петрова, перевод, 2003
© Е.В. Витковский, составление, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003

Трусливый Лев

ИЗ СТРАНЫ ОЗ

Перевод с английского А. Петровой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мустафа Маджистанский

аллитаз! Мы желаем нового льва! – объявил Мустафа, король Маджистана, нетерпеливо теребя синюю бороду. – Слышишь? И чтоб сию же минуту был! – Так ведь у вашего величества и так уже налицо девять тысяч девятьсот девяносто девять с половиной львов! –

ответил Валлитаз, согнувшись в низком поклоне.

– Вот именно, с половиной! – рассердился Мустафа. – Ужасное головотяпство с твоей стороны – доставить нам, своему королю, половину льва! Еще бы хоть передняя половина-то была! Думаешь, нашему величеству легко видеть, как она прыгает в заповеднике? Две задние ноги и хвост! Прямо сердце кровью обливается!

– Но извольте принять во внимание, государь, что если бы мне не посчастливилось отсечь ударом ятагана эту самую по-

ловину, лев бы меня употребил в пищу! Сожрал, грубо говоря! Слопал!

И Валлитаз закатил глаза, вспомнив эту ужасную минуту.

– Пережили бы как-нибудь, – нелюбезно ответил Мустафа, – из Панапея вышел бы гофмаршал не хуже. Но ты нам зубы не заговаривай! Нам нужен лев. Повторяем: лев! Немедленно!

Голос Мустафы перешел в рев, не уступающий львиному. Он соскочил с трона и топнул сначала одной ногой, а потом другой. И с каждым ударом круглое лицо бедного Валлитаза делалось бледнее и бледнее.

– Да где ж я его возьму! – взмолился он. – Вашему величеству, без сомнения, известно, что в Маджистане не осталось на свободе ни одного льва, королевские охотники всех переловили. А хоть бы и нашелся один, мы не можем его себе позволить. Умоляю вас вспомнить, как нелегко прокормить и тех девять тысяч девятьсот девяносто девять! Ваши подданные и так давно ропщут из-за львиного налога...

– Молчать! Тихо! – уже не проревел, а взвизгнул король и топнул обеими ногами сразу, для чего ему пришлось сначала подпрыгнуть.

– Сами больше всех шумите, – угрюмо проворчал Валли.

– О чем спорите? – раздался чей-то сонный голос. Из-за занавески, скрывающей дверь в королевскую спальню, показалась голова в громадном тюрбане. Голова принадлежала Микстурре, королеве Маджистана.

– О львах, ваше величество, – отвечивал гофмаршал, глядя на королевскую супругу с тревогой, потому что она отличалась еще более вздорным нравом, чем король Мустафа. – Его величество желает еще одного льва.

– Ну так дай ему этого льва, в чем дело? Не выношу этого топанья!

– А мы выносим? – проворчал Мустафа. – Мы себе все ноги отбили. А ноги-то, между прочим, не простые, а королевские!

– Кто вас просит топать? – отозвался Валли.

– А лев нам будет? – спросил Мустафа, задержав в воздухе поднятую ногу.

– Был бы, если бы они были. Нет у нас больше львов в Маджистане! Нет, и все! – забыв о почтительности, закричал Валлитаз, на что Мустафа снова изо всей силы топнул ногой.

– Баррандос-крандос! – завопил он. – Да что же ты за гофмаршал такой? Ну погоди! Вот мы сейчас назначим на твое место Панапея! А тебя... А тебя львам скормим!

Мустафа громко хлопнул в ладоши. В королевский шатер вбежал тощенький мальчик-паж.

– Панапея сюда! – приказал король, не обращая больше внимания ни на Валлитаза, который бился лбом об пол и умолял пощадить его, ни на уговоры Микстурры, которая пыталась успокоить супруга.

Через мгновение перед королем предстал Панапей. В отличие от низкорослого и толстенького Валли, он был худ и долговяз. Его маленькие глазки загорелись радостью при виде валяющегося на полу гофмаршала. Панапей был всего лишь королевским казначеем и всегда должен был выступать позади Валли на всех королевских шествиях. Для завистливого старого придворного было большим удовольствием видеть унижение попавшего в немилость соперника.

– Изволили звать, ваша королевская милость? – спросил он, отвесив низкий поклон.

– Изволили! – ответил Мустафа, сдвигая на затылок тюрбан и указывая пальцем на бедного Валли. – Он говорит, что у нас в Маджистане не осталось больше львов! А нам, Мустафе, нужен лев!

– Приказ короля – закон для подданных, – отвечивал Панапей, вздев глаза и соединив кончики пальцев.

– Ты не хуже меня знаешь, что львов в Маджистане больше не осталось! – Валлитаз вскочил на ноги и затряс кулаком перед носом Панапея.

– Так ведь на Маджистане свет клином не сошелся, есть и другие страны, – высокомерно произнес казначей. – Я так полагаю, ваше величество, что вам нужен не простой лев? Наверное, он должен быть получше и покрупнее тех котят, что резвятся в королевском заповеднике?

– Как ты хорошо нас понимаешь! – вздохнул Мустафа, откидываясь на подушки. – Как раз такой лев нам и нужен, Панапея, – большой, редкостный, настоящий королевский лев. Царь зверей, одним словом! Вот тогда мы всех прочих королей заткнем за пояс!

– Есть у меня одна книга, – сообщил Панапей, таинственно приложив палец к носу. – Не простая, а львиная. Дозвольте, ваше величество, на минутку отлучиться, она у меня в шапке, сейчас принесу.

– Хочешь достать льва из книги? – сонным голосом осведомилась Микстурра. – Правильно, а Валли-то глупый какой, не додумался до этого!

Пока Панапей ходит за книгой, я вам немножко расскажу о Маджистане. Это синее-пресинее и не слишком-то цивилизованное королевство, расположенное на крайнем юго-вос-

токе Жевакинского округа Страны Оз. Вместо плодородных земель там лежит раскаленная песчаная пустыня, а жители Маджистана, маджи, – народ длинноногий, сварливый и свирепый. Они живут в синих полосатых шатрах и внешностью отчасти напоминают арабов, только усы и бороды у них синие. Они ходят в длинных развевающихся белых бурнусах, а на голове носят тюрбаны. Такая одежда хорошо защищает их от жары и песчаного ветра.

В прежние времена маджи частенько нападали на мирные поселения жевакинцев и захватывали в добычу все, что подворачивалось под руку, но Глинда, добрая Южная Волшебница, положила этому безобразию конец. Однажды ночью, пролетая над Маджистаном в своей запряженной лебедями колеснице, она уронила синюю книгу, которая больно ударила по носу одного почтенного старца. Это, собственно, был удар по всем маджам, потому что на первой же странице было написано золотыми буквами:

**«С этого дня любой мадж, перешедший границу
Маджистана, потеряет голову. Приказ Озмы,
правительницы Страны Оз».**

В синей книге были и другие предупреждения, но хватило и первого, чтобы изменить всю историю страны. Теперь маджи боялись пересекать границы королевства, так что грабительские набеги на соседей прекратились, а поскольку маджи, нечего греха таить, любили пограбить, они вместо соседей стали грабить друг друга. Они вечно ссорились и переносили свои шатры с места на место. Раньше жители ближайших жевакинских селений посещали приграничные рынки Маджистана, чтобы закупить фиников, инжира и кокосовых орехов,

которыми славится эта земля, но дед Мустафы, бывший тогда королем, постановил, что раз маджам нельзя пересекать границу, то и соседям нечего делать в Маджистане. Вдоль всей границы были вывешены грозные предупреждения, и вскоре люди стали обходить стороной свирепое маленькое королевство, так что оно все больше синело и погружалось в варварство, как и случается с народами, которые не поддерживают дружеских отношений с соседями.

Когда Мустафа, который в глубине души был не таким уж злым, взошел на трон, он попробовал отвлечь своих сварливых подданных от междоусобиц, организовав охоты. В необитаемых частях пустыни водилось множество львов, и какое-то время маджи, охотясь на них, перестали ссориться. Но вскоре они стали ссориться именно из-за охоты, и королевские охотничьи экспедиции стали больше напоминать военные вылазки, чем увеселительные прогулки.

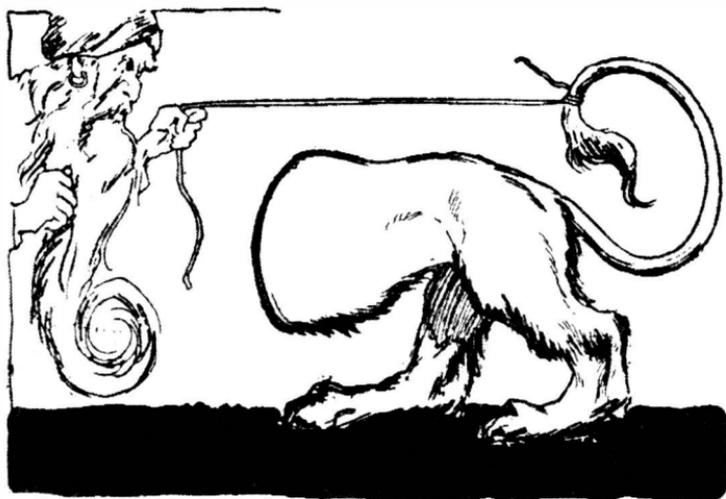
Мустафа в отчаянии признался Валлитазу, что львы ему гораздо больше по душе, чем двуногие подданные. На это Валли почтительно предложил королю завести себе нескольких львов для компании. Мустафа, которого королевские обязанности повергали в необоримую скуку, пришел в восторг от этой идеи и издал указ, по которому всех львов следовало доставлять к королевскому шатру.

Поначалу он держал двух или трех в большой клетке в саду. Но по мере того, как его подданные становились все более неуправляемыми, любовь короля ко львам все возрастала. Он требовал все новых и новых львов, пока их число в королевской коллекции не достигло девяти тысяч девятисот девяноста девяти с половиной. Мустафа делал вид, что львы нужны ему для важного дела – отпугивать от Маджистана возможных

врагов. Поэтому львиный заповедник, огороженный чугуновой решеткой, опоясывал по периметру все королевство, так что попасть в страну извне, минуя львов, было невозможно. В школьных учебниках Жевакинского округа так и говорилось, что страна Маджистан – это часть суши, со всех сторон окруженная львами.

На самом же деле оборона страны была только предлогом, позволяющим королю без зазрения совести потакать своему пристрастию. Он очень хорошо знал, что ни один мадж не посмеет пересечь границу королевства и ни один чужеземец не пожелает проникнуть внутрь. Но когда подданные принимались роптать на непосильное бремя львиных налогов, разговоры о защите отечества очень выручали короля.

Королевское пристрастие чрезвычайно осложняло жизнь бедного Валии. Чтобы сохранить пост гофмаршала, ему приходилось добывать королю очередного льва по первому слову. А это слово король произносил весьма часто. Всем жителям было вменено в обязанность выслеживать львов. И вот на прошлой неделе было получено известие, что в стране больше не осталось ни единого льва. Тут уж гофмаршал самолично отправился в охотничью экспедицию и после долгих и утомительных поисков выследил последнего старого льва, чудом уцелевшего в дальнем уголке пустыни. Причем этот старый лев оказался ужасным эгоистом, нипочем не желал сдаваться охотникам в плен и дошел в своем эгоизме до того, что чуть не сожрал толстого гофмаршала. Обороняясь, тот разрубил льва надвое своим острым ятаганом. Прежде чем он успел опомниться, передняя часть льва – то есть именно та, которую следует считать главной, – перепрыгнула через ограждение и удрала во все лопатки.

Не забывайте, что действие нашей правдивой повести происходит в Стране Оз, где ни люди, ни животные не умирают. Обе львиные половины и в разлуке остались живыми и бойкими. Тем не менее король Мустафа очень рассердился, когда Валли преподнес ему заднюю половину. Гофмаршал чуть не лишился должности.

А теперь вернемся в королевский шатер.

– Подумать только, что я сам навел его на мысль завести львов! – простонал бедный Валли. – И ведь несправедливо-то как – король их обожает, я к ним равнодушен, а им почему-то именно я пришелся по вкусу!

– Действительно странно, – согласилась королева Микстурра, выкатывая на Валлитаза большие синие глаза. – Удивительно плохой у них вкус!

– Молчать! – рявкнул Мустафа, и испуганная королева мгновенно отдернула голову и скрылась за занавеской. Мус-

тафа уже жалел о своей жестокости, но гордость не позволяла взять свои слова обратно. Ничего не поделаешь, придется Валлитузу стать львиным обедом. Король печально вздохнул. Тут в шатер вернулся Панапей с толстенной книгой под мышкой.

– Вот львиная книга... – гордо начал он, слегка задыхаясь от быстрой ходьбы. Но договорить ему не удалось.

– Давай ее сюда! – приказал Мустафа и выхватил толстый томище из рук казначея. Даже Валли, преисполняясь любопытства, подошел поближе, а заспанное личико королевы снова показалось из-за занавески.

– **«Знаменитые львы Страны Оз»**, – прочел Мустафа заглавие и раскрыл книгу дрожащими от нетерпения пальцами. Но дальше второй страницы он не пошел, потому что там была картинка, изображающая самого восхитительного льва, какого ему довелось в жизни видеть. Под картинкой стояла надпись синими буквами: «Знаменитый Трусливый Лев из Страны Оз, царь зверей».

– Трусливый Лев! – повторил Мустафа, придя в полный восторг. – Поразительно! Восхитительно! А на вид он вовсе не трусливый!

– Соизвольте прочесть пояснение, ваше величество, – посоветовал Панапей, тыча пальцем в противоположную страницу. Задыхаясь от волнения, Мустафа прочел:

– «Трусливый Лев – самый прославленный и удивительный лев в Стране Оз. Много лет он жил в лесу, царствуя над зверями, но в годы правления Волшебника его обнаружила девочка из Канзаса по имени Дороти. Лев так привязался к ней, что отправился с ней вместе в Изумрудный город. По дороге он несколько раз спасал ей жизнь. Несмотря на свою

трусость, он оказался таким храбрецом, что заслужил любовь и восхищение всех жителей страны. С тех пор он живет по большей части в столице, участвуя в приключениях ее знаменитых жителей, в том числе Дороти, которая стала принцессой. Пользуясь всеобщей любовью...»

Читать дальше Мустафа был не в силах.

– Панни! – воскликнул он. – Панни, нам необходим этот лев! Нам нужен Трусливый Лев из Страны Оз!

– Ему необходим этот лев! – подтвердила королева Микстурра, кивнув головой.

– И он его, конечно, получит, – усмехнулся Валлитаз, впервые обрадовавшись тому, что гофмаршал теперь не он. – Панапей, доставь нашему государю Трусливого Льва! Немедленно!

– Для этого нужно время, – неуверенно произнес новый гофмаршал. – Придется снарядить экспедицию, и к тому же...

– А как же знаменитое предупреждение? – ехидно поинтересовался Валли. – Думаешь, много найдется охотников рискнуть головой ради чести поймать Трусливого Льва?

– Но ведь это очень большая честь, – ответил Панапей, лукаво взглядывая на соперника. – Просто громадная! И я хочу предложить именно тебе, дорогой Валли, возглавить экспедицию. А коли ты и впрямь потеряешь голову, это не будет такой уж непоправимой потерей, потому что на корм львам ты и без нее сгодишься!

– Я! – завопил Валли, от ужаса подпрыгнув чуть не до потолка. – Нет уж, дорогой Панапеюшка, я такой великой чести недостойн! Кто я такой? Мое дело теперь маленькое – львов кормить. Пойду-ка я, кстати, их покормлю. – И он бросился к двери, но окрик Мустафы заставил его остановиться.

– Тебе случалось давать нам неплохие советы, Валли, – вздохнул король. – Как ты думаешь, кто сможет поймать для нас этого Трусливого Льва?

– Пожалуй, нашему Панапею такая задача по плечу, – мстительно ответил бывший гофмаршал. – Он мужчина отважный и сильный.

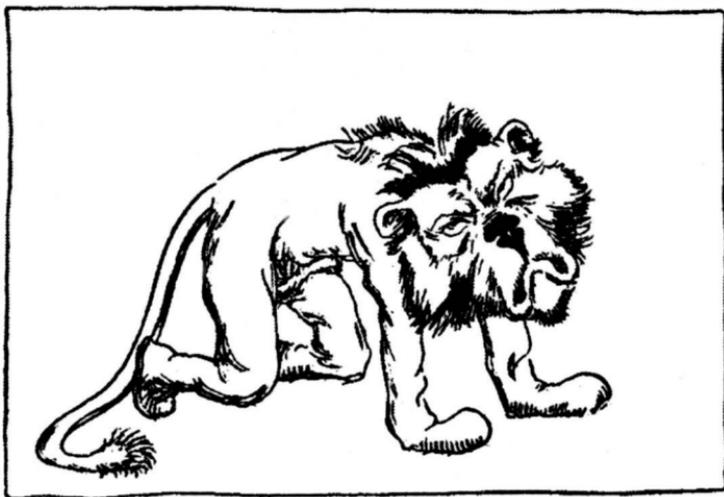
– Я очень отважный мужчина, это верно, но кто же без меня будет давать советы вашему величеству? – дрожащим голосом проговорил Панапей.

– А я на что? – быстро откликнулась королева. – Для начала, например, я советую...

Что именно собиралась Микстурра посоветовать венценосному супругу, так и осталось тайной, потому что в эту минуту пятнадцать маджей ворвались в королевский шатер.

– Лев! – визжал тот, что бежал впереди.

– Лев! Лев! – вопили остальные. При этом они всю размахивали ятаганами, так что в шатре воцарилась сумятица.

– Сейчас я его поймаю! – вскричал Валли, но Панапей вцепился ему в рукав.

– Нет я! Чур я! – И он бросился к выходу. – Я гофмаршал Маджистана!

– Может, это и есть Трусливый Лев, – с надеждой проговорил Мустафа, спрыгивая с трона.

В следующую минуту все кинулись врассыпную из шатра, спотыкаясь и сбивая друг друга с ног и вопя так, что у двадцати львов могла бы застыть кровь в жилах.

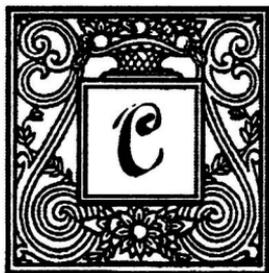
Под высокой пальмой, растущей на песчаной площадке перед шатром – Мустафа называл эту площадку своим садом, – стоял громадный лев удивительного вида!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вошебство в цирке

наружи лил дождь, внутри было жарко и душно. Это был последний день цирковых гастролей в Топтауне. Зрители вертели на жестких скамьях и ворчали, когда сквозь отверстие в громадном брезентовом куполе на них попадали холодные струйки дождя. Матери с тревогой думали о том, как будут по дождю добираться домой, девицы беспокоились за свои новые шляпки, и даже мальчики и девочки аплодировали не от всей души, когда старый слон Билли звонил в колокол, а сестры Гликко головокружительно раскачивались на трапеции. Главный клоун носился туда-сюда, стоял на голове, ходил на руках, прыгал через слона и изображал норовистого осла. Но никто не смеялся. Даже самые старые и испытанные шуточки не вызывали улыбок.

– Плохо дело, – пробормотал клоун, заходя за кулисы. – Хотя бы раз засмеялся кто! Что за публика пошла! – Он вытер пот со лба, торопливо припудрил нос и снова выскочил на манеж.

Снаружи слышались раскаты грома, и цирковые животные, скучившиеся в отдельной палатке, заржали, заревели и захрюкали. Зрители, которые раньше просто скучали, теперь явно испугались. Что-то надо было делать. Обеспокоенный клоун выбежал в центр арены и вскочил на спину слона.

– Дамы и господа! – вскричал он и замахал руками, чтобы привлечь к себе внимание. – Прекрасные дамы и уважаемые господа, сейчас я сделаю поразительный и небывалый трюк, который неизменно приводил в восторг коронованных особ Европы, Азии и Африки! Дамы и гос...

Зрители из задних рядов, которые уже начали было пробираться к выходу, остановились. Маленькая девочка с двадцатипятицентového места даже крикнула «браво!». Воодушевленный клоун сделал сальто и приземлился на кончике слоновьего хобота.

– Попрошу на арену мальчика! – возгласил он, бросив торопливый взгляд в первые ряды. – Для этого трюка мне нужен маленький и шустрый мальчик. А вот и он!

Заставив слона подойти к самому барьеру, клоун схватил на руки маленького рыжеволосого мальчика из группы приютских сироток, которых в этот день привели в цирк. Толпа ахнула от удивления, а мальчонка, пытаясь вырваться, чуть не выскочил из своего пиджачка, но клоун держал его крепко.

– Сейчас я подброшу этого мальчугана в воздух, и он исчезнет. Потом я подброшу свою шапку, и он появится. Смотрите! – воскликнул клоун, приложив пальцы к губам.

– Что ты затеял? – свистящим шепотом осведомился конференсье. – Как ты его заставишь исчезнуть? Что за ерунда!

Клоун и сам прекрасно понимал, что это ерунда, но он твердо решил заставить зрителей смеяться – иначе впору было самому исчезнуть. Он пронзительно свистнул, отчего даже старый слон дернул ушами, забросил мальчика себе на плечо и завопил смешной стишок, который сам собой пришел ему в голову. Стишок был такой:

*Энди-бенди-чики-стан,
Мы поедем в Маджистан.
Квинтер-финтер-чики-бадж,
Ты теперь заправский мадж!*

Из зрительного зала донесся вопль восхищения, а конференсье ахнул от ужаса, потому что сиротка исчез – исчез мгновенно, как воздушный шарик, который проткнули иголкой.

– Караул! – завопил клоун, отчаянно прыгая на слоновьей голове. Зрители в полном восторге заплодировали.

– Лучший трюк, который я в жизни видел! – объявил какой-то толстяк, утирая платком лицо. – Вы только посмотрите, как он притворяется испуганным! Эй ты, давай, возвращай мальчонку назад!

Клоун прокричал другой стишок:

*Энди-бенди-чики-стан,
Я поеду в Маджистан.
Квинтер-финтер-чики-бадж,
Я теперь заправский мадж!*

Прогремел оглушительный раскат грома. Зрители недоуменно смотрели, протирая глаза кулаками. Ни клоуна, ни

мальчишки! Замечательный трюк! Зрители затопали ногами и радостно завопили. Но конферансье бессильно привалился к столбу, а владелец цирка с вытаращенными глазами бросился за кулисы и прочь из шатра. И вовремя, потому что публика внезапно перестала смеяться. Угрожающе размахивая зонтиками, зрители требовали у конферансье немедленно вернуть мальчика. Несчастный конферансье дрожал с перепугу, как осиновый лист, и думал только о собственном спасении. Подняв свой хлыстик, чтобы призвать к тишине, он объявил со всей возможной уверенностью, что главная часть фокуса впереди, что клоун с мальчиком в данную минуту находятся у циркового входа и машут публике рукой на прощание – самой взыскательной и восхитительной публике, которую они когда-нибудь имели честь развлекать. Он щелкнул каблуками, отвесил глубокий поклон, и поверившая ему толпа устремилась к выходу.

Не медля ни секунды, конферансье ухватил за ухо старого Билли и потащил его к палатке с животными. Через пять минут вся цирковая труппа выскочила под проливной дождь, волоча клетки, погоняя слонов, таща за поводья лошадей, сворачивая палатки.

– Какое ужасное происшествие! Надо немедленно отсюда убираться, – повторял растерянный хозяин, перебегая от одной группы к другой. К тому времени, как негодующий пожилой джентльмен, который привел сироток в цирк, успел сбежать к воротам и обратно, первый из тяжелых цирковых фургонов уже съезжал, грохоча, по холму. Несколько рабочих, увязывающих последние пожитки, непонимающе затрясли головами, когда он потребовал вернуть мальчика. После тщетных угроз и топанья ногами растерянный джентльмен

побежал за полицией, а тридцать девять оставшихся сироток в полном восторге от неожиданного приключения пошлепали по лужам следом за ним.

Полиция! Что может полиция сделать против волшебства? Откуда клоун мог знать, что неведомо как вскочивший ему в голову стишок был старинным озским заклинанием? Оно унесло сиротку как ракету, и когда клоун в отчаянии и растерянности повторил волшебные слова, его тоже подбросило в воздух и швырнуло следом за перепуганным мальчиком – невесть куда и очень-очень далеко...

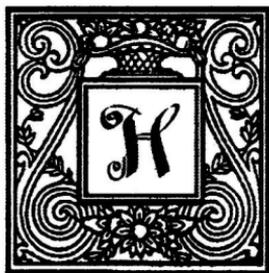
Счастье, что оба они упали на мягкий песчаный бархан. На целые мили вокруг них простирались необозримые, отливающие серебром песчаные пространства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

При Маджистанском дворе

есколько минут ни клоун, ни мальчик не говорили ни слова. По правде говоря, у них просто перехватило дыхание. Потом клоун сел на песок и растерянно посмотрел на мальчика.

– Вот так-так! – произнес он и подмигнул – не потому, что ему было особенно весело, а просто по привычке.

– Да, сэр, – отозвался мальчик и сглотнул.

– Никаких сэров! – воскликнул клоун и быстро-быстро заговорил, чтобы выиграть время и собраться с мыслями. – Меня ты не обязан называть сэром, потому что я работаю в цирке. Меня зовут Воттак, уменьшительное от Воттактак, а по фамилии Фунт. У папы с мамой было двенадцать детей, а я – самый младшенький, и они всё придумать не могли, как меня назвать. Что бы матушка ни предлагала – например: «Пусть он

будет Августус Элмер Фунт», – батюшка на все отвечал: «Вот так имечко!» или: «Вот так придумала!», или просто: «Вот так-так!» – ну, так и повелось, Воттак да Воттак. – Клоун снова подмигнул. – Так что и ты уж, пожалуйста, называй меня Воттак, ладно?

– Ладно, сэр, – ответил мальчик, изо всех сил стараясь не заплакать. Видя такое дело, Воттак подпрыгнул, описал в воздухе двойное сальто и встал на голову.

– А тебя как зовут? – спросил он, весело помахивая ногами.

– Бобби Эллегуп.

– А почему? – Клоун опустился на песок рядом с мальчиком.

– Не знаю, сэр, так уж получилось, – тихонько прошептал Бобби.

– Знаешь, что я предлагаю? Я предлагаю тебе сменить фамилию и называться Бобби Алле-гоп. Так говорят в цирке, когда прыгают, а, согласишься, прыгнули мы с тобой здорово. И вообще как-то веселее звучит, не находишь?

Воттак весело болтал, а сам в это время беспокойно оглядывался по сторонам. Наконец он сказал:

– Вот что, Боб. Мы с тобой, кажись, из одного цирка в другой угодили. Видишь, там шатры виднеются? И рычание львиное явственно доносится. Слышишь?

– Слышу, – ответил Бобби. Его испуг понемногу начал проходить, и сейчас ему было уже не столько страшно, сколько интересно.

– И песок насыпан. Стало быть, это или цирк, или морской берег, да только я моря никакого не вижу, – продолжал клоун, пропуская между пальцев струйки серебристого песка. – В об-

щем, мы с тобой здесь, где бы это ни было, а коли так, сидеть на песке нечего! Пошли к главному шатру, посмотрим представление.

Бобби встал и вытряхнул воду из шапочки. Оба они до нитки промокли под топтаунским дождем, но здесь было тепло и дул сухой горячий ветер, так что оба быстро высохли. Непринужденно болтая, они зашагали по глубокому песку к большому шатру в синюю полосу.

– Ох, и попутешествовал же я в своей жизни! – говорил Воттак Фунт. – Но, правда, таким способом еще не доводилось. Немало я повидал диковинных мест, в одни заезжал, в другие пешком входил, но чтобы так: сказал слово – и аллегоп, такого не бывало. Подумать только! Работаем номер, все чинно-благородно, и вдруг мне стишок этот возьми да в голову и заскочи! Я его сдуру и сказал, и тут-то мы с тобой и понеслись, что твои ракеты. Чистое волшебство, Бобби, мальчик мой, вот что это такое. Но ничего, выкрутимся как-нибудь. Главное – действовать по правилам.

– По каким правилам? – спросил Бобби, с интересом оглядываясь на высокие пальмы, раскачивающие длинными перистыми листьями. Раньше он думал, что пальмы бывают только на картинках в учебниках географии.

– А как же, – ответил Воттак, – существуют четыре простых правила поведения в опасной ситуации. Я их сам придумал. Первое, – и он вытянул мизинец, – я меняю обличье. Если это не помогает, я делаюсь чрезвычайно-ужасно вежливым. Если и вежливость не помогает, я шучу. Ну а если уж и от шутки толку не выходит, тогда я выкрикиваю что-нибудь непонятное и удираю со всех ног. Так что не трусь, Боб, и делай,

как я. Увидишь, что я собираюсь бежать – бери ноги в руки и беги следом, и все будет отлично. Знаешь, отчего я такой толстый?

Боб отрицательно покачал головой.

– Костюмы! Я их подкладываю под комбинезон для толщины. Прыгать и кувыркаться удобнее, чтоб не ушибаться. Да, вот они, костюмчики мои! – И Воттак любовно погладил свой выдающийся живот. – Здесь у меня шесть великолепнейших маскарадных костюмов, любой из которых можно натянуть в один момент. А здесь, – и клоун хлопнул себя по напудренному лбу, – у меня шестьдесят великолепных шуток и столько же непонятных восклицаний. Я их и сам не понимаю. Так что, видишь, мы с тобой готовы ко всем неожиданностям.

– Да, сэр, – серьезно ответил Бобби. Надо сказать, что он вообще был очень серьезный мальчик. Его сделала такой жизнь в сиротском приюте. Никаких приключений в его жизни не случилось. Приют жил своей размеренной жизнью – уроки, трапезы в столовой, наказания, если старшим мальчикам случалось подраться. Никому не было дела до маленького Бобби, никто не говорил с ним по душам. Он провел в скучном сером приюте семь лет и с каждым годом становился все молчаливее и серьезнее.

Воттак с любопытством поглядывал на мальчика, шагающего рядом. У клоуна было доброе сердце. Мальчик ему нравился, и Воттак решил его немного развеселить. «Мальчонка-то небось и не хохотал ни разу в жизни», – подумал он и стал мысленно перебирать свои шуточки и забавные истории. Он как раз решил рассказать мальчику про поросенка и фунт

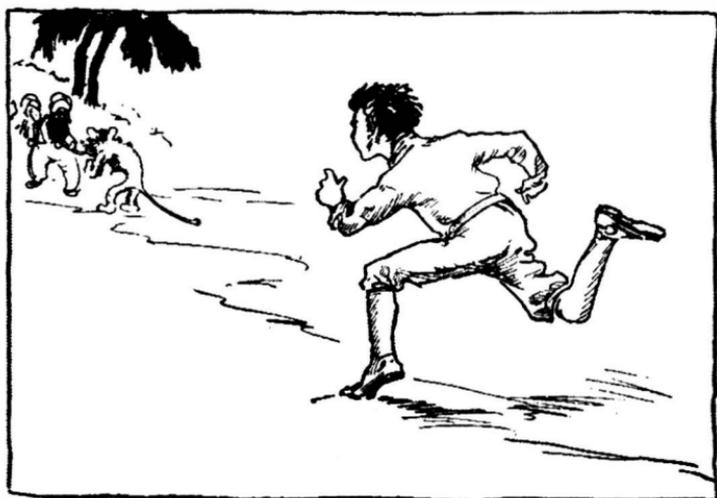
ветчины, но тут раздался ужасный шум, и все шутки вылетели у него из головы. Высоченный человек с колючими синими усами и длинной синей бородой выскочил из-за пальмы, бросил взгляд на двух незнакомцев и скрылся в полосатом шатре, что-то во весь голос крича.

– Это Синяя Борода? – спросил Бобби, хватая Воттака за рукав.

– Боб, – ответил клоун, вздрогнув, – честно тебе скажу: не знаю. Давай-ка последуем правилу номер один.

Воттак порывлся у себя за пазухой и вытащил коричневый сверток. Прежде чем мальчик успел моргнуть глазом, его спутник натянул на себя костюм и опустился на четвереньки.

– Я лев, – объявил он. – Если я зарычу погромче, то, может, их напугаю. Держись ко мне поближе и помни правила. Если я побегу, ты тоже беги. Ясно?

– Ясно, сэр, – прошептал Боб. Глаза у него округлились, потому что львиный костюм Воттака был сделан очень натурально. Перед мальчиком стоял настоящий лев. Бобби даже немного испугался.

Воттак откашлялся и приготовился как следует рыкнуть, но не успел. В эту минуту из синеполосого шатра выбежало несколько человек в белых бурнусах и бросилось к ним, вздымая на бегу тучи песка и размахивая ятаганми.

Бобби от природы был ничуть не трусливее любого другого мальчика, но скучная жизнь в приюте никак не могла подготовить его к таким передрягам. На глазах у него выступили слезы, он завизжал от ужаса и вцепился в шерстяную гриву Воттака.

– Перестань реветь и приготовься удирать, – прошептал клоун, который тоже слегка нервничал. Потом он зарычал, отчего Боб подпрыгнул на целый метр в воздух. Но люди в белом не остановились и, прежде чем Воттак успел зарычать еще раз, набросили ему на голову сеть. На него навалилась целая дюжина синеусых разбойников, и он покатился по песку.

Бобби плотно закрыл глаза, ожидая, что его тоже схватят. Когда ничего не случилось, он открыл глаза и увидел, что разбойники тычками и уколами палок и копий гонят Воттака к синему шатру. Это было первое в жизни приключение Боба, и он мог бы убежать, но что-то ему помешало. Он внезапно почувствовал, что этот клоун, с которым он так недавно познакомился, дороже ему всех людей, которых он знал в своей жизни. Он решил, что если с клоуном что-то случится, то пусть это случится и с ним тоже.

На дрожащих ногах он побежал следом за кричащей толпой и умудрился незамеченным протиснуться в королевский шатер за широкой спиной Валлитаза. (Вы, конечно, давно уже догадались, что Воттак с мальчиком попали в Маджистан.)

Львиный костюм на Воттаке слегка перекосялся, но еще держался, и рычал он очень страшно, чтобы подбодрить себя, в то же время ища глазами Боба. Львиная голова сползла на сторону, так что смотреть он мог только одним глазом, но и этого было достаточно, чтобы он затрясся от страха. Маджи кричали и прыгали перед высоким синим тронем, указывая на пойманного льва сверкающими ятаганами. Затем высокий и тощий человек схватил его за ухо. Это был Панапей.

– Лев! – надменно произнес новоиспеченный гофмаршал. – Это твой новый господин, король Мустафа Маджистанский. Ваше величество, вот лев, которого вы желали получить!

– Выглядит он необычно, – заметил правитель Маджистана, теребя синие усы.

– Я бы сказал, что выглядит он просто жутко, – вставил Валли, который преисполнился зависти и ревности, поскольку сопернику удалось изловить льва после того, как он, Валлитаз, объявил, что львов в Маджистане больше не осталось.

– Возможно, это и есть Трусливый Лев, – задумчиво проговорил Мустафа. – Смотрите, как у него дрожат коленки. Это ты Трусливый Лев? – спросил он, уставив свой ятаган на бедного Воттака. Клоун из последних сил зарычал, чтобы пока-

зять, что он не трус. Он ведь не мог знать, что попал в Страну Оз, где все животные говорящие, так что он мог спокойно говорить и никто бы этому не удивился. Клоун ничего не знал ни о Стране Оз, ни тем более о Маджистане.

– Не желает разговаривать, – угрюмо сказал Мустафа. – Ну ладно, немой лев все-таки лучше никакого. Уведи его, Панни, и запири с остальными львами. Надеемся, что он сумеет в драке постоять за себя. Значит, Валли, получается, что теперь тебе придется кормить десять тысяч львов, если, конечно, остальные не сожрут этого.

Он радостно потер руки.

– Мы попозже сходим, посмотрим, как они приняли новенького. Но имей в виду, Панни, мы не успокоимся, пока не заполучим Трусливого Льва. Этот, конечно, трусливый, да не тот. Уведи его!

Мустафа взял в руки львиную книгу и, махнув рукой, чтобы Воттака увели, погрузился в созерцание картинки с Трусливым Львом.

Во время этого разговора волосы Воттака встали дыбом под львиной маской. Десять тысяч львов! Манежные опилки! Уж лучше иметь дело с этими двуногими дикарями, чем с хищниками! Раз правило номер один ничего не дало, пора применить правило номер два.

– Пошли! – проворчал мадж, стоящий рядом, и сильно дернул за веревку, обвязанную вокруг львиной шеи. Клоун собрался заговорить, но не успел. Раздался громкий крик, вперед выскочил Бобби, чуть не сбив с ног Валлитаза, и обнял обеими руками дрожащего льва.

– Нет, вы его не уведете! – воскликнул мальчик, не помня себя от волнения. – Это никакой не лев! Это Воттак Фунт!

– Фунт? – в недоумении повторил Мустафа, подавшись вперед.

– Я не лев! – подтвердил клоун, поспешно вставая на задние лапы и срывая с головы львиную маску.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поручение Мустафы

шатре воцарилось молчание. Все смотрели на Воттака, да и было на что посмотреть – зрелище было необыкновенное: стоящий на задних лапах лев с человеческой головой! Уж на что Оз – волшебная страна, но такого и здесь никто не видывал. Маджи застыли в изумлении.

– Спокойствие, Боб! – прошептал клоун, обнимая мальчика львиной лапой. – Теперь вежливость и только вежливость! Правило номер два.

Мустафа пришел в себя первым.

– Так ты не лев! – хрипло воскликнул король. – Да как же ты посмел так нас разочаровать! Слышишь, Валли? Панни, Микстурра, вы слышали? Он говорит, что он не лев! – король задохнулся от возмущения.

– Прошу прощения за то, что я не лев, – вежливо сказал Воттак слегка дрожащим голосом. – Десять тысяч извинений!

– Десять тысяч пирожков с капустой! – гневно воскликнул Мустафа.

– Пирожков так пирожков, если ваше величество их любит, – поспешно согласился Воттак.

– А я что вам говорил? Нет в Маджистане больше львов! – Валли бросил на Панапея торжествующий взгляд. – Я так и знал, что никакой это не лев!

– А кто же это тогда? – сердито спросил король. – Это-то мальчишка, мы видим, а другой-то кто? – он презрительно указал на бедного клоуна.

– Может, это колдун? – предположил Панапей. – Я так полагаю, ваше величество, что это колдун.

– А вот обзывать не надо, – вежливо, но с достоинством отозвался Воттак, протягивая к королю львиные лапы. – Меня зовут Воттак Фунт.

– И ты, конечно, не колдун, – высокомерно вставил Валли.

– А почему вы не спросите у него, как он сюда попал? – разумно предложила королева Микстурра.

Воттак с интересом посмотрел на ее отюрбаненную голову, торчащую из-за синей занавески. Может быть, хоть женщина сумеет оценить вежливость, подумал он.

– Ваше величество! Милостивая и прекрасная госпожа! – начал он, отвесив глубокий поклон. – Мы попали в вашу прекрасную страну отнюдь не по своей вине.

– Но и не по нашей! – строго уточнил Мустафа. – Мы никогда и ни в чем не бываем виноваты.

– Как вы пробрались через львиное ограждение? – строго спросил Панапей. – И вообще, что за поведение: то ты лев, то не лев! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

– Дело-то оно, конечно, странное и необычное, – согласился Воттак, недоуменно потирая лоб. – Только что мы с Бобом были в цирке. Мы показывали фокус, и вот...

– Вот! Я так и знал, что это фокус! – торжествующе воскликнул Панапей. – Все слышали? Он сам это признал!

– Молчать! – крикнул король, которому стало интересно. – Где, говоришь, вы были? В цирке? Валли, доложи нам, что такое цирк.

– Это такое представление, – поспешил объяснить Воттак, увидевший по озадаченному лицу Валли, что тот понятия не имеет, что такое цирк. – Это такое представление, и мы там выступали. Я посадил Боба на плечо и выкрикнул глупый стишок, а он взял да исчез! Я снова произнес этот стишок – и, вот так фунт, исчез сам.

– Куда исчез? – спросил Мустафа, потирая подбородок.

– Сюда! – ответил Воттак, беспокойно оглядываясь. – Просто удивительно, как далеко нас забросил такой коротенький стишок.

И он снова произнес:

*Энди-бэнди-чики-стан,
Мы поедem в Маджистан.
Квинтер-финтер-чики-бэдж,
Ты теперь заправский мадж!*

Не успел он договорить, как Мустафа подскочил на троне, и все присутствующие возмущенно загалдели.

– Он проник в нашу государственную тайну! – завопил король и от гнева вырвал клочок волос из бороды. – Да как же ты посмел произносить наше секретное заклинание! Да ведь ты так к нам в страну натащишь пропасть всякого сброда!

– Он колдун, я же говорил! – визжал Панапей. – Я это сразу понял! Оторвать ему хвост! Отрубить голову! Бросить его львам!

– Подождите! Да подождите же, я все объясню! – взмолился клоун, но его голос потонул в гневных выкриках. Внезапно прозвучал пронзительный удар гонга. Мустафа, успевший схватить Воттака за хвост, замер на месте. Остальные тоже застыли как окаменевшие. В дальнем углу шатра стоял на возвышении Валлитаз и что есть силы колотил в гонг. Шум был оглушительный, и испуганные Воттак и Бобби зажали уши. Наконец Мустафа самолично добежал до возвышения и велел бывшему гофмаршалу прекратить. Все стихло.

– Как понимать такую наглость? – осведомился Мустафа, хватая Валлитаза за руку.

– А как иначе вас утихомирить, когда вы так расшумелись? – спокойно ответил Валли. – А я хочу сказать нечто важное. Насчет львов, – значительно добавил он.

– Ну, что такое? – нетерпеливо спросил Мустафа. – Да тихо вы! – прикрикнул он на остальных, которые снова зашумели, окружив Боба с Воттаком.

– Это существо, – воскликнул Валли, указывая на клоуна, – без сомнения, могучий чародей. Вместо того чтобы отрубить ему голову, которая нам совершенно ни к чему и даже на украшение не годится, почему бы не заставить его сослужить нам службу? Не будь он чародеем, он никогда не смог бы проникнуть в Маджистан. Пусть он теперь отправится в Изумрудный город и доставит сюда Трусливого Льва!

Мустафа посмотрел на своего бывшего гофмаршала с радостным удивлением и обнял его, да так, что едва не придушил. В следующее мгновение он хлопнул в ладоши и принял-

ся отдавать приказания слугам. Галдящие маджи немедленно выкатились из шатра, а за ними удалился недовольный Панапей, оставив пришельцев в обществе короля с королевой и Валлитаза. Снаружи раздавались резкие команды и топот шагов синей гвардии, окружающей шатер.

– Что-то мои правила нынче плохо работают, Боб, – взволнованно прошептал Воттак. Боб ничего не ответил. Он только крепче ухватился за руку клоуна, не отрывая от Мустафы изумленных глаз.

– Ну вот, теперь поговорим спокойно, – сказал король со смешком. – Значит, как ты себя называешь, волшебничек наш дорогой?

– Воттак, – ответил клоун, решив сохранять вежливость до последней возможности. – Воттак Фунт.

– Воттак! – засмеялся Мустафа, хлопнув себя по коленке. – Таких имен не бывает. Это скорее...

– Прозвище, ваше величество, – сообщил клоун с широкой улыбкой. – Прозвище такое, шутка, государь, для смеха.

– А нам ничуть не смешно! – Мустафа перестал смеяться и очень серьезно воззрился в лицо Воттака. – А почему ты такой белый? А почему у него, – Мустафа указал большим пальцем на Боба, – волосы такие рыжие?

– По той же причине, ваше величество, по которой у вас борода синяя, – быстро ответил Воттак. Мустафе этот ответ явно не слишком понравился.

– И кто же ты такой? – задал он следующий вопрос. – Ты, надо думать, будешь отрицать, что ты чародей?

– Категорически! – воскликнул Воттак. – Я, с позволения вашего величества, шутник и забавник. Я заставляю людей смеяться и тем продлеваю им жизнь.

– Забавно, забавно! – фыркнул Мустафа, бросая озадаченный взор на Валли. – Ну, если ты даже и заставишь нас смеяться, твою собственную жизнь это не продлит. Единственное, что нас может порадовать, это львы.

– Львы! – Воттак наморщил лоб. – Боюсь, государь, что львы не по моей части. Я не дрессировщик, это дело не мое.

– Ты изображал льва, – сурово перебил его Мустафа, – и уже доказано, что ты чародей. И если ты не приведешь нам Трусливого Льва, тебя бросят ко львам, а их у нас девять тысяч девятьсот девяносто девять с половиной. Они тебя разорвут на куски. Соображаешь?

– На куски! – повторил клоун в испуге. – Вот так-так! Мой отец частенько говаривал, что я плохо кончу, но что меня бросят ко львам, ему и в голову не приходило. А что, этот Трусливый Лев очень свирепый?

Вместо ответа Мустафа протянул ему львиную книгу со словами:

– Вот, почитай сам, а мы пока отдадим распоряжения насчет твоего путешествия.

И с улыбкой, которую можно было назвать даже любезной, король взял под руку Валлитаза и исчез за синей занавеской в глубине шатра. Микстурра тоже убрала голову, и Воттак с Бобом остались одни.

– Может, пора удирать? – спросил с беспокойством мальчик. Ему в жизни еще не приходилось слышать столько разговоров о львах. Но Воттак приложил палец к губам и покачал головой.

– Не имеет смысла, – прошептал он. – Шатер окружен. Мы должны сделать вид, что согласились отправиться за этим Трусливым Львом. А уж как выберемся отсюда, сядем на первый же поезд, идущий в Штаты.

Он уселся на большую подушку и стал листать львиную книгу, а мальчик с любопытством смотрел через его плечо. Обоих очень заинтересовало описание Трусливого Льва и принцессы Дороти.

Тут вернулся Мустафа, за которым катился коlobком маленький слуга с тремя белыми свертками на голове.

– Вот, – сказал король, указывая на свертки, – это вам провиант на три дня. Топайте напрямик на север, пока не выйдете на дорогу из желтого кирпича, а дальше шагайте по этой дороге. Она приведет вас в Изумрудный город. Там вы найдете Трусливого Льва.

– Но послушайте, – начал Воттак, который успел обдумать ситуацию, – почему бы вашему величеству просто не переправить этого льва в Маджистан при помощи волшебного стишка?

– Для чародея, – презрительно ответил Мустафа, – ты удивительно глуп. Этот стишок переносит только людей, и то надо к ним при этом прикоснуться.

– Хорошо, а почему бы вам не послать за львом кого-нибудь из ваших отважных соплеменников? Я в этих краях чужой, а львов не ловил никогда в жизни.

– Потому что потому кончается на у! – крикнула Микстура, просовывая свой тюрбан через занавеску. – Каждый мадж, перешедший границу своей страны, теряет голову, понял? И если тебе дорог мой совет, ты отправишься немедля! Из-за того, что ты тут стоишь и пререкаешься, я не могу заснуть, а когда мне не дают заснуть, я лишаюсь терпения, а когда я лишаюсь терпения, другие люди лишаются головы, а когда...

– Иду, иду! – вздохнул Воттак, видя, что спорить с царственной парочкой бессмысленно. Он сбросил с себя львиную шкуру, свернул ее и засунул в широкую штанину. После этого он привязал все три свертка с едой себе на шею, взял Боба за руку и объявил, что готов отправляться в путь.

С довольным видом потирая руки, Мустафа вывел их из шатра и провел мимо двойного ряда королевских гвардейцев. Так они дошли до железной решетки, за которой тянулось

львиное ограждение. Львы ворчали и ссорились, а завидев подошедшего Мустафу, стали его дразнить, обзывать и требовать обеда.

– Тихо, тихо, котятки, – добродушно приговаривал король. – Это не обед, а всего лишь глупый чародей.

– Тогда дай нам мальчишку! – потребовал самый крупный лев, облизываясь.

– Давай нам мальчишку! – хором заревели львы. Воттак и Боб смотрели на королевских котятков в полном ужасе, не веря собственным ушам, поскольку о говорящих львах никогда не слышали, да и речи их им не понравились, особенно Бобу. Пока они стояли и дрожали, король открыл железные ворота, и в львином загоне образовался узкий, но безопасный проход. Мустафа сделал клоуну с мальчиком знак идти, что они и сделали, не теряя времени.

– И главное, – крикнул Мустафа им вслед, – не вздумайте нас обмануть! Если вы, вместо того чтобы ловить Трусливого Льва, убежите, мы немедленно об этом узнаем. У нас есть волшебное кольцо, и если наш гонец не исполняет поручения,

оно сразу чернеет. И тогда мы, – Мустафа поднял палец, на котором блестело широкое кольцо, – тогда мы снимем кольцо, и вы сразу посинеете, как наша борода, и не сможете двигаться ни рукой ни ногой, пока не решите исполнять наши приказания. Вот так! До скорой встречи, белолицый колдун. Приятного путешествия и скорого возвращения с добычей!

Воттак от испуга ничего не смог ответить. Покрепче схватив мальчика за руку, он бросился в железные ворота, откуда выскочил на луг, поросший голубыми маргаритками. Они бежали до тех пор, пока угрожающее рычание маджистанских львов не смолкло.

– Вот, – сказал клоун, бессильно опускаясь на землю у подножия высокого дерева, – вот до чего доводят необдуманные шутки. Никогда не шути необдуманно, сынок.

– Не буду, сэр, – ответил Бобби, со страхом оглядываясь через плечо, чтобы посмотреть, не гонится ли за ними какой-нибудь из королевских львов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В поисках Трусливого Льва

оттак и Боб какое-то время неподвижно и молча сидели под деревом. Каждый был погружен в собственные мысли. Клоун повторял про себя предостережение Мустафы и пытался припомнить, говорилось ли что-нибудь о Маджистане в учебниках географии, по которым он когда-то учился. Мальчик думал о том, что еще вчера он в это время спокойно ел овсянку с яблочным соусом, после чего должен был спокойно сделать уроки и идти спать. А может быть, он просто спит и синебородые маджи и свирепые львы ему приснились? Чтобы проверить догадку, он прикоснулся к Воттаку – может быть, тот исчезнет или превратится в зычноголосую надзирательницу сиротского приюта. Но клоун всего лишь подпрыгнул, сделал двойное

сальто, прошел несколько шагов на руках и снова уселся под деревом.

– Ну что, Боб, – сказал он, сдвигая колпак, чтобы почесать за ухом, – как по-твоему, хороший из меня выйдет охотник на львов?

Боб Алле-гоп только покачал головой и чуть было не рассмехался. У него очень щекотало внутри, да только он вспомнил, что по правилам сиротского приюта смеяться запрещалось, и успел подавить смех.

– Мы оба теперь с тобой охотники на львов, – задумчиво продолжал Воттак, – а стало быть, нам с тобой ничего другого не остается, как только немедля начинать на них охотиться, а то они еще чего доброго начнут первые. Это все равно что игра в прятки, вот что я тебе скажу, Боб. Тут все дело, понимаешь ли, в том, кто кого ищет. Если мы ищем Трусливого Льва, то это одно, а вот если он начнет нас искать, то это совсем другое, хотя со стороны кажется, что игра та же самая. Понимаешь, о чем я толкую?

Воттак искоса взглянул на мальчика. Ему хотелось, чтобы тот хотя бы улыбнулся. Боб растерянно смотрел на чернеющий впереди лес и думал, что ему совсем не хочется играть в прятки со львами, независимо от того, кто кого ищет. Но поскольку Воттак уже встал и зашагал в сторону леса, мальчику оставалось только следовать за ним. Короткий весенний день клонился к вечеру, и над верхушками деревьев уже показался бледно-серебристый лунный диск.

– Конечно, дела наши идут не блестяще, но, с другой стороны, могло быть и гораздо хуже, – рассуждал Воттак, бодро шагая между деревьев. – Будь ты дома, ты бы, наверное, ел бы сейчас свою овсянку на ужин...

– А здесь что мы будем есть на ужин, Воттак? – поинтересовался Боб, поднимая глаза к спутнику.

– Ура! – закричал клоун и прошелся колесом. – Видишь, ты уже забыл своего сэра и называешь меня Воттак, просто и спокойно, как брата родного. Мы, стало быть, делаем успехи! А что до ужина, то давай посмотрим, что нам сунул этот синевородый мошенник Мустафа.

Клоун разложил один из свертков на низком и толстом пне. Оказалось, что путникам предстоит настоящий пир. В свертке оказалось множество маленьких бутербродов с жареным мясом, спелый инжир, кувшинчик меда и еще один с синим чаем, очень вкусным и освежающим. Когда клоун с мальчиком насытились, Воттак аккуратно завернул остатки, и значительно повеселевшие охотники на львов зашагали дальше.

– Ума не приложу, – говорил Воттак, – что это за страна такая, куда мы с тобой угодили, малыш, но только, скажу я тебе, раз уж тут львы разговаривают, а пустяковая считалочка оборачивается волшебным заклинанием, нужно держать ухо востро и особо не самовольничать. Пока что мы с тобой топчем напрямиком к Изумрудному городу, как нам и было велено, и, значит, можем не опасаться этого самого волшебного кольца. А уж когда мы туда попадем, будет время побеспокоиться об этом Трусливом Льве. Что же это, интересно, за Изумрудный город такой? Ты когда-нибудь о нем слышал? Чудеса да и только – изумрудные города, синие бороды и трусливые львы! Все не как у людей. Я так понимаю, что мы с тобой в сказку попали. Я-то всегда считал, что в сказках рассказывается чистая правда!

– А в львиной книге говорится, что Трусливый Лев любит Дороти! – неожиданно заговорил мальчик. – Может, он и нас полюбит? – Мальчик неторопливо припоминал все, что успел прочесть в книге.

– А ведь ты прав! – воскликнул клоун и посмотрел на ребенка одобрительно. – Слушай, и ведь вроде в книге сказано, что Дороти родом из Канзаса?

Боб Алле-гоп торжественно кивнул головой.

– Ну так все складывается замечательно! – Воттак от радости перекувыркнулся. – Как придем в Изумрудный город, сразу все расскажем Дороти. Когда она узнает, что мы тоже из Соединенных Штатов, она поможет нам вернуться домой, а если нам удастся еще и прихватить с собой парочку говорящих львов, наше будущее, считай, обеспечено! Ведь даже в знаменитом цирке Барнума нет говорящего льва!

Клоун так развеселился и обрадовался, что перешел на бег с прыжками. Но Боба стало клонить ко сну. Ему делалось все труднее поспевать за длинноногим Воттаком. Наконец он споткнулся о выступающий древесный корень и растянулся на земле. Воттак быстро поднял мальчика.

– Ну что, отбой? – засмеялся он, осторожно прикоснувшись к слипающимся глазам Боба. – Ладно, давай устраиваться на ночлег, все равно в темноте далеко не уйдешь.

– А я кроватей не вижу, – вздохнул Боб, устало прислоняясь к колену старшего друга.

– По правде говоря, я тоже их не вижу, – согласился тот. – Я вижу только один выход: давай притворимся, что мы цветочки, и заснем прямо на земле.

Клоун быстро собрал опавшие листья и уложил на них мальчика.

– А волки в этом лесу водятся? – спросил Боб, тревожно оглядываясь. Было уже совсем темно, только лунный свет пробивался сквозь густую листву. Ветви и стволы деревьев отбрасывали черные тени причудливых очертаний.

– Никак нет, это не волчий лес, – уверенно сказал Воттак. – Я думаю, что тут если кто и водится, так только феи с эльфами, Боб, и это напоминает мне песенку, которую я когда-то пелал.

Воттак обнял мальчика, положил его голову себе на колени и, прислонясь спиной к дереву, тихонько запел:

*Луна – это шарик воздушный
На серебристом шнурке,
Что держит сонная фея.
В белой и нежной руке,
Чтоб ночи были яснее,
Чтоб ночью было не скучно.*

*Но если утупит фея
Шнурок из белой руки
И ввысь улетит луна,
Проснемся мы от тоски.
Луна нам очень нужна,
Чтоб ночи были яснее.*

Клоун пел, а Боб, прижавшись к его груди, думал, что никогда в жизни не слышал такой прекрасной песни. Его никогда никто еще не обнимал, и песню специально для него тоже никто не пел. Мальчик уютно свернулся клубочком, глядя сон-

ными глазами на луну, просвечивающую сквозь листву. А ведь к ней и вправду была привязана серебряная веревочка, которую крепко держала какая-то красивая девочка. Песня говорила правду.

– Заснул, – прошептал клоун и обнял мальчика покрепче. Боб спал, и ему снилась луна – воздушный шар на веревочке в руках сонной феи.

Сам Воттак не собирался спать – на самом деле он вовсе не был уверен, что в этом лесу не водятся волки, но дневные приключения его утомили, и вскоре он крепко заснул.

Как только глаза клоуна закрылись, из-за дерева вышел крошечный эльф и поднес фонарик к лицу Воттака.

– До чего же он пел сладко, – вздохнул он, разговаривая сам с собой. – Жалко, если его съест какой-нибудь дикий лесной зверь. А это, должно быть, ребенок. – Он поднес фонарь к рыжей голове Боба. Некоторое время он молча смотрел на спящих путников, а потом задумчиво подергал свою серебряную бородку, поставил фонарь на землю и скрылся за дерево.

Воттак, сам не зная того, сказал чистую правду – в этом лесу жили феи и эльфы. Вообще-то они жили во всех лесах Страны Оз, но, кроме них, в лесах водилось много других созданий, в том числе и дикие звери. Но этих двух путников старый эльф решил защитить от всякого вреда. Немало волков и других зверей проходило, принюхиваясь, мимо, но эльфов фонарь ясно говорил им: «Лапы прочь!», и они, ворча, шли искать себе пропитания подалее.

Фонарик исчез с первыми лучами солнца, и Воттак с Бобом, не подозревая, каких опасностей избежали, проснулись почти одновременно.

– Вот так, – зевнул клоун, открыв один глаз и подмигивая, – мы еще здесь. Понятно. Я-то думал, может, дома проснемся.

Он откатился в сторонку и несколько раз отжался, чтобы размяться.

– Я часто удивлялся, почему цветочки такие неподвижные, а теперь знаю: потому что спят на земле. Я даже рад, что я не цветок, а ты, Боб?

Боб кивнул и бойко вскочил на ноги. Дул свежий ветерок, день был ясный и солнечный. Мальчик был готов к новым приключениям, а от одного взгляда на Воттака ему делалось легко на душе.

– Как ты думаешь, сегодня мы доберемся до Изумрудного города? – спросил он, поспевая вприпрыжку за Воттаком, который направлялся к весело журчащему ручью.

– Вообще-то Мустафа говорил, что туда три дня пути, – ответил Воттак. – Но Мустафа никогда не выступал в цирке, а цирковой народ может в любое место добраться в три раза быстрее, чем обычная публика, так что я не удивлюсь, если мы будем нынче ужинать в Изумрудном городе. Эх, жаль, что я не прихватил с собой старика Билли, он бы нас донес туда на спине.

– Это слон? – воскликнул Бобби, сделав круглые глаза. Клоун кивнул и, опустившись на колени на берегу ручья, принялся умываться. Боб последовал его примеру. Потом он разулся, чтобы поплавать, но тут Воттак вскрикнул, и мальчик замер на месте.

– Эх, зачем же я это сделал! – горестно восклицал Воттак, подпрыгивая и размахивая руками.

– Что сделал? – с любопытством спросил Боб.

– Умылся, вот что! Пудру всю смыл! – Клоун указал на свое лицо, которое покраснело и заблестело от холодной воды. – А пудры у меня больше нету! У тебя случайно нет пудры, Боб? Ох ты, горюшко! И с белым-то лицом нелегко шутить, а уж с красным и вовсе невозможно. Что же с нами будет? Я больше не клоун!

Бобби ужасно огорчился – он понимал, что без шуточек Воттака им придется нелегко. Он торопливо пошарил у себя в карманах – не потому, что ожидал найти там пудру, а просто от растерянности – и в маленьком кармашке штанов обнаружил пакетик с конфетами, который добрый пожилой джентльмен купил ему в цирке. Конфеты раздавились и слиплись, но мальчик машинально их вытащил и протянул клоуну.

– Ой, да это же зефир! – воскликнул в восторге Воттак. – Боб, ты спас честь моей профессии! Мы тщательно их сохраним. – Он похлопал себя по щекам зефириной, посыпанной сахарной пудрой, и с удовольствием рассмотрел свое отражение в воде. – Ну вот. Я опять клоун, – весело заключил он.

Боб тоже обрадовался. С напудренным лицом Воттак выглядел гораздо естественнее.

– А теперь приступим к завтраку, – объявил Воттак, слизывая с губ сахарную пудру.

Бобу очень понравилось умываться из ручья и завтракать под деревьями. Подкрепившись бутербродами маджистанского владыки, друзья бодро зашагали дальше.

– Мне почему-то кажется, что хоть сегодня от моих четырех правил будет какой-то толк, не то что вчера, – усмехнулся клоун. – Сегодня я попробую переодевание номер три. Номер три, Боб, да будет тебе известно, это медведь. Помни на-

шу программу: переодевание, вежливость, шутка, бегство. Все у нас пойдет как по маслу! – Воттак высоко подпрыгнул и от восторга стукнул ногой о ногу.

Боб подумал про себя, что вчера переодевание ничего хорошего не дало, но из вежливости промолчал. Поскольку ничто вокруг не предвещало опасности, он весело бежал по тропинке, время от времени останавливаясь, чтобы нарвать ярко-голубых цветочков, которые росли под деревьями. Лес оказался не таким большим, каким казался ночью, и через час друзья вышли на опушку. Вперед вела узкая дорога, по обеим сторонам которой плотной стеной стояли высокие деревья.

– Что же, мы по-прежнему идем на север. – Довольный Воттак поглядел на большой дорожный указатель, висящий в начале дороги.

«**На север Д**», – гласила надпись.

– Интересно, почему тут стоит это Д?

– Потому что сидеть не может, – внезапно проговорил указатель. Боб разинул рот от изумления, а Воттак от неожиданности зацепился ногой за камень и шлепнулся.

– Забыли нарисовать линеечку, на которой оно могло бы присесть, – ворчливо пояснил указатель.

– Куда идет эта дорога? – с трудом проговорил клоун, поднимаясь на ноги и хватая за руку Боба.

– Никуда она не идет, лежит себе спокойно на месте.

– Послушайте, – сказал растерявшийся Воттак. – Я никогда в жизни не слышал о говорящих указателях, но раз уж так получилось, что вы умеете говорить, дайте нам, будьте любезны, несколько указаний.

– Я даю только одно указание: на север. Хотите берите, хотите нет.

Воттак попробовал задать указателю еще несколько вопросов, но ничего не услышал, кроме угрюмых отговорок. Поняв, что от него толку не добьешься, друзья поспешили дальше.

– А может, Д означает Дороти? – предположил Боб после недолгого молчания.

– Вполне может быть, – ответил клоун, с беспокойством оглядываясь через плечо. – Но, вообще-то, эта страна очень непростая и выбрать тут не приходится. Эй, а это что еще такое?

Дорога внезапно повернула, и путники застыли на месте. Перед ними возвышалась серая стена, такая высокая, что перелезть через нее нечего было и надеяться, и такая длинная, что обходить ее пришлось бы несколько дней. Правда, в стене было несколько тяжелых дубовых дверей. Кроме того, на ней висела доска с надписью:

«Дверное графство. Не ошибитесь дверью».

– А какая же дверь нам нужна? – растерянно спросил клоун. Он не удивился бы, если бы доска ему ответила. Но та молчала.

– А всего их семь! – воскликнул Боб, который успел пересчитать двери по пальцам.

Путники в недоумении стояли перед стеной.

– Какая же дверь нам нужна? – повторил Воттак, почесывая ухо.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Семь дверей

огда Боб и Воттак подошли поближе, они заметили, что на каждой двери висит начищенная медная табличка с надписью.

«**Входа нет**», – лаконично извещала первая табличка.

– Ну, эта дверь, ясное дело, нам не подходит, – объявил Воттак и быстро перешел к следующей двери.

«**Не разбудите ребенка**», – предупреждала вторая табличка. Воттак и Боб прошли мимо этой двери на цыпочках и остановились перед следующей.

«**Спальня. Допуск с февраля**», – сообщила третья табличка.

– А сейчас только май. Мы не можем так долго ждать. – Воттак снял шляпу и отвесил двери вежливый поклон. – Кроме того, – пояснил он Бобу, который по складам разбирал

надпись на четвертой табличке, – зачем нам спальня? Мы уже выспались.

На четвертой двери висела табличка с надписью:

**«Его сверкательство владетельный граф
Теодор Третий».**

– Вот так-так! – воскликнул клоун. – Еще одна владетельная особа! Знаешь, Боб, по-моему, хватит с нас владетелей, какая-то они ненадежная публика.

**«Ее сверкательство графиня
Адора дю Конфитюр де ла Порт, –**

извещала пятая дверь.

Нетитулованных просят не беспокоиться».

– Да уж, мы с тобой не графины, это точно, – подмигнул Воттак

Полные любопытства, они поспешили к шестой двери. Здесь на табличке было написано коротко и ясно:

«Толкайте».

– А стоит ли? – задумался Воттак, потирая лоб. – Давай-ка лучше толкнемся в последнюю дверь, Боб.

– Будете толкаться, как бы и самим по лбу не получить, – проскрипел неприятный голос – Вам что, делать больше нечего, как толкать бедные трудящиеся двери?

После говорящего дорожного знака Воттаку с Бобом можно было бы и не удивляться подобной неожиданности. Но они почему-то удивились – настолько, что застыли на месте.

А табличка на говорящей седьмой двери извещала:

«Эта дверь сама решает, кого впускать».

– Хлеба не надо, молоко есть, в газетах не нуждаемся, – угрюмо продолжала дверь, – а если вы продаете щетки, то тем более можете убираться на все четыре стороны. Нам ничего не надо.

– Мы ничем не торгуем! – заверил Воттак слегка сдавленным голосом. – Мы просто хотим войти.

– А зачем? – подозрительно спросила дверь. – Наши все дома. У вас есть письменное приглашение?

– Мы ищем Дороти и Трусливого Льва, – застенчиво сообщил Боб.

– Так я и поверила! – фыркнула дверь, презрительно переводя деревянные глаза с Боба на Воттака. – Не доверяю людишкам с мохнатыми ушами!

– У нас уши не мохнатые! – воскликнул Боб, негодуяще топнув ногой.

– Нечего спорить! – сурово ответила дверь. – У тебя характер покладистый или перекорчивый? – спросила она, глядя на Воттака.

– А при чем тут мой характер? Мы просто хотим войти! – нетерпеливо ответил клоун.

– Перекорчивый! – торжествуя воскликнула дверь. – Нет, пожалуй, не буду я вас впускать. Ее сверкательство графиня сегодня в хлопальном настроении, а последний раз, когда я пустила незнакомых людей, она мне чуть ручку не открутила. Тут такой народ, вы себе не представляете – чуть что не так, давай скорее дверью хлопать! Иногда задумаешься, не лучше ли было бы мне родиться диванной подушкой!

– Я думаю, это было бы гораздо лучше, – нахмурился клоун, – потому что тогда я просто отшвырнул бы тебя с дороги, чем стоять тут и пререкаться. Ты наспустишь или нет?

– Нет! – решительно ответила дверь и злобно вертанула ручкой. – Знать я вас не хочу.

– Боб, – сказал клоун, поворачиваясь к упрямой двери спиной, – ты когда-нибудь о таком слышал? Знаешь что, пошли во вторую дверь! Я уж лучше рискну разбудить ребенка, чем спорить с упрямыми дверьми, которые сами решают, впускать меня или нет.

– Я детей не боюсь! – сообщил Боб, мужественно шагая за другом.

Ручка второй двери легко повернулась, и дверь внезапно распахнулась, так что Боб с Воттаком влетели внутрь, еле удержавшись на ногах. При первом же взгляде на ребенка Воттак дрожащей рукой зажал Бобу рот и медленно-медленно, очень осторожно стал отступать с ним к двери. Дело в том, что это был не человеческий ребенок, а драконий. Размером он был с небольшой товарный поезд, а храпел и свистел во сне в точности, как паровоз. Из ноздрей у него вырывались клубы дыма и искры.

Выбравшись наконец за дверь и тихонечко, но плотно прикрыв ее за собой, Боб и Воттак бессильно опустились на землю.

– Ребенок! – с трудом проговорил Воттак, протирая заслезившиеся от дыма глаза. – Хороший ребеночек! Не хотел бы я увидеть его родителей. Представляю, что за семейка!

– Он за нами не погонится? – шепотом спросил Боб.

Седьмая дверь покосилась на тяжело дышащих путников и ехидно спросила:

– Ну как вам наш малютка? Что недолго погостили? Не хотите ли вернуться откуда пришли?

– Никоим образом! – отозвался Воттак и прошелся колесом, чтобы немного успокоиться. – Только сначала... – Он повернулся к Бобу и подмигнул. – Сначала я должен переодеться, а то что-то у нас не клеится.

– По-моему, ты и так достаточно глупо выглядишь, – грубо сказала дверь, когда клоун вынул из-за пазухи костюм номер три. Не обращая внимания на это бестактное замечание, Воттак натянул на себя костюм и превратился в медведя – большого и свирепого бурого медведя. Боб сразу почувствовал себя увереннее с таким спутником. Взявшись за руки, путники решительно толкнули шестую дверь – ту, на которой было написано «Толкайте», причем Воттак так зарычал, что седьмая дверь задрожала, как осиновый листик.

– Батюшки, с петель бы не слететь! – простонала она. Но тут же она мстительно захохотала, потому что шестая дверь, которую толкнул Воттак, в ответ тоже толкнула Воттака, да так сильно, что клоун с мальчиком отлетели на десять шагов и рухнули в ежевичный куст.

– Молодец, шестая, так держать! – воскликнула злобная дверь. Воттак с трудом встал и принялся оправлять медвежью шкуру.

– Что же, – проговорил клоун, помогая мальчику выбраться из куста и сердито грозя двери медвежьей лапой, – что же, некоторые люди на нашем месте отчаялись бы или, по крайней мере, растерялись... Знаешь что? Давай-ка лучше толкнемся к графине. Если и выгонят, так по-благородному, тонко, аристократично.

На графининой двери висел серебряный колокольчик, в который Воттак недолго думая и позвонил. Минуту-дру-

гую путники стояли перед дверью, ожидая ответа. Потом случилось нечто непонятное. Для начала с двери соскочила ручка. Это бы еще ничего, но в следующее мгновение ручка молниеносно рванулась вперед, ухватила Воттака и Боба и втянула их в замочную скважину! Честное слово, я не шучу!

Постарайтесь представить себе, как должен чувствовать себя человек, которого протащили сквозь замочную скважину. Даже Воттак не мог выговорить ни слова. Он повалился на спину и тяжело задышал, широко раскрывая рот.

Вам, может быть, интересно, как же все-таки Воттак с Бобом прошли через скважину – они ли сузились или скважина расширилась. Я могу ответить только одно: не знаю. Знаю только, что они прошли и оказались с другой стороны графининой двери.

– Ваши карточки, пожалуйста!

Над ними склонился лакей в красивой темно-голубой атласной livрее. Не получив ответа, он сердито спросил:

– Вы что, глухие? Или немые? – Он легонько стукнул Воттака по голове своим серебряным блюдом для визитных карточек.

– Ни то ни другое, – простонал клоун. – Что вам от нас надо?

– Ваши титулы! – сердито бросил лакей, тревожно оглядываясь через плечо. Оглядывался он, как тут же выяснилось, не зря, потому что через мгновение в стену у него над головой врезалась ваза, три толстые книжки и каминные щипцы.

– Ух ты, графинюшка-то как разгневались, что ж я делать буду, – пробормотал он себе под нос, уронил блюдо и снова его поднял.

– Побежали, а? – предложил Боб, прижимаясь к Воттаку. Но клоун уже оправился от потрясения и в данную минуту деловито рылся в карманах, просунув руку в прорезь медвежьей шкуры.

– Вот они! – Он бросил лакею на поднос две большие пуговицы. – Немедленно отнеси это ее сверкательству.

– Снова кто-то до варенья добрался, – продолжал бормотать себе под нос лакей, не обратив внимания на Воттаковы пуговицы. – Да, гневаются графинюшка наша, гневаются, – и на каждом «гневаются» он подпрыгивал, как при игре в классики.

– Ты это уже говорил, – спокойно заметил Воттак, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– Гневаются! Гневаются! – не унимался лакей, продолжая прыгать. Так он и упрыгал по коридору до самого поворота, где скрылся из виду.

– Подожди! – закричал Воттак, пытаясь его догнать, и догнал бы, если б медвежья шкура не стесняла движений.

– Подожди! – вторил ему Боб.

Друзья побежали по длинному коридору и, завернув за угол, оказались в обширном и великолепном помещении. Его стены сплошь были заняты дверьми всевозможных форм и размеров, и перед каждой дверью стоял лакей, похожий на того, которого они видели. В центре зала возвышались два роскошных кресла. На одном восседала пышная и великолепная красавица, а на втором ее супруг, маленький и нервный. На голове у него была графская корона из фарфоровых дверных ручек, в то время как диадема графини была сделана из сверкающих золотых ключей. Графиня держала в руках и рассматривала Воттаковы пуговицы.

– Пуговицы! – презрительно проговорила титулованная дама. – И что это должно значить?

– Нас, ваше сверкательство, – ответил Воттак, стараясь поклониться как можно ниже, что в медвежьей шкуре было очень-то удобно.

Граф, вертя пальцами, произнес стишок:

*Кто стучался в наши двери?
Рыжий мальчик с бурым зверем.
Кот на крыше, пчелы в улье.
Дайте им скорее стулья.*

– Чушь какая! – небрежно бросила графиня. Но лакеи немедленно подали два стула, на которые Боб с Воттаком и уселись.

– Вот кто, по-моему, оценит наше правило номер два, – прошептал мальчику клоун. – Граф-то этот, сразу видно, человек вежливый, воспитанный.

– Теодор! – сказала графиня, странно гримасничая. – Теодор, по-моему, это они украли варенье. Медведи и мальчишки вечно воруют варенье. И где их титулы? А без титулов по какому праву они здесь находятся?

– Блистательнейшая государыня, – проговорил клоун, приподнимаясь со стула и указывая мохнатой лапой на пуговицы, – эти пуговицы на самом деле не пуговицы, а знаки нашего дворянского достоинства. Мы, видите ли, носим древний и почетный титул холостяков и владеем большими поместьями на манеже.

– Вы верите этому? – графиня испытующе взглянула на супруга.

– Нет! – твердо ответил граф, выдержав ее взгляд. – Как я могу поверить, когда мне такое место неизвестно! Где находится этот ваш Манеж? – сурово спросил он. – В Стране Оз?

Вот так был чрезвычайно удивлен неожиданным поворотом разговора и невольно подпрыгнул на сиденье.

– Он соня! – завизжала графиня, и голос ее звучал все пронзительнее и пронзительнее. – Он соня, вот он кто!

– Кто это – соня? – спросил Боб, который от удивления даже забыл испугаться.

– Соня – это животное, которое зимой впадает в спячку, как медведь или опоссум, дорогой холостяк де Манеж, – объяснил граф, строго трясая пальцем, – а здесь ему сейчас нечего делать.

– Я все поняла! – закричала графиня, размахивая руками. – Он не спать сюда явился, а воровать. Теодор, это он украл варенье! Нам теперь нечем смазать дверные петли!

Граф, укоризненно покачивая головой, произнес новый стишок:

*Вы, мадам, бесспорно, правы,
Он пришел не для забавы.
Без малейшего сомненья,
Это он украл варенье.*

– Покажи язык! – потребовала графиня, замахнувшись на Воттака связкой ключей. К сожалению, он не смог выполнить приказ, потому что у медвежьей маски, покрывающей его лицо, языка не было.

– Вот видишь! – победоносно завопила графиня. – Бойтся язык показать! Хлопкин! – обратилась она к плечистому лакею, стоящему за креслом. – Какое у нас полагается наказание за кражу дверного варенья?

Лакей вытащил из кармана небольшую книжицу, полистал и прочел гнусавым голосом:

– Каждому, уличенному в краже дверного варенья ее свертельства, следует вывернуть ручку и захлопнуть у него переносом каждую дверь нашего графства.

– Ужас какой, – пробормотал Воттак и, вскочив со стула,

начал клясться в своей невинности. Но графиня от него отмахнулась и, постукивая ключами по подлокотнику кресла, громко приказала:

– Хлопкинс, исполний приговор.

Хлопкинс немедленно вынул из кармана свисток и пронзительно свистнул. Все лакеи, стоящие у многочисленных дверей, устремились к дрожащему Воттаку.

– Стойте! – крикнул Боб, сжимая кулаки. – Не крал он вашего варенья! Это вообще не медведь, это Воттак Фунт!

– Фунт? – повторил граф, протер свои водянисто-голубые глаза и подался вперед.

– Я не медведь! – подтвердил бедный клоун, поспешно сдергивая медвежью маску в тот самый момент, когда первый из добежавших лакеев ухватил его за плечо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бегство из Дверного графства

то это значит? Как ты смеешь стоять перед нами в медвежьей шкуре и уверять, что ты не медведь? – заговорил граф, у которого от гнева даже перехватило дыхание.

– Виноват, сударь, ошибочка вышла, – сказал клоун, торопливо сбрасывая медвежью шкуру. – Если ваше сверкательство на первый раз нам простит, больше это не повторится.

– Ну как, простим? – спросил граф, поворачиваясь к супруге.

Графиня Адора во все глаза смотрела на странного гостя. Она была, несмотря на свой аристократизм, очень любопытна и поэтому решила, прежде чем захлопнуть дверь у него перед носом, разузнать о нем все, что можно.

– Мы временно закроем глаза на его проступки, – высокомерно объявила она. По ее знаку лакеи вернулись на свои места.

Граф улыбнулся и произнес нараспев:

*На кражу мы глаза закроем,
Чем вас мгновенно успокоим.
Вы дело повели умело.
Не бойтесь и садитесь смело.*

Боб вздохнул с облегчением и снова сел на стул. До чего же странный народ эти графы и графини, подумал он. И все же, несмотря ни на что, ему тут начинало нравиться. Граф Теодор был все-таки не таким свирепым, как Мустафа, а его привычка говорить стихами просто восхитила мальчика.

– Теперь вступает в силу правило номер три, – хрипло шепнул Воттак. – Не забыл его? Шутим, а потом удираем.

– Ладно, давайте приятно беседовать, – ласково сказала графиня. И внезапно спросила, уставив на Воттака длинный палец с острым ногтем: – Что это такое, чего в хижине два, в избушке одно, а во дворце ни одного?

– Буква И, – не растерялся Воттак. И, прежде чем графиня успела опомниться от удивления – еще никому не удавалось сразу ответить на такой трудный вопрос, – Воттак в свою очередь уставил палец на графа Теодора и спросил: – Что общего между книгой и ошибкой в вычислениях?

– Буква Ш, – угрюмо ответил тот, – и нечего в меня пальцем тыкать.

– Вот и неправильно! – обрадовался Воттак. – У книги и ошибки то общее, что и то и другое можно просмотреть!

– Вы согласны с этим, мадам? – спросил граф, поворачиваясь к своей супруге.

– Никоим образом! – ответила она.

– Но в книге нет буквы Ш! – тихонько пробормотал Боб.

– Ерунда! – возразил граф Теодор. – В нашей библиотеке множество книг, и во всех есть буква Ш, и даже не одна.

– И кто тебя только воспитывал? – осведомилась графиня, сурово глядя на мальчика.

Боб беспокойно поежился в кресле, но граф прошептал ему: «Можешь не отвечать, если не хочешь», и громко добавил:

– Не о том мы говорим, не о том! Перейдем к главному: что привело вас сюда?

*Кали вам есть что рассказать,
Прошу немедленно начать.*

– О, еще бы! Нам действительно есть что порассказать, ведь это целая история! – Обрадованный Воттак вскочил на ноги. Ему не терпелось поделиться историей своих приключений и в свою очередь разузнать все, что можно, об Изумрудном городе. Стараясь говорить как можно более кратко, он рассказал графу и графине о своей прежней цирковой жизни, о встрече с Бобом и их удивительном перемещении в Маджистан, о короле Мустафе и его строгом наказе добыть для королевского зверинца Трусливого Льва.

Когда Воттак на мгновение замолчал, чтобы перевести дыхание, граф сказал:

– Дорогая, может, пропустим их через наши двери?

Графиня наклонилась к супругу и что-то прошептала ему на ухо.

– Моя благородная Адора желает поразвлечься, – объявил граф Теодор, выпрямляясь в кресле. – Ты говоришь, что в цир-

ке твоим занятием было смешить людей? Очень хорошо. Если ты сумеешь рассмешить нас с графиней, мы вас пропустим, и вы сможете продолжать путешествие. Начинай немедленно. Тебе предоставляются три попытки.

Граф Теодор сложил руки на животе и откинулся на спинку кресла, очень довольный собой. Вот так на минутку призадумался – графиня Адора сидела с таким угрюмым лицом, словно ей никогда в жизни не доводилось смеяться. Но делать было нечего, клоун весело подмигнул Бобу и начал развлекать сверкательных зрителей. Для начала он так пронзительно взвизгнул, что у графа слетела с головы корона из дверных ручек. После этого он, не вставая со стула, перекувырнулся в воздухе, пробежался на руках, а потом заходил по комнате колесом с такой скоростью, что его ноги и руки слились в один бешено вращающийся круг. Затем он, ухватившись руками за щиколотки, перепрыгнул через Боба и наконец застыл в почтительном поклоне перед креслом графини.

– По-вашему, это смешно? – спросила Адора, сурово глядя на супруга, который в это время утирал лоб шелковым платком.

– Нет-нет, дорогая, ни капельки не смешно, – поспешил он ответить. – Скорее грустно. Я чуть не плачу. Хлопкинс, подай корону!

Хлопкинс поднял с пола упавшую корону, граф снова нахлобучил ее на голову, и сверкательная чета угрюмо воззрилась на бедного Воттака, который, в свою очередь, растерянно смотрел на них. Но поскольку так или иначе представление надо было продолжать, он вытащил из кармана большой носовой платок и мгновенно свернул его так, что платок стал похож на спеленатого ребенка. Прижав тряпичного младенца к груди, клоун нежным голоском запел такую песенку:

*Он лысенький, малыш мой, но это ничего!
Завьются скоро пышные кудряшки у него.
Баю-бай, баю-бай,
Засытай!
А коль лысеет взрослый, то это навсегда.
Не вырастут волосья, такая вот беда!
Покутай-ка паричок,
Старичок!*

– Что-о?! – яростно воскликнул граф Теодор, и Воттак, выронив от испуга тряпичного ребеночка, понял свою непростительную ошибку. Только сейчас он заметил, что граф совершенно лыс!

– Какая дерзость! – негромко произнесла Адора и посмотрела на бедного клоуна в лорнет так презрительно, словно он был крысой или жабой.

– Ва-ва-ваше сверкательство! – пролепетал вконец растерявшийся клоун. – Я... я это не про вас! Честное слово! Я про него! – И он показал на невозмутимо стоящего за графским креслом Хлопкинса, успев, к счастью, заметить обширную плешь на его круглой голове. – Позвольте рассказать вам одну коротенькую, но очень смешную историю. Жил да был один худенький кабанчик, и был у него узенький диванчик, а к нему пришел большой и толстый кабан и улегся на диван...

– Вы этому верите? – визгливым голосом спросил граф у Адоры.

– Ни единому слову! – ответила графиня и чопорно поджала губы. – Кто поверит в такую чушь?

– Хорошо, тогда скажите мне, – быстро-быстро заговорил Воттак, чувствуя, что дело плохо, – можно ли назвать везучим коня, которого заставили везти большой воз с сеном?

– Понятия не имею! – сердито ответил граф. – А это как, по-вашему, смешно? – снова повернулся он к супруге. Та вместо ответа только выразительно пожала плечами.

– А по-моему, это смешно! – не выдержал Боб, вскочив со стула. – А вы все время к нему придираетесь! – Он возмущенно смотрел на графскую чету.

– А что ж ты сам не смеешься, если это смешно? – спросил граф. Боб смутился, потому что не мог объяснить этим людям, как трудно смеяться сироте, воспитанному в приюте. Он молча сел на место.

Воттак озираясь вокруг, словно искал что-то. Он оглядел все ступеньки возвышения, на котором стояли графские кресла, а потом, подойдя к Теодору, приподнял его мантию и заглянул под нее.

– В чем дело? – сердито осведомился граф. – Что ты там ищешь?

– Свою шутку, – ответил с тяжким вздохом клоун. – Я ищу свою бедную скромную шуточку. Она пропала, потерялась, вы ее так и не заметили. Когда я спросил про коня, вы должны были ответить: «Смотря в каком смысле понимать слово «везучий». Понимаете?

– Нет, – сурово ответил Теодор. – Не понимаю и понимать не хочу.

*Я наказать тебя решил,
Ты нас ничуть не рассмешил,*

– Применяем последнее правило! – прошептал Воттак, подмигивая Бобу. Краем глаза он заметил, что граф подает знак Хлопкинсу, и понял, что нельзя терять ни минуты. Он решительно шагнул вперед и поднял руку, чтобы привлечь внимание. – Ваше сверкательство, спорим, что вы не найдете рифмы к слову «фокус»?

Впервые за все время глаза графа просияли удовольствием. Больше всего на свете он любил подыскивать рифмы.

– Покус! – немедленно ответил он.

– Покус не считается!

– Это еще почему?

– Потому что это слово ничего не значит. Нет уж, вы найдите хорошую рифму, осмысленную.

Граф забыл про Хлопкинса и, закрыв глаза, стал искать рифму.

– Бокус, вокус, – бормотал он, – гокус, докус... Нет, это тоже ничего не значит. Кокус, мокус... сокус, рокус. О, на-

шел! Крокус! Цветок такой. Ай да граф Теодор, ай да молодец!

Он раскрыл глаза и торжествующе огляделся по сторонам.

Но клоуна с Бобом уже и след простыл. Дело в том, что, когда Воттак прыгал по комнате, пытаясь насмешить графа с графиней, он заметил на одной из многочисленных дверей надпись «выход». И стоило графу закрыть глаза, как они мгновенно устремились к этой двери, сшибая по дороге потерявшихся лакеев, словно кегли. Выскочив в дверь и захлопнув ее за собой, они попали в темный коридор, который так круто вел вниз, что они съехали, как на санках, и через две минуты оказались на пыльной дороге. За спиной у них возвышалась серая стена, окружающая покинутое Дверное графство.

– До чего ж я вовремя этот фокус придумал! – отдышавшись, проговорил Воттак. – Ну и в страну мы с тобой попали, Боб! Как, бишь, она называется? Оз? Да, когда мы вернемся в Штаты, будет о чем вспоминать долгими зимними вечерами!

Боб ничего не ответил. Вцепившись в широкую штанину клоуна, он молча указал дрожащей рукой на густые заросли кустарника справа от дороги. Из сплетенных ветвей выглядывала свирепая львиная голова с пышной растрепанной гривой!

Клоун вздрогнул и лихорадочно стал вспоминать, как вел себя с хищниками его приятель Билл, цирковой укротитель. «Этих зверюг надо укрощать силой человеческого взгляда», – говаривал Билл. Да, это были его точные слова. Колени Воттака стучали друг о друга, словно кастаньеты, но он, собрав по-

следние силы, заставил себя посмотреть страшному зверю прямо в глаза.

Несколько секунд прошло в молчании – Воттак, не мигая, смотрел на льва, а лев смотрел на него. Потом лев вздохнул и заговорил. Голос его звучал хрипло и печально:

– Что они сделали с моей половиной?

– С чем? – переспросил Воттак. – Кто они? – Он покрепче взял Боба за руку, готовый броситься с мальчиком наутек при первом же движении хищника.

– Маджи, – еще печальнее прорычал лев, и две слезы скатились по его свирепой морде.

Прерывая свою речь бесчисленными всхлипами и вздохами, лев рассказал, как Валлитаз разрубил его пополам и захватил заднюю половину в плен.

– Как! Тебя разрубили пополам, а ты мало того, что остался жив, еще и разговаривать после этого можешь? – удивился Воттак.

– А что же тут удивительного? Язык-то со мной остался. А вот хвостик мой бедный... – и лев разрыдался. – Где мой хвостик? Я так по нему соскучился!

– Значит, у тебя только две лапы? – спросил Боб, выходя из-за спины Воттака. Поняв, что перед ними только половина льва, мальчик почувствовал, что его страх уменьшился ровно наполовину.

Полулев угрюмо кивнул.

– Будь у меня четыре лапы, – проворчал он, – неужели бы я стоял тут и лясы с вами точил? Давно бы вас разорвал на клочки и съел!

– Что говорить, повезло нам, – прошептал клоун. – Насколько же лучше встретить половину льва, чем целого!

– Сочувствия-то я дождусь от вас или нет? – сварливо прорычал Полулев. – Мог бы меня мальчишка хоть по головке погладить! Ему нетрудно, а мне все-таки легче.

– Можно, я его поглажу? – неуверенно спросил Боб у Воттака.

– А ты его не укусишь? – недоверчиво осведомился клоун у Полульва.

– Да нет, пожалуй, не укушу, – грустно ответил тот. – Ведь мой желудок остался с той половиной, так что аппетит у меня не прежний. Бедный-бедный мой пустой желудочек, каково-то ему сейчас? Погладь меня, мальчик, не бойся. Понимаешь, для того, чтобы я кого-то укусил, мне надо сначала рассердиться, а для этого я должен забить хвостом. А хвоста-то и нет. У-у-у!

Слезы покатались градом по львиной морде, и мальчику стало жалко бедного хищника. Он храбро подошел к нему и погладил по густой гриве.

– Сильнее! – рыкнул Полулев, закрывая глаза, и Боб стал гладить его изо всех сил. Льву все было мало. Подошел Воттак и тоже принялся его гладить, и наконец мальчик с клоуном совершенно выбились из сил.

– Извини, друг, – сказал наконец клоун, – нам, пожалуй, пора идти. Мы, понимаешь ли, спешим в Изумрудный город.

– Ой, правда? – Полулев раскрыл глаза, в которых загорелась надежда. – Так ведь там живет замечательный Волшебник! Пожалуйста, я вас очень прошу, расскажите ему о том, как я потерял свою половину и как я без нее мучаюсь! Он наверняка сможет ее мне приставить. Обещайте, что не забудете! – Лев от волнения чуть не упал, ведь стоять на двух лапах гораздо труднее, чем на четырех.

– Конечно, конечно, не беспокойся, мы обязательно ему расскажем о тебе, – пообещал Воттак, у которого было очень доброе сердце. – То есть, конечно, если найдем его. Честно говоря, я думаю, что если когда-то и были на свете волшебники, то сейчас их нет.

– Как это нет волшебников? – Полулев посмотрел на клоуна с величайшим удивлением. – Да у нас в Стране Оз они, можно сказать, кишмя кишат на каждом шагу. Скоро вы в этом убедитесь. Ладно, идите на север и никуда не сворачивайте. Я бы и сам с вами пошел, да тяжеленько мне ходить, на двухто ногах. А стоять еще труднее.

– А почему ты не сядешь? – необдуманно спросил Боб. Полулев застонал и посмотрел на него с горьким упреком в глазах. Видя, что бедный зверь опять вот-вот расплачется, Воттак решил немедленно отправляться и уже сделал несколько шагов, как вдруг вспомнил, что забыл спросить Полульва еще об одном.

– Кстати, а как ты сюда попал из Маджистана? Через Дверное графство?

– Да, – ответил, всхлипнув, Полулев. – Я сразу выбрал нужную дверь.

– Которую же? – с интересом спросил клоун.

– Забыл! – вздохнул бедный зверь. – Я теперь постоянно все забываю. Раньше-то как было? Когда я что-то хотел припомнить, мне стоило сесть и почесать за ухом задней лапой, и все мгновенно вспоминалось. А теперь.. У-у-у! – И он снова зарыдал.

– Ну ладно, бывай здоров, не грусти. – Клоун взял Боба за руку. – Если найдем этого Волшебника, обязательно расскажем ему о твоей беде.

– До свидания! – Полулев печально помахал им лапой.

И наши путешественники отправились дальше по пыльной дороге.

– Как мне хочется увидеть Волшебника! – сказал Боб.

– Знаешь, Боб, я, наверное, скоро и удивляться тому, что вижу, перестану, – задумчиво ответил Воттак. – Что за страна, сплошные чудеса в решетке. Если бы тебя со мной не было, я бы не сомневался, что сплю и вижу сон.

– Ой, смотри, еще один указатель, – тихонько прошептал Боб. Ему не хотелось, чтобы указатель его услышал. – Интересно, он говорящий?

– Они, я так думаю, тут все говорящие, просто не всегда в настроении разговаривать.

На указателе было написано большими синими буквами:

«На север Н».

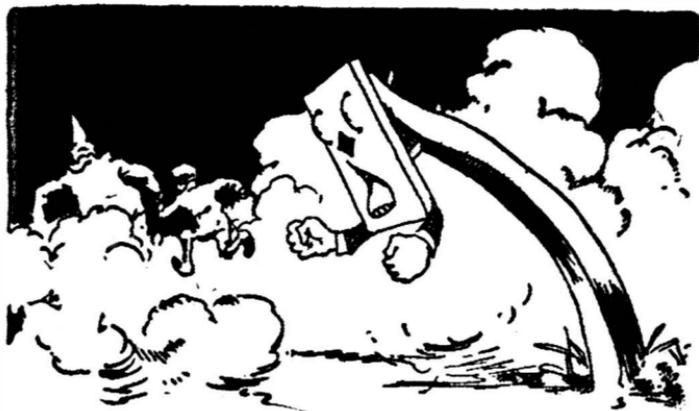
– Мы теперь знаем, что та буква Д обозначала Дверное

графство. А что, интересно, значит это Н? – задумчиво проговорил мальчик.

– Может быть, новогодние подарки? – предположил Воттак. – Новый год, правда, еще не скоро...

– Как же, держи карман шире! – сказал указатель скрипучим и неприятным голосом. – Сейчас все брошу, начну вам подарки предлагать. Да я бы вам скорее уж...

Но Воттак и Боб не стали слушать дальше. Они взяли за руки и весело побежали по дороге, ведущей к таинственному Н.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Трусливый Лев отправляется в поход

ичего не зная о том, что его замышляет изловить король Маджистана, Трусливый Лев шагал взад-вперед по широкой дворцовой веранде. Это был самый красивый дворец на свете, и принадлежал он Озме.

В Изумрудном городе стояло раннее утро. И сама Озма, и все ее фрейлины, придворные, друзья и слуги еще спали. Но кое-кто из дворцовых животных уже проснулся, и в саду собралась пестрая компания. Деревянный конь Озмы, который когда-то был простыми столярными козлами, бегал наперегонки с осликом Хэнком, маленький мул Бетси Боббин, Веселый Верблюша и Недоверчивый Дромадер чинно прогуливались по дорожкам, а Тото, собачка Дороти, и Стекланный Кот сидели под деревом и обсуждали по-

следнее стихотворение Лоскутушки. Все они были веселы и беззаботны, и Трусливый Лев, глядя на них, подавил невольный вздох. «Подумать только, – горестно прошептал он, – какие они все храбрые! А я? Я единственный трус на всю Страну Оз».

– Что-что ты говоришь?

Трусливый Лев вздрогнул. Он всегда вздрагивал, когда с ним неожиданно заговаривали. Но тут же он вздохнул с облегчением, потому что из-за колонны вышел его (и наш) старый знакомый, Зеленобородый Солдат.

– Что ты сказал? – повторил Солдат, опуская свое ружье – как всегда, незаряженное – и вопросительно глядя на Льва.

– Я говорю, что я единственный трус во всей Стране Оз.

– Ну и что, зато ты сражаешься храбро. – Солдат потерял свою зеленую бороду. – Вот меня, например, возьми. Я ужасно храбрый, да зато драться совсем не могу.

Это была чистая правда. Зеленобородый Солдат, из которого состояла Непобедимая армия Страны Оз, никогда ничего не боялся, но при первых же признаках опасности неизменно прятался в кусты. А Трусливый Лев, у которого при приближении врага сердце уходило в пятки, решительно бросался в бой и дрался до победы.

– Стало быть, между нами особенной разницы и нет, – добавил Солдат и, взяв ружье наперевес, пошел вниз по лестнице. – Ты боишься, зато ведешь себя как храбрец, а я наоборот. Так на так и выходит.

– Но для меня-то разница большая! – воскликнул Лев. – Я тоже хочу ничего не бояться! Ох, до чего же мне надоело трусом быть!

Потряхивая роскошной гривой, он тоже спустился в сад и вскоре набрел на Верблюшу с Дромадером, которые сели передохнуть под раскидистым завтраковым деревом. (На этом дереве вместо яблок или груш росли готовые завтраки, что было очень удобно.)

– Привет, Левушка! – сказал Верблюша. – Хорошо выглядишь, прямо красавец!

– Очень сомневаюсь, – возразил Дромадер, недоверчиво оглядев Льва от гривы до хвоста. Он говорил, как всегда, медленно и внушительно.

– Ну, ты у нас всегда во всем сомневаешься, – засмеялся Верблюша. – А вот я никогда и ни в чем.

– Ты прав, Дромик, – вздохнул Лев. – Какой же я красавец? Разве трус может быть красивым? – Он улегся на травку рядом с приятелями. – До чего же мне надоело всего бояться!

– А мне ты нравишься такой, какой есть, – ласково сказал Верблюша. – Храбрых львов много на белом свете, а ты у нас один. Единственный и неповторимый!

– С удовольствием бы променял свою неповторимость на храбрость. – И Лев снова тяжело вздохнул. – Что может быть лучше и прекраснее храбрости! И не утешай меня, ты сам отлично знаешь, что я прав.

– Сильно сомневаюсь, – вставил Дромадер, перекатывая пучок травы из одного угла рта в другой. – Очень, очень мне твоя правота сомнительна.

К друзьям подбежала Лоскутушка.

– О чем тут у вас разговор? – осведомилась она. – Какое-то вы ужасно серьезные, прямо как сэр Кофус.

Но оставим на минутку беседующих друзей. Тем из вас, кто еще не успел прочесть всех книг об Изумрудном городе, я хочу кое-что рассказать о нем и его обитателях. А остальные могут пропустить страничку.

Лоскутушка – очень известная в Изумрудном городе особа. Все ее любят. Ее когда-то сшила из тряпичных лоскутков жена одного чародея и оживила волшебным порошком. Ей с мужем нужна была послушная служанка. Но все дело им испортил Оджо, жевакинский мальчик, который случайно оказался поблизости, когда чародей набивал ватой Лоскутушкину голову. Оджо дождался, пока старик отвернется, и добавил к вате изрядную порцию ума, хитрости и любопытства. Поэтому Лоскутушка, вместо того, чтобы стать серьезной, почтительной и послушной, оказалась хитрой, веселой и озорной. Она не стала прислуживать чародейской парочке, а сбежала от них в Изумрудный город, и Озма пригласила ее жить во дворце.

Изумрудный город, как, наверное, все вы знаете, – столица Страны Оз и расположен в самом ее центре. В нем находится чудесный дворец Озмы, построенный из зеленого мрамора и украшенный изумрудами. Остальные дома там тоже очень красивые, и все они окружены цветущими садами. Это самый прекрасный и удивительный город в мире, а его жители еще удивительнее, особенно те, что живут во дворце Озмы.

Во-первых, это сама Озма, прекрасная фея-правительница Страны Оз. Во-вторых, это Дороти, девочка из Канзаса, которую в Страну Оз занес ураган. Ей здесь так понравилось, что она решила не возвращаться домой. Лучше быть принцессой в волшебной стране, чем жить в Канзасе и ходить в школу, решила она. Дороти испытала столько приключений, сколько хватило бы на всю жизнь сотне других девочек.

Еще во дворце живет Тикток, механический человек. Он медный и заводной. Нужно только не забывать вовремя его

завести, и тогда он прекрасно разговаривает, думает и действует.

Не забудьте и Страшиллу – самое доброе, умное и благородное воронье пугало, какое только можно себе представить.

Кроме них, к близким друзьям Озмы принадлежат Тыквоголовый Джек и сэр Кофус из Копуса – отважный рыцарь, которому столько сотен лет, что в любой другой стране он бы давным-давно умер. Но в Стране Оз никто не умирает – ни люди, ни животные.

А Железный Дровосек живет в Стране мигунов, потому что он тамошний император. Но он часто навещает своих друзей в Изумрудном городе.

Конечно, не все жители Изумрудного города знамениты. Большинство из них не ищет приключений и спокойно живет себе да поживает в красивых зеленых домиках. Они любят свою правительницу Озму и радостно приветствуют ее друзей, когда встречают их на прогулке. А в Озмином дворце живет много блестящих придворных и старательных вежливых слуг, всегда готовых подать гостю стакан лимонада, порцию мороженого или большой кусок торта.

И, конечно, по дворцу бродят замечательные животные – умные, добрые и веселые.

Поэтому неудивительно, что нет на свете человека, который бы не мечтал попасть в Изумрудный город – не считая, понятно, тех бедняг, что никогда о нем не слышали. Эх, найти бы нам с вами волшебный зонтик или попасть в подходящий ураган – только бы нас тут и видели! Мы бы мгновенно перенеслись в Страну Оз и приняли участие в разговоре Трусливого Льва с Верблюшкой и Дромадером.

Дромадер и Верблюша живут в Изумрудном городе не так давно. Их встретили в одном путешествии Дороти с сэром Кофусом и взяли с собой. А вот Трусливый Лев – старожил. Он любимец всего дворца - от Озмы до ее кухарки.

Пока я вам все это рассказываю, беседа под завтраковым деревом продолжается и делается все интереснее.

– А мне рассказывали, что Волшебник подарил тебе большой запас храбрости, когда ты с Дороти впервые пришел в Изумрудный город, – сказал Верблюша, одновременно с опасением поглядывая на Лоскутушку, которая раскачивалась на завтраковом дереве вниз головой, зацепившись за ветку пальцами ног.

– Подарить-то он подарил, только этот запас быстро расходовался. А больше у него самого нет. Он пробовал смастерить для меня искусственную храбрость, да что-то у него не заладилось.

*Храбрость – это не картошка,
В огороде не растет.
Где бы взять ее немножко,
Коль своей недостает? –*

пропела Лоскутушка и, неожиданно спрыгнув с дерева, приземлилась на спине Недоверчивого Дромадера. Она очень храбро прыгала, потому что руки-ноги и живот были у нее набиты ватой, так что переломы ей не грозили.

– Хочу предложить тебе одну скромную, но очень дельную мысль, – неторопливо начал Верблюша, втайне очень довольный, что Лоскутушка спрыгнула на спину его товарища, а не на его собственную.

– Ох ты мой миленький, за что я тебя люблю, так это за скромность! – воскликнула озорница, обнимая верблюда за шею. Но он, не обратив на ее слова никакого внимания, невозмутимо продолжал:

– Я думаю, что храбрость проявляется не в чувствах, а в поступках. А поступки у тебя храбрые. Ну так и не обращай внимания на свои чувства!

– Легко тебе говорить! – воскликнул Лев. – Если бы ты хоть раз почувствовал такой страх, как я...

Лоскутушка спрыгнула на землю и громко запела:

*Лёвик бедный весь дрожит,
В страхе зубками стучит,
На врага несется робко,
Задаёт злодею трепку,
И опять, в который раз,
Этот трус спасает нас!
Сильнолапый, пышногривый,
Славься, наш герой трусливый!*

– Я думаю, что все дело в твоей гриве, – продолжала она. – С такой гривищей невозможно вести себя как трус, как бы ты ни боялся.

На что Дромадер ответил своим неизменным: «Очень сомневаюсь».

– Что-то в этом есть, – сказал Верблюша, тщательно пережевывая клочок зеленой травы.

– Не такая уж она у меня и пышная, – застенчиво заметил Трусливый Лев, расчесывая гриву когтями. – Бывают и попышнее.

– Знаешь, что бы я сделала на твоём месте? – сказала Лоскутушка. – Я бы нашла какого-нибудь отчаянного храбреца и съела. Тогда вся его храбрость перейдет к тебе.

– Сомневаюсь, – повторил Дромадер.

– А ты подумала о бедном храбреце? Думаешь, приятно быть съеденным? – с упреком сказал Верблюша. – У тебя что, сердца нет?

– Конечно, нет! – весело крикнула Лоскутушка и побежала прочь по дорожке. – Зато у меня голова светлая!

Верблюша вздохнул и искоса посмотрел на Трусливого Льва. У того был отсутствующий вид – похоже было, что он глубоко задумался над советом тряпичной девочки. Минуты через две он встряхнул головой, простился с друзьями и удалился в дальний уголок сада. Ему надо было хорошенько поразмыслить.

Неужели он, самый знаменитый лев Страны Оз, так и будет всю жизнь называться трусливым? Нет! Надо что-то делать. Не отправиться ли ему в путешествие? Может быть, он встретит отчаянного храбреца и... Он не решился додумать эту мысль

до конца. Но в совете Лоскутушки безусловно имелся смысл. Действительно, как еще можно приобрести храбрость? Конечно, решиться на такое было нелегко. «Я никогда не смогу рассказать об этом Дороти, – грустно подумал он. – Но зато как она будет гордиться мной, когда я вернусь из путешествия храбрецом!»

Он так глубоко задумался, что и сам не заметил, как выскользнул из дворцового сада через незаметную боковую калитку и вышел к дороге из желтого кирпича. Однако он по дороге не пошел, а свернул в придорожный лес и направился на юго-восток, в сторону Жевакинского округа. Там много густых лесов, а в них работает немало храбрых дровосеков. Лев почти решил: делать нечего, он выберет самого отчаянного храбреца из этих дровосеков и съест его – если придется, вместе с топором. «Я проглочу его целиком, – думал он, – тогда ему будет не так больно». При одной мысли об этом его

доброе трусливое сердце отчаянно забилося, и он подумал, не отказаться ли от ужасного замысла. Так он спорил сам с собой, а ноги сами несли его на юг. К тому времени, как дворцовые часы пробили восемь, он был уже на много миль южнее замечательного Изумрудного города.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В поисках храбреца

русливый Лев хорошо знал все леса Страны Оз, и хотя тот, через который он сейчас пробирался, был таким густым, что даже ясным утром в нем царил полумрак, Лев без труда сохранял правильное направление. В самом центре леса было небольшое поселение лесорубов, и туда-то Лев и направлялся. Чем больше он думал о том, чтобы найти и съесть храбреца, тем быстрее он бежал. Он понимал, что если будет тянуть с этим делом, то никогда его не сделает. Заслышав в лесной тишине глухие удары топора, он вздрогнул и одним длинным прыжком очутился рядом с высоким и плечистым дровосеком-жевакинцем.

Заслышав треск ветвей, дровосек повернулся было на звук, но, увидев льва, снова отвернулся и спокойно продолжал рубить дерево.

«Вот это храбрость!» – подумал Трусливый Лев. Случай был удобный – человек стоял к нему спиной. Но нет, он никак не мог заставить себя наброситься на храбреца. Он тяжело вздохнул и сел на землю.

Только когда дерево рухнуло, человек повернулся ко Льву и дружелюбно спросил:

– Ну, как поохотился, удачно?

– Спасибо, не очень, – неохотно ответил Лев. Теперь положение было еще хуже – нельзя же сначала поговорить с человеком, а потом вдруг ни с того ни с сего наброситься на него и сожрать!

– Это жаль. – Дровосек вытер пот со лба и снова отвернулся.

– Скажите, пожалуйста, – неуверенно заговорил Лев, – вы храбрец?

– Да как тебе сказать, друг, – протянул дровосек, усаживаясь на пенек и протирая топор листьями, – не задумывался как-то об этом, не знаю.

– А то, что вы со львом разговариваете – это разве не храбрость? – спросил Лев с тайной надеждой, что человек это подтвердит, и тогда он наконец найдет в себе силы его проглотить и покончить с этим неприятным делом. Но дровосек ничего не ответил, зато начал пристально всматриваться в собеседника.

– А, батюшки! – внезапно воскликнул он, вскочил на ноги и от всей души шлепнул Льва по спине. – Кто к нам пожаловал! Извини, друг, сразу-то я тебя не признал. Ребята! – весело закричал он во весь голос. – Идите скорей сюда! Посмотрите, кто пришел! Это же сам Трусливый Лев! Мы про

тебя слышали, – продолжал он, широко улыбаясь смущенному Льву. – Мы все, конечно, тут домоседы, в Изумрудном городе не бывали, но всех тамошних знаменитостей знаем. И Озму нашу, и Страшиллу, и принцессу Дороти. Как ониживают?

Трусливый Лев схватился передними лапами за голову. Его задача делалась все труднее и труднее. Почему, ну почему этот человек оказался таким дружелюбным и славным?

– А как вы узнали, что я Трусливый? – спросил он сдавленным голосом.

– Ну, сначала-то я думал, что ты простой лев, обыкновенный. А потом вижу – ты весь дрожишь. Ну, думаю, Топпи, это меня зовут так, Топ Поррик, к твоим услугам, ну, Топпи, перед тобой сидит не кто другой, как сам знаменитый Трусливый Лев! Честь-то какая! Подумать, что я вижу лицом к лицу героя, который столько раз спасал нашу страну! Это для меня настоящий праздник!

Прежде чем Трусливый Лев успел что-то ответить, из-за деревьев прибежали все жители лесного поселения – лесорубы, их жены и малые ребятишки, всего человек пятнадцать. Топпи немедленно перезнакомил их всех со Львом. Тут уж Лев окончательно понял, что про пожирание храбреца придется на сегодня забыть. Дети немедленно нарвали цветов и сплели громадный венок, которым и украсили львиную голову. Льву ничего не оставалось, как только начать за это катать их на спине, чем он и занялся, к полному восторгу радостно визжащей детворы. Женщины натащили еды – бараньих отбивных, жареной картошки, пирогов с мясом и вкуснейших медовых лепешек – и принялись наперебой его угощать. Что до муж-

чин, то те уселись в кружок и приготовились слушать его рассказы об Изумрудном городе.

Да, такого праздника у лесорубов не было с того самого дня, как Дороти расправилась со злой Западной Ведьмой!

Трусливый Лев, внутренне стораая от стыда за черный замысел, с которым он сюда явился, постарался не обмануть их ожиданий и рассказал им все столичные новости, какие только смог припомнить. День уже начинал клониться к вечеру, когда он наконец распрощался с добрыми лесорубами и отправился дальше.

«Нет, дровосека я ни за что не смогу съесть, – грустно размышлял он на бегу. – Совесть не позволяет, потому что они хорошие. Придется найти какого-нибудь другого хабреца».

У него с самого начала было предчувствие, что последовать совету Лоскутушки будет нелегко, а теперь он начал подозревать, что совет этот и вовсе неисполнимый. Полный мрачных опасений, он неторопливо бежал среди высоких деревьев.

Когда он выбрался на опушку леса, было уже совсем темно. Он оглянулся – никаких хабрецов поблизости не было. Но он вспомнил, что по южной границе Жевакинского округа тянется горная цепь, а уж горцы всегда славились своей смелостью. Он решил, что стоит пойти туда – авось ему попадетсЯ храбрый горец, не особенно добрый и дружелюбный.

Лев, как и все хищники кошачьего семейства, хорошо видел в темноте, поэтому он не стал останавливаться на ночевку, а бежал и бежал на юг – мимо спящих деревушек, мимо широких полей, мимо покрытых душистыми цветами лугов. Когда дорогу ему пересекла широкая и бурная река Жевунка, он ее переплыл.

Ему было очень одиноко. Он много бы дал за то, чтобы рядом с ним оказалась Дороти или сэр Кофус. В то же время он понимал, что каждый из них сурово осудил бы его замысел. Он и сам-то его не одобрял, но и отказаться от единственного способа избавиться от надоевшей трусости не мог. Так он и бежал, раздираемый сомнениями и колебаниями.

И только с рассветом он набрел на храбреца.

Под раскидистым кустом, усыпанным душистыми голубыми розами, спал человек. Лев сразу понял, что это храбрец, потому что на нем был костюм охотника, а рядом лежало большое и очень страшное на вид ружье.

У Трусливого Льва отчаянно заколотилось сердце – он всегда боялся ружей. Но он понимал, что проглотить человека во время сна было бы очень некрасиво с его стороны, поэтому он, несмотря на обуревающий его страх, решил сначала разбудить охотника и заодно при этом выяснить, действительно ли он так храбр, как кажется. Он зажмурился и прыгнул на

спящего. Раздался хруст – Лев наступил на охапку сухих веток, которая служила незнакомцу подушкой. А вслед за хрустом раздался громкий визг, от которого у Льва заложило уши, а душа ушла в пятки. Кто-то схватил его за хвост и изо всей силы потянул.

– Караул! Помогите! – завопил проснувшийся охотник.

– Мамочки! – зарычал Лев.

Тот, кто тянул его за хвост, тоже при этом не молчал, а, наоборот, отчаянно вопил тонким голосом.

Трусливый Лев убрал стоящую на груди охотника лапу и дрожащим голосом спросил:

– Ты храбрый?

– Да не очень, – ответил тот, вскакивая с земли и одним прыжком прячась за ближайшее дерево.

Лев вздохнул с облегчением.

– Кажется, ты действительно не храбрец, – радостно сказал он. – Храбрец не стал бы звать на помощь. Отпусти мой

хвост, мальчик. Вышло недоразумение. Не съем я твоего охотника.

– Он и не охотник вовсе, – дрожащим голосом сказал мальчик, подбежал к незнакомцу и обнял его.

– Как не охотник? – удивился Лев. – А почему же тогда...

– Я клоун! – негодуяще воскликнул человек. – А ты грубое чудовище!

Да, это был Воттак Фунт. В один миг он сорвал с себя охотничью шляпу и фальшивую бороду, схватил на руки Боба, подбросил его повыше, чтобы мальчик смог ухватиться за ветку и влезть на дерево, а потом и сам ловко вскарабкался по стволу. Когда оба добрались до удобной толстой ветки, расположенной высоко над землей, они уселись и, раздвинув листья, с тревогой посмотрели вниз.

– Ну и страна! Львы на каждом шагу, – проворчал Воттак.

Лев смотрел на них, прислонив лапу к глазам.

– Бойтесь? – сочувственно спросил он. – Я вас очень хорошо понимаю, я и сам трус, каких свет не видел.

Услышав такие речи, Воттак от удивления чуть не свалился с дерева.

– Боб! – хрипло прошептал он. – Ты слышишь? Это же и есть Трусливый Лев! Ни в коем случае не проговорись, что мы собираемся его поймать!

– Он плохой! – всхлипнул Боб, который еще не оправился от испуга. – Он хотел тебя укусить!

– Что-что? – переспросил Лев, которому с земли было плохо слышно.

– Он говорит, что ты очень плохой лев, – сказал Воттак, с упреком глядя на громадного зверя.

– Мальчик прав. – Лев грустно вздохнул. – Конечно, я никудышный лев. Хороший лев давно бы съел вас обоих. Но знаешь, что я тебе скажу? Плохой лев может стать хорошим другом. Слезайте, не бойтесь меня. Говорю же вам, что вышло недоразумение.

– А ты действительно дружишь с Дороти? – уточнил на всякий случай Боб.

При имени Дороти Лев вздрогнул, и на морде у него появилось виноватое выражение.

– Да, мы дружим. А что? Вы тоже ее друзья?

– Нет, но зато мы ее соотечественники и земляки, – ответил клоун, – и если ты твердо уверен, что не хочешь меня съесть, я бы хотел задать тебе несколько вопросов.

– В жизни своей еще не съел ни одного человека! – грустно прорычал Лев.

– Надеюсь, ты не станешь начинать с меня! – засмеялся Воттак, подмигивая Бобу. Теперь, когда испуг прошел, он мог оценить смешную сторону происходящего: подумать только, они сидят на ветке, как птички, и беседуют со львом. Хотел бы он, чтобы кое-кто из цирковых приятелей посмотрел сейчас на него! У него было предчувствие, что рассказам его они не поверят.

Клоун с мальчиком спустились на землю, сели на травку и принялись с интересом разглядывать Трусливого Льва. А Лев с не меньшим интересом рассматривал их, что и понятно, потому что он никогда не видел клоунов. Для начала Воттаку пришлось рассказать Льву, как они с Бобом попали в Маджистан и как миновали Дверное графство. Он умолчал только о том, что обязан изловить своего собеседника и доставить королю Мустафе.

В данный момент, объяснил Воттак, они с мальчиком направляются в Изумрудный город, чтобы попросить помощи у Дороти. Они надеются, что девочка сможет как-нибудь помочь им вернуться в Штаты.

– Озма запросто сможет вас туда отправить при помощи волшебного пояса, – сказал Лев. – Я пойду с вами. У нас волшебная страна, в ней простым людям, вроде вас, опасно расхаживать. Дороти очень огорчится, если с ее земляками случится беда.

И он стал рассказывать им о волшебной Стране Оз, которая объединяет четыре больших государства и множество маленьких.

– Сейчас мы с вами, – говорил он, поводя лапой, – находимся в Жевакинском округе. К северу лежит Овражье, к западу – Страна мигунов, а к югу раскинулась Страна кводлингов, где правит добрая волшебница Глинда. А Озма – верховная правительница всей Страны Оз.

Потом Лев рассказал, как ураган занес в Страну Оз девочку Дороти из Канзаса, как она встретилась со Страшилой и отвязала его от шеста на кукурузном поле, где он пугал ворон, и как они вместе со Львом и Железным Дровосеком пришли в Изумрудный город, которым тогда управлял Волшебник, как они возвели на трон Озму, фею и законную правительницу, как в Изумрудном городе появились Лоскутушка, Тикток и сэр Кофус, какие им пришлось пережить приключения...

Бобби слушал его с округлившимися глазами, затаив дыхание. Каждый раз, когда Лев замолкал, чтобы перевести дыхание, мальчик нетерпеливо подпрыгивал на месте, ожидая продолжения.

Но вот Лев наконец окончил свой рассказ.

– Ох, как мне хочется скорее увидеть Дороти и Страшилу! – воскликнул Боб, вскакивая на ноги. – Пожалуйста, пойдемте туда скорее! – И он крепко обнял Льва за шею. Добрый хищник просиял от удовольствия.

– Я рад тому, что ты меня обнимаешь, – пророкотал он. – Это значит, что ты забыл о нашем маленьком недоразумении и теперь доверяешь мне.

– А почему ты меня спрашивал, храбрый я или нет? – поинтересовался Воттак. Он с удовольствием смотрел на Льва с Бобом. Очень уж этот мальчонка, обнимающий за шею льва, был не похож на робкого сиротку, с которым он явился в Маджистан.

– Понимаешь... – Лев смущенно откашлялся. – Мне просто необходимо отыскать какого-нибудь отчаянного храбреца.

– А зачем он тебе? – продолжал расспрашивать клоун, успевший уже старательно сложить и спрятать за пазуху

свой охотничий костюм и припудрить нос очередной зефириной.

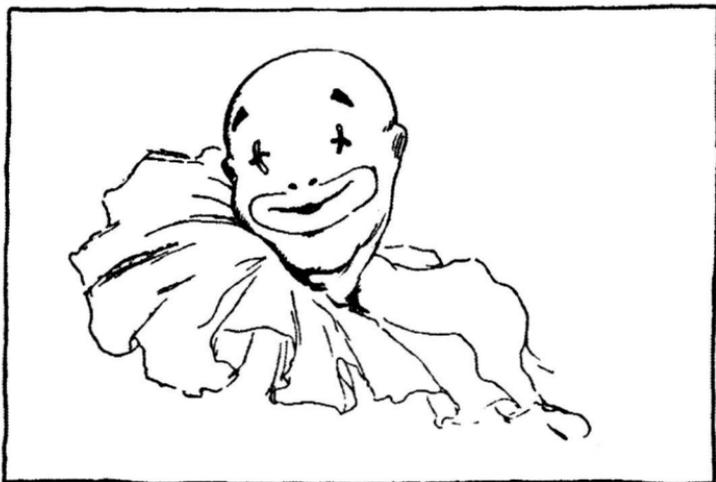
– Пожалуйста, очень тебя прошу, не спрашивай меня об этом, это секрет. – Трусливый Лев умоляюще поднял лапу. Вид у него был смущенный, и Воттак поспешил прекратить расспросы. Он и сам, по правде говоря, чувствовал немалое смущение – ведь он собирался при первой возможности связать этого зверя и доставить его Мустафе. Ведь другого выхода не было, он не забыл о волшебном кольце! Клоун вздохнул. Он успел привязаться ко Льву, а то, что он должен был сделать, слишком напоминало вероломное предательство. Но иначе он посинеет и не сможет пошевелить ни рукой ни ногой! А главное, он ведь не один, с ним Боб. Делать нечего! Он решил войти ко Льву в доверие и пока что идти с ним вместе к Изумрудному городу, а поскольку он это делает только для того, чтобы вернее захватить Льва, кольцо Мустафы не почернеет.

– А зачем ты изображал охотника, если не секрет? – спросил Лев. Он уже некоторое время размышлял об этом, искоса поглядывая на Воттака.

– Да нет, какой там секрет! – засмеялся клоун. – Я оделся охотником, чтобы на нас не напали дикие звери, пока мы спим. Я рассудил, что они, увидев ружье, испугаются и убегут. У меня такой обычай – переодеваться, когда пахнет какой-нибудь опасностью, верно, Боб?

Мальчик серьезно кивнул головой.

– Ну и как, помогает? – с интересом спросил Трусливый Лев. Клоун энергично закивал, но Бобби задумался и не сказал ничего. Ему казалось, что Воттак умудряется каждый раз выбрать не тот костюм, какой надо, но он решил не огорчать

друга и промолчать. Он сидел и вежливо слушал, пока Воттак объяснял новому знакомому свои четыре правила поведения в опасной ситуации: переодевание, вежливость, шутка и бегство. Выслушав его внимательно, Трусливый Лев покачал головой.

– А мне кажется, – сказал он, прищурив глаза, – что ты переодеваешься невольно, так же, как я невольно трушу. Ученые называют это рефлексом.

– Ну, я-то не трушу, – ответил Воттак, – просто мне как-то легче защищаться, если я не похож сам на себя. Понимаешь? Когда я похож на себя, я смешной, а разве смешной человек может постоять за себя?

– Ну, что касается меня, – отвечал Лев (он, как и большинство жителей земли, не исключая нас с вами, очень любил поговорить о себе), – чем смешнее у меня вид, тем я яростнее сражаюсь. Так что ты лучше меня не пугай, потому что я, когда напуган, дерусь просто героически.

– Ладно, запомню, – пообещал Воттак и перекувырнулся, а про себя тревожно задумался, представляя себе, что будет, когда он попробует захватить Льва.

Но пока что Лев явно ничего плохого не подозревал, а только радовался, что нашел себе спутников. Теперь у него был хороший предлог отложить неприятное дело с проглатыванием храбреца. Конечно, если храбрец сам случайно им подвернется – это дело другое, но главной обязанностью Льва сейчас было проводить клоуна с мальчиком в Изумрудный город.

Эта обязанность нисколько его не тяготила, наоборот – она казалось очень приятной, потому что Воттак не переставая шутил и веселил всех. Что касается Боба, то впервые с того дня, как он попал в волшебную страну, мальчик был по-настоящему счастлив.

К полудню стало жарковато, и Лев предложил спутникам свернуть в зеленую рощицу, через которую, как он думал, можно было кратчайшим путем выйти на дорогу из желтого кирпича. Но на первом же дереве, которое они увидели, висела доска с надписью: **«До Н осталось 20 деревьев».**

– Никогда не слышал о местности с названием Н, – пробормотал Лев, с удивлением глядя на доску. Доска промолчала.

– Мы уже видели указатель на Н, – вспомнил Воттак. – Вчера, на дороге. Мы с Бобом думали-думали, что бы это Н могло значить, но так ничего и не придумали.

– Ну и я тоже не знаю, – сказал Лев. – Этим наша страна и отличается. Даже тот, кто прожил в ней всю жизнь, как я, например, всегда может набрести на совершенно неизвестное ему место с очень странным населением. На карте в этих ме-

стах ничего особенного не показано, просто разбросанные кое-где фермы. Но раз уж мы зашли в эту рощу, можем заодно поглядеть, что это за Н такое.

Боб заметил, что на некоторых деревьях висят таблички с номерами. Они пошли в сторону возрастания этих номеров и незаметно зашли в густую чащу. Дойдя до дерева с номером 19, они немножко испугались, потому что все другие номера, по которым они ориентировались, внезапно исчезли. Деревья обступили их так тесно, что трудно было и шаг ступить, а когда Воттак предложил немедленно вернуться, они поняли, что совершенно не представляют себе, в какую сторону идти. В гриве Трусливого Льва застряло множество веточек и колючек. Боб, чтобы успокоиться, начал их вытаскивать, а клоун тем временем влез на дерево (то самое, с номером 19), чтобы осмотреться.

Он спустился очень быстро.

– Я видел полянку! – воскликнул он. – Совсем рядом, а посередине на ней большое дерево, и, по-моему, я разглядел на нем цифру 20. Пошли скорее!

Клоуна терзало нетерпение и любопытство. Он вошел во вкус жизни в волшебной стране, где на каждом шагу путника подстерегают чудеса и тайны.

– Пустите-ка, я пойду первым, – сказал Трусливый Лев. – У меня шкура все-таки попрочнее ваших. – И он стал продирается сквозь густой подлесок. Наши друзья последовали за ним, прижав руки к лицу, чтобы защититься от колючек и острых веток. Наконец они выбрались на полянку, о которой говорил Воттак.

И тут Лев заморгал глазами от удивления, а Воттак крепче прижал к себе Боба.

Двадцатое дерево вязало! Кончики его густых веток удивительно напоминали пальцы, и в этих пальцах оно держало множество – не меньше сотни! – блестящих стальных вязальных спиц, которые быстро-быстро двигались. Время от времени дерево наклоняло верхушку, словно разглядывая свою работу. А вязало оно не шарфик или варежки, а громадную ажурную сеть, которая окутывала его, словно облако!

Некоторое время изумленные путешественники молча смотрели на дерево. И вдруг Боб завопил, Лев зарычал, а Вот так не смог издать ни звука, потому что у него перехватило дыхание от испуга. Да и было от чего испугаться. Сеть внезапно взвилась и опустилась на них. Они попались в нее, словно стайка рыб!

Дерево рассмеялось. Это был неприятный смех – скрипучий и злой. Потом оно быстро-быстро довязало сеть, соединив ее края, отчего она стала похожа на громадный мешок,

и, подняв разом все свои ветви, подбросило этот мешок вместе с пленниками высоко в воздух.

С сетью происходило что-то необыкновенное. Несмотря на то что в ней было, как и во всякой сети, множество отверстий, она вдруг раздулась, словно воздушный шар, и на бешеной скорости помчалась ввысь. А Трусливый Лев, Воттак и Боб беспомощно барахтались внутри летящего и раскачивающегося шара. Им было очень неуютно и страшно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Востров Не

– И не мог бы не дрожать так сильно? – спросил, задыхаясь, Воттак, в который раз налетая на бедного зверя. – Все поменьше бы нас трясло!

– Как же мне не дрожать, когда я боюсь? – удивился Лев, изо всех сил цепляясь за сеть когтями.

– И я боюсь! – жалобно крикнул Боб и налетел сначала на Льва, а потом на Воттака.

– Можно подумать, что ты меньше меня дрожишь! – продолжал Лев с упреком. Как раз в этот момент Воттака снова бросило на Льва, и он угодил ему головой под ребра. – Держись за сеть! Что ты руками размахиваешь?

– Костюм хочу достать! – крикнул клоун, пытаясь залезть за пазуху непослушными руками. – Эх, если бы мне удалось переодеться!

Лев хмыкнул и улыбнулся. Ему стало так смешно, что он даже дрожать на минутку перестал. И тут воздушный шар неожиданно сбавил скорость и полетел медленно и плавно. Тряска прекратилась, и путешественникам стало полегче.

– Я понял, что значит Н! Просто-напросто «наверх». То есть алле-гоп. Ну как, здорово мы прыгнули на этот раз? – И Воттак весело подмигнул Бобу, после чего принялся любоваться воздушными видами через отверстия сети. – Я один раз уже летал на воздушном шаре. Это была реклама нашего цирка. Только мы так высоко не поднимались. Интересно, где мы приземлимся.

– А ты все-таки думаешь, что мы когда-нибудь приземлимся? – вздохнул Трусливый Лев. У него был очень несчастный вид. Ему было неудобно сидеть, потому что задние лапы у него попали в отверстия сети и торчали наружу. – Прислонись ко мне, Бобби, тебе так будет помягче. – Обращаясь к Воттаку, он добавил: – Когда ты поживешь с мое в Стране Оз, то поймешь, что здесь ни в чем нельзя быть до конца уверенным: Если мы летим, то это вовсе не значит, что мы обязательно приземлимся.

– Ну что же, буду уверен в том, что ни в чем нельзя быть уверенным, – засмеялся клоун. – Какая ни есть, а уверенность все-таки легче. А смотри-ка, у нас по курсу земля! И скорость падает.

Действительно, воздушный шар медленно опускался, приближаясь к скалистому острову. Когда сеть почти коснулась зеленого холма, она неожиданно перевернулась и вышвырнула наружу путешественников с такой силой, что они скатились по склону холма к самому его подножию.

Первым вскочил на ноги Трусливый Лев и сразу стал перед Бобом, заграживая его от возможной опасности. Он по-прежнему дрожал от страха, но понимал, что в случае драки все-таки окажется лучшим бойцом, чем эти беспомощные люди. А то, что придется драться, казалось вполне вероятным, потому что к ним быстро и шумно приближалась целая толпа туземцев.

Воттак быстро помог Бобу подняться на ноги и стал рядом с ним за спиной Льва. Переодеваться не было времени.

– Начинаем сразу с правила номер два, – вполголоса проговорил он, поправляя воротник своего клоунского комбинезона. – Будем чрезвычайно-ужасно вежливы. С незнакомыми людьми надо говорить только так.

– Ладно, – согласился Трусливый Лев. Он говорил каким-то придушенным голосом. – Ты давай свою вежливость показывай, а уж если не поможет, я им покажу кое-что другое. – И он крепко сжал челюсти, потому что у него от страха стучали зубы.

Когда первый из туземцев достиг подножия холма, Боб невольно вскрикнул, но Воттак спокойно выступил вперед.

– Дамы и господа! – начал он в самой своей непринужденной цирковой манере. – Позвольте представить вам самого знаменитого льва в мире – Трусливого Льва из Страны Оз. Он столь же отважен, сколь и труслив. Позвольте также вам представить Боба Алле-гопа, умнейшего мальчика Соединенных Штатов, и себя, скромного клоуна, чьи шутки и фокусы неизменно восхищали коронованных особ пяти континентов. Дамы и господа, сейчас мы...

– Парочка двуногих и одно животное! – крикнул вожак туземцев, перебив Воттака.

– Два двуногих и животное! – повторили туземцы, тупо глядя на пришельцев. Трусливый Лев угрожающе зарычал, а Воттак быстро стал припоминать свои испытанные шуточки. Что касается Боба, то он был так удивлен, что молча смотрел во все глаза – и было на что посмотреть. Таких удивительных созданий, как эти туземцы, мальчик видел впервые в жизни.

Начать с того, что вместо волос у них на головах росли перья – небольшие блестящие перья, гладко лежащие надо лбом, делающиеся чуть подлиннее к затылку и слегка завивающиеся возле ушей. Глаза у них были совершенно круглые, а носы весьма смахивали на птичьи клювы. В остальном они мало чем отличались от обычных людей, разве что своей походкой – ноги у них сильно косолапили, и поэтому они передвигались прыжками: выставляли вперед одну ногу, а потом перепрыгивали через нее.

Воттак собирался выдать какую-нибудь шутку, но не успел. Вожак сделал знак двоим туземцам, которые до этого держались позади, те выступили вперед и развернули большой флаг. На флаге было написано кривоватыми желтыми буквами: **«Недобро пожаловать на Не!»**.

– Нет, вежливость с ними ни к чему! – пробормотал Лев и, решив взять дело переговоров в свои лапы, так зарычал, что земля содрогнулась.

– Ой! – вскричал Воттак, который перепугался ничуть не меньше птицеголовых. А те были напуганы до потери дыхания. Перья у них на головах встали дыбом, так что каждая голова стала похожа на взъерошенную перьевую метелку, какими прилежные хозяйки смахивают пыль. Трусливый Лев даже не смог еще раз зарычать, как собирался, потому что его разобрал смех. Воттак, бросив один взгляд на растерявшихся

хозяев воздушного острова, прислонился к дереву и тоже захохотал, да так, что у него слезы выступили на глазах. Даже Боб засмеялся.

– Попробуй еще раз, – шепнул Воттаку Лев. – Теперь, я думаю, они будут слушать.

Воттак вытер рукавом заслезившиеся глаза, шагнул вперед и обратился к вожаку:

– Не будете ли вы так любезны, – вежливо сказал он, – немного рассказать нам о своей замечательной стране, а потом показать кратчайшую дорогу из нее?

– У нас не страна, а востров, – ответил птицеголовый, часто моргая круглыми глазами.

– Как вы сказали? Востров? – Клоун бросил вопросительный взгляд на Трусливого Льва, но тот только пожал плечами. Он явно впервые слышал это слово. – А что это такое?

– Как что? Ну вот это все, – угрюмо ответил вожак. – Ты смотри, темный совсем. – Трусливый Лев угрожающе рыкнул, и туземец снизошел до объяснения. – Востров – это вроде острова, только он не внизу там, а в воздухе, понимаешь? Ты что, воздухографию в школе не учил? Простой-то остров знаешь что такое, нет? – И он презрительно посмотрел на пришельцев.

– Я знаю! Остров – это часть суши, со всех сторон окруженная водой! – воскликнул Боб. Он очень обрадовался тому, что уроки географии все-таки, оказывается, могут пригодиться в жизни.

– Ну вот, – неохотно сказал вожак, – а востров – это часть суши, со всех сторон окруженная воздухом. Понятно?

– Воздухом! – повторил в изумлении Воттак. – Послушайте, а как же можно выбраться с этого вашего вострова?

– Скоро узнаешь, – проворчал птицелоговый, а его соотечественники закивали головами и закудахтали, как куры.

– А как вы называетесь? – спросил Трусливый Лев. Теперь, когда он убедился, что может запросто напугать этих востровитян, он больше не боялся.

– Мы – нейцы, вот мы кто, и никому, кроме нейцев, не дозволяется жить на нашем острове. Сейчас мы вас отведем во дворец, и его возвычество решит, что с вами делать.

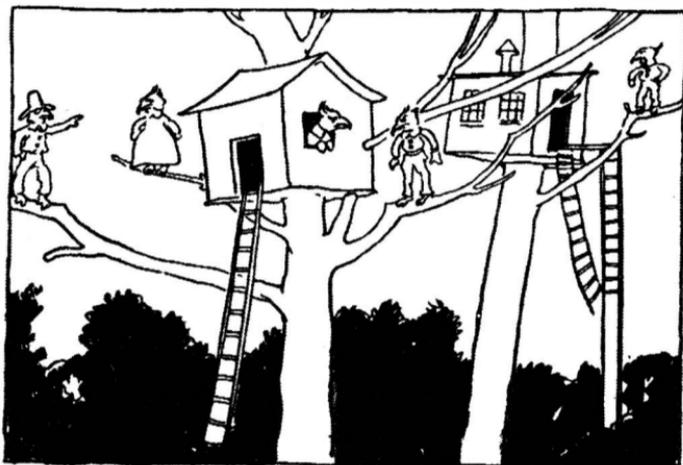
– Ох ты, батюшки, опять владетельная особа! – простонал клоун.

– Не пора нам убежать? – тихонько спросил Боб, дергая клоуна за штанину. Дело в том, что нейцы подходили к ним все ближе и уже не особенно обращали внимание на львиное взрыкивание.

– Бежать-то некуда, Боб. Если свалимся, представляешь, с какой высоты придется падать? Пойдем с ними, может, роль у них поприличней своих подданных. Ведите нас к своему королю! – вскричал он и решительно нахлобучил на голову свой клоунский колпак.

Бормоча и подпрыгивая, нейцы выстроились в две кривоватые шеренги, поместили трех путешественников между рядами и направились ко дворцу.

На острове Не росло много высоких деревьев, и на каждом дереве наши друзья с удивлением увидели примитивное сооружение с дверями и окнами. Это были дома птицеголовых, и они были приколочены к веткам, как громадные птичьи домики. Их соединяли с землей длинные лестницы, по которым востровитяне ловко сновали туда-сюда. Женщины, стоя на ветках, развешивали белье так же спокойно и непринужденно, как любая хозяйка вешает выстиранное белье на веревку у себя на заднем дворе.

Земля вострова была каменистой и, видимо, неплодородной. На ней не было никаких строений, ферм или мастерских.

– Как же вы тут добываете себе пропитание? – спросил Воттак, поворачиваясь к ближайшему нейцу.

– Рыбалкой, ясное дело, – ответил тот.

– И какая у вас рыба водится? – любопытствовал Лев.

Птицеголовый презрительно посмотрел на него через плечо.

– Нет, вы все-таки удивительно темные! Какая еще рыба? Неужели непонятно, что мы птиц ловим?

– Тогда это уже не рыбка, а птичка, – заметил Боб. Птицеголовый сердито покосился на мальчика, но ничего не сказал.

Воттак захохотал. Ему было так смешно, что он хоть и понимал, что не стоит раздражать хозяев, ничего не мог с собой поделать. Птицеголовый, гневно взъерошив перья, подскочил к нему и чуть не клюнул в лицо.

– Болваны! – завизжал он. – Наглые незваные недоумки!

– Незваные недоумки! – подхватили в унисон остальные нейцы. Те, которые были ближе к Воттаку, стали нарочно наступать ему на ноги. Воттак оглянулся на Боба и, увидев, что мальчик побледнел от испуга, поспешил сделать серьезное лицо.

Вскоре они подошли к дворцу. Это было не слишком красивое строение, больше всего похожее на большой сарай, водруженный на толстые ветви сразу четырех деревьев, метрах в трех над землей. На каждом из четырех деревьев развевался большой желтый флаг с надписью «НЕ».

Нейцы подтолкнули друзей к шаткой зеленой лестнице. Трусливый Лев дрожал от страха, поднимаясь по узким перекладам, но с помощью Воттака кое-как одолел подъем. И вот путники предстали перед нейским королем.

– Двое двуногих и животное, ваше возвеличество, – объявил вожак. После чего, подойдя вплотную к Воттаку, прокричал ему в самое ухо: – Его возвеличество Еслиб Дакабык, король вострова Не!

У бедного клоуна даже колпак слетел с головы. Он поспешно зажал уши. Лев сердито рявкнул и с удовольствием заметил, что перья на голове его возвеличества встали дыбом.

– Приблизьтесь, двуногие и животное, – произнес Еслиб Дакабык слегка дрожащим голосом. Он сидел на высоком деревянном насесте и болтал ногами. По сторонам и позади насеста стояли нейские гвардейцы в ярко-зеленых мундирах. Перья у них на головах тоже были зеленые.

Воттак глубоко поклонился и подошел к насесту поближе, а Лев и Боб встали у него за спиной.

– Что привело вас к решению явиться сюда? – осведомился король, надевая на свой громадный крючковатый клюв очки, чтобы лучше рассмотреть пришельцев.

– Решение – не то слово, ваше возвеличество, – поспешно ответил клоун. – Мы ничего не решали, мы просто стояли под деревом и смотрели, как оно вяжет, что нас очень удивило...

– А почему бы дереву и не развлечься вязанием? – перебил его король. – Ни один закон не запрещает деревьям вязать. А нас его пристрастие очень выручает, иначе где бы мы брали сети для рыбалки?

– Ну вот, и эта сеть нас ухватила и забросила сюда, – продолжал Воттак, твердо решив не вступать ни в какие споры.

– Я бы не назвал вас хорошим уловом, – недовольно заметил король и повернулся к своим гвардейцам за одобрением. Те так энергично закивали, что у Боба закружилась голова.

– И что же, вы желаете стать нейцами? – мрачно спросил король.

– Нет уж, спасибо, я перьями обрастать не желаю, – проворчал Лев и показал королю острые когти.

– Надо будет – обрастешь как миленький, – надменно ответил тот. – Но если вы хотите тут остаться, вы должны стать

истинными нейцами, то есть приобрести как можно больше недостатков. Я, например, несправедлив и немилостив, а вот Билл, – и он ткнул пальцем в командира гвардейцев, – Билл неговорчив и неблагодарен. А Том, – он указал на нейца, стоящего справа от тронного насеста, – известен своей неуживчивостью и недоброжелательностью. Ясно вам? Не, не и еще раз не – вот наш девиз!

И король радостно потер руки, похожие на когтистые птичьи лапы.

– Никогда ничего подобного не слышал, – растерянно проговорил Воттак.

– Естественно! Наш востров – невиданный, неслыханный и необыкновенный. Я же говорю: не, не и еще раз не! – Король самодовольно пригладил перья.

У Боба совсем округлились глаза, Воттак сглотнул, а Трусливый Лев поставил уши торчком – он решил, что ослышался – так его удивили королевские речи.

– И я вижу, – продолжал король с ехидным смешком, – что у вас есть все задатки истинных нейцев. Ты, например, – он ткнул когтем в клоуна, – нелеп и неумен, а ты, – он указал на Льва, – невоспитан и неприятен. Ну а ты, – и когтистый палец повернулся в сторону Боба, – ты совершенно незначителен и неинтересен.

– Спасибо за комплименты, – сказал Воттак и поклонился.

– А самое главное, – и голос Еслиба Дакабыка поднялся до пронзительного визга, – вы незванные и непрошенные невежи!

– И вам у нас придется очень нелегко! – пробасил Билл.

– И покажется очень неудобно! – добавил Том и подпрыгнул от радостного предвкушения.

– И станет просто невыносимо! – пропищал еще один гвардеец.

И все собравшиеся в дворцовом зале нейцы принялись подпрыгивать, размахивать руками и выкрикивать слова, начинающиеся на «не». Боб зажал уши, а Трусливый Лев яростно забил хвостом.

– Замолчите! Да замолчите же! – вскричал клоун и топнул ногой. – Ваш востров – самое неприятное место из всех, в которых мне довелось побывать, – на этом месте его прервали аплодисменты нейцев, – а я, поверьте, немало путешествовал с цирком. Покажите нам дорогу отсюда, и мы ни минуты здесь не останемся.

Король Еслиб поднял руку, призвав всех к молчанию. Затем он вынул из кармана небольшой блокнотик, вырвал из головы перо и, обмакнув его в поданную Томом чернильницу, торопливо что-то написал. После этого он протянул листок с записью командиру гвардейцев. Воттак удалось подглядеть через плечо Билла, что на листке было написано: «Столкнись при первой возможности».

Билл, не зная, что клоун прочел королевский приказ, поклонился королю и что-то зашептал своим подчиненным. Воттак почесал за ухом и задумался.

– А поесть у вас тут нечего? – спросил он, чтобы выиграть время.

– Угощать вас не собираемся, – ответил король, моргая птичьими глазами. – Хотите есть – отправляйтесь на рыбалку. Так у нас принято. Билл, выдай им удочки! – Он коварно подмигнул зеленому гвардейцу и, как заметил Воттак, сделал легкое движение рукой, словно смахивал что-то с рукава.

Билл усмехнулся и тоже подмигнул королю. Потом он быстро вышел и вернулся с тремя удочками.

– Ура! – воскликнул Боб. – Пошли порыбачим!

– И где же тут у вас рыбачат? – спросил Воттак, наморщив лоб.

– А где хотите. Можете забросить удочки в любом месте на краю вострова, – сказал король, подталкивая локтем в бок ближайшего гвардейца. При этих словах все птицеголовые принялись переглядываться, подмигивать и толкать друг друга локтем в бок.

– Ну что же, пошли! – скомандовал Воттак, сунул удочки под мышку и шагнул к двери.

На лестнице Трусливый Лев споткнулся и полетел кубарем вниз, пересчитав все ступеньки. К счастью, он не сильно ушибся и сразу вскочил на ноги. Трое друзей поглядели по сторонам и увидели невдалеке купу деревьев. Туда они и отправились.

– Не нравятся мне эти нейцы, коварный они народ, – сказал клоун. – Они замышляют столкнуть нас с вострова, для того и отправили на рыбалку.

– Пусть только попробуют! – зарычал Лев и тряхнул гривой. При падении с лестницы он ободрал коленки на всех четырех лапах и очень испугался, поэтому был настроен весьма воинственно.

– Вот не знаю только, стоит нам все-таки попробовать порыбачить или нет? – задумался Воттак. Боб не ответил, только бросил печальный взгляд на удочки. Ему еще никогда в жизни не доводилось рыбачить и ужасно хотелось попробовать. Даже коварство нейцев не так его пугало, как опасение, что рыбалка не состоится.

Воттак понял его красноречивый взгляд.

– Я голодең, как лев! – сказал он. – А пакеты, которые дал Мустафа, я потерял, когда нас трясло в воздушном шаре.

– Может, ты и голоден, как какой-то другой лев, но уж точно не так, как я! – подхватил Трусливый Лев, мигнув Бобу. – Время за полдень, давно обедать пора. Предлагаю рискнуть! Вы будете рыбачить, а я стоять на страже, и если какой-то из птицеголовых попробует нас столкнуть... – Он не договорил, грозно рыкнул и погрозил могучей лапой дворцу короля Еслиба Дакабыка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Необыкновенная рыбалка

рузья ожидали, что гвардейцы отправятся следом за ними. Но нет, их оставили в покое, и они спокойно шли по острову, беседуя о своем. Примерно через час они оказались у края. Лев вздрогнул, увидев необозримое пространство голубоватого воздуха, и даже у не слишком трусливого Воттака засосало под ложечкой. Мимо них проплывали пушистые облака.

– Как ты думаешь, Воттак, мы поймаем хоть одну птицу? – нетерпеливо спросил Боб. Он подошел так близко к краю, что Трусливый Лев вздрогнул и взрыкнул в испуге.

– Ты, главное, помни, что сам-то ты не птица, – сказал он, придя в себя.

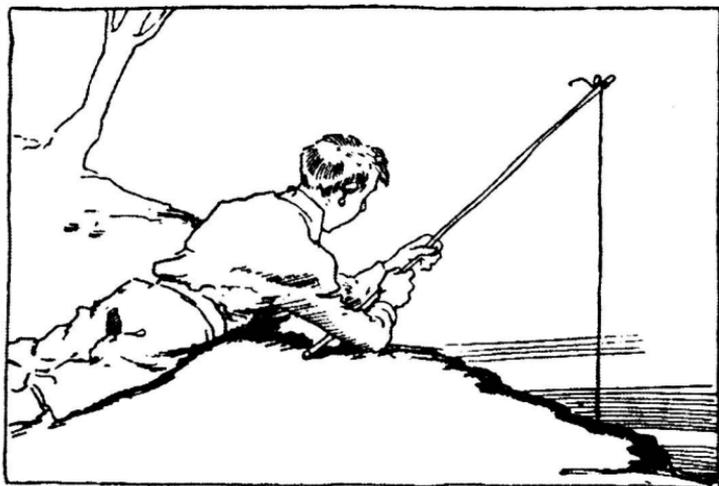
– Ничего, сейчас мы устроим себе страховку, – пообещал Воттак. – Давай-ка, Боб, все опытные циркачи со страховкой

работают. – Он оторвал от катушки с леской нить достаточной длины, сложил ее для прочности несколько раз и надежно привязал Боба к дереву, а потом оторвал еще кусок лески и привязался сам. После этого мальчик с клоуном уселись на самый край и закинули удочки в воздух, а дрожащий от страха за них Лев сидел поблизости и караулил.

– Ты только не жди, Боб, что сразу начнет клевать, – предупредил Воттак. – Рыбалка – дело долгое, запасись терпением. Зато ни одно занятие так не располагает к размышлениям. А нам всем сейчас не мешает хорошенько поразмыслить, чтобы понять, как мы можем убраться с этого вострова, прежде чем нас нейцы отсюда столкнут.

Трусливый Лев сидел спиной к обоим рыбакам и внимательно смотрел по сторонам, пытаясь в то же время размышлять. Боб и Воттак тоже глубоко задумались. Но думать на голодный желудок – дело очень и очень нелегкое. Кроме того, внимание трех мыслителей постоянно чем-то отвлекалось. Небо с приближением вечера окрасилось в приятнейший нежно-розовый цвет. По нему проплывали облака всевозможных цветов – зеленые, лиловые, янтарные, золотые – и разнообразнейших очертаний, и каждое облако казалось красивее предыдущего. Среди них были и замки, и корабли с высокими мачтами, верблюжьи караваны и колесницы. Боб даже разглядел в череде облаков красавицу-принцессу на спине лебедя, и она помахала мальчику белой и прекрасной рукой. Надо ли удивляться, что вскоре Боб и Воттак совершенно забыли и про нейцев, и даже про свои удочки, легонько покачивающиеся в розовых воздушных волнах.

Неожиданно Бобова удочка дернулась так сильно, что он, если бы не был привязан к дереву, неминуемо слетел бы с вострова.

– Ой! Ура! – завопил мальчик. – Клюет! У меня клюет!

Передав свою удочку Трусливому Льву, который мечтательно любовался волшебным облачным городом, Воттак поспешил на помощь мальчику. Вдвоем они осторожно вытянули леску – и как вы думаете, что оказалось на крючке? Гусь! Громадный жирный гусь. От него шел легкий дымок.

– Смотрите-ка, да он жареный! – удивился Воттак, вытаскивая крючок, застрявший в гусиной ноге. Действительно, гусь, голова которого лежала под крылом, был зажарен – целиком, вместе с перьями.

– Ух ты, и впрямь жареный! – Трусливый Лев жадно втянул ноздрями аппетитный запах. – Наверное, он пролетел слишком близко к солнцу.

– Чего не знаю, того не знаю! – усмехнулся клоун. – Уж до чего необычно птиц на удочку ловить, а еще поймать при этом жареного гуся – это вообще ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Это я поймал! – напомнил Боб и захопал от радости в ладоши.

Воттак оставил Трусливого Льва наблюдать за удочками, а Боба ощипывать гуся (чем мальчик занялся с горделивым удовольствием), а сам отправился на поиски воды. Вскоре он набрел на небольшой родник и вернулся с полным ведерком. Это было цирковое складное ведро, которое он держал за пазухой вместе со своими знаменитыми костюмами.

Теперь у наших путешественников были и еда, и питье. Они удобно устроились под деревом и весело и с аппетитом поели. Половина гуся досталась Трусливому Льву, и он съел ее вместе с костями, а остальное поделили между собой Боб и Воттак.

– А нейцы, кажется, про нас забыли, – заметил клоун, поднимаясь, чтобы напиться из ведерка, которое он повесил на ветку.

– Может, и так, – задумчиво сказал Лев, потряхивая гривой, – но мы про них забывать не должны. Ты еще ничего не придумал?

– Ни единой мысли в голове! – весело признался Воттак. Он прошелся колесом, потом пробежался на руках и завершил разминку двойным сальто над головой Боба, после чего сел на землю, прислоняясь спиной к толстому древесному стволу.

– Ловко у тебя выходит! – сказал с восхищением Трусливый Лев. – Я больше никого не знаю, кто бы так мог.

– Спасибо на добром слове! – засмеялся Воттак. – Если бы я умел думать так же быстро и хорошо, как умею колесом ходить, нас бы тут уже не было. Но отчаиваться рано. Мы теперь сыты, отдохнули, сидим удобно – давай попытаемся еще подумать.

– А я хочу еще поудить! – объявил Боб. – Воттак, можно, я попробую еще что-нибудь поймать?

– Ну попробуй, почему бы и нет, вреда от этого не будет, – согласился клоун и подмигнул Трусливому Льву. – Мы тут, скорее всего, заночуем, так что будет недурно, если ты поймаешь что-нибудь нам на завтрак.

– Только на этот раз, если можно, что-нибудь сырое, ладно? – добавил Трусливый Лев, который удобно развалился на травке и лениво постукивал хвостом по земле. – Мы, львы, не слишком любим жареное да печеное, сырое вкуснее.

Боб с улыбкой сел на самый край воздушной пропасти, забросил удочку и, легонько поводя удилицем туда-сюда, стал припоминать все приключения, которые успел пережить за последние дни. Воттак, не отходя от своего дерева, тоже забросил удочку. Вокруг стояла тишина. Смеркалось, облака из разноцветных постепенно становились тускло-серыми и торпливо проплывали мимо с сердитым шуршанием. Наконец наступила ночь, и в небе, со всех сторон окружающем востров, замерцали звезды. Нашим путникам странно было видеть звезды не только вверху, но и внизу.

Боб смотрел на небо во все глаза. Он никогда не видел таких больших и ярких звезд, что и понятно – ведь раньше он никогда не поднимался так высоко. Он стал думать о том, как хорошо бы было достать с неба звезду.

Воттаку показалось, что мальчику грустно, и он решил развлечь его песенкой. И вот какую песенку он запел:

*Жил-был человек, красивый да ладный,
В обертке нарядной, а сам шоколадный.
Явился он в вазу, где жили конфеты,
Драже и шербеты, нуга и рулеты.*

*Ох, что тут случилось! Вмиг ваза разбилась,
Все в щели забились, драже укатились.
Все в шоке дрожали совсем не напрасно:
Ведь был ШОКО-ладным пришелец ужасный.
Но тут подошел старичок-морячок,
Схватил человечка за сладкий бочок
И слопал в одну минуту – а дальше молчок!*

Боб звонко рассмеялся, и Воттак, обрадовавшись, подбросил свой колпачок в воздух.

– Недурная песенка, – одобрил Трусливый Лев, в знак поощрения помахивая хвостом, – вот только последняя строчка мне не очень нравится. Какая-то она нескладная, неуклюжая, тебе не кажется?

– Это потому, что мы на острове Не. На земле у меня все строчки были складные и уклюжие, – отшутился Воттак. Лев хмыкнул.

– Ой, Воттак! Скорей сюда! У меня опять клюет! – неожиданно завопил Боб и запрыгал на одной ножке.

– Надеюсь, это сгодится мне на завтрак, – сказал Лев и тут же рывкнул от удивления, потому что Воттак с Бобом вытянули прехорошенькую лохматенькую собачку. Крючок зацепился за ошейник, не поранив ее, так что больно ей не было, хотя она, конечно, испугалась.

– Ничего себе, хорошенький завтрак! – проворчал Лев. – Боб, ты ничего лучше не придумал, как поймать мне на завтрак собаку?

– Ой, не надо меня есть! – взмолилась собачка, закатив в ужасе черные глазки. – Неужели вы такие жестокие? Я ведь не шалила, а только вышла прогуляться. – Она встала на задние лапки, передние прижала к груди и так умильно про-

сила ее пощадить, что Боб схватил ее на руки и прижал к груди.

– Воттак! – воскликнул он. – Можно я оставлю ее себе? У меня никогда не было собаки.

– Не надо, не оставляйте меня! – взмолилась собачка еще жалобнее. – У меня уже есть хозяин. Это мальчик, который живет на одной небольшой звезде неподалеку, и он будет очень горевать, если я не вернусь.

– Какой же ты породы? – спросил клоун, с удивлением рассматривая песика. – Ты похожа на болонку, но ведь болонки не могут жить на звезде и гулять по небу!

– А я – неболонка, – объяснила собачка, виляя хвостиком. – А зовут меня Небоська. Для меня небо – дом родной. Пожалуйста, не обижайте меня, ведь я такая маленькая! Отпустите меня, будьте добры! Просто бросьте в воздух, и я побегу домой.

И она лизнула Боба в нос. У него сжалось сердце. Ему ужасно не хотелось расставаться с Небоськой, но и не выполнить ее просьбу он не мог.

– Ладно, – вздохнул он. – Я все понимаю. Ведь тот мальчик любит тебя. Прощай, песик.

Он поцеловал собачку в нос и, свесившись с края, легонько подтолкнул ее вперед. Она вскочила на облачко, с него перепрыгнула на другое, а потом побежала по небу так легко и свободно, словно у нее под ногами была твердая земля. Воттак и Боб провожали ее глазами. Один раз Небоська остановилась, оглянулась на друзей, вильнула хвостиком и, весело залааяв, побежала дальше. Скоро она скрылась из вида.

Воттак, видя, что мальчик грустит, предложил еще поудить.

– Ну-ка, интересно, что мы выловим на этот раз, – сказал он, сдвигая колпак на затылок.

Они забросили удочки. Почти сразу обе лески туго натянулись. На этот раз на крючках висели два серебристых пакетика. На том, который выудил Боб, был приклеен ярлычок с надписью «Сны для маленького мальчика», а на Воттаковом – «Сны для большого мальчика».

Дрожащими от нетерпения руками друзья развязали серебряные ленточки и развернули свои пакеты. И сразу Боб прислонился к плечу старшего друга, а клоун привалился спиной к дереву, глаза у них сами собой закрылись, и через минуту оба они крепко спали и видели чудесные сны – те самые, которые поймали на удочку.

Трусливый Лев очень удивился. Он понюхал серебряную бумагу и прочел при свете звезд обе надписи.

– Сны, – задумчиво повторил он. – Снотворные, значит, пакеты. Хорошо, что я ничего такого не выудил, иначе бы тоже сейчас спал. А ведь кто-то должен стоять на страже.

Тут он зевнул и потянулся всем телом. Потом он осторожно оттащил Боба и Воттака подальше от края вострова и сел рядом с ними, намереваясь всю ночь караулить.

По правде говоря, ему и без волшебных пакетов со снами ужасно хотелось спать, но он понимал, что засыпать нельзя, ведь от его бдительности зависели жизни Боба и Воттака. Почувствовав, что у него слипаются глаза, он встал и, чтобы разогнать сон, стал прохаживаться туда-сюда, стараясь не подходить слишком близко к краю.

Внезапно раздался звук, от которого у него кровь заледенела в жилах. Шаги! В лесу раздавались шаги, причем шел не один человек, а много – не меньше сотни. И шаги приближались!

«Нейцы!» – пронеслось у него в голове. Он заколебался, не зная, что делать – разбудить клоуна с мальчиком или поскорее выступить навстречу опасности. Прежде чем он на что-то решился, на опушку выскочил отряд нейских гвардейцев. Их перья зловеще поблескивали в лунном свете.

– Вот они! Ну-ка, столкните их! – крикнул предводитель. Это был не кто иной, как сам король Еслиб Дакабык.

Мелкими прыжками птицеголовые стали приближаться к спящим.

С ужасным ревом – тем более ужасным, что ревел он главным образом от испуга, – Трусливый Лев бросился на королевский отряд. Одним движением лапы он отшвырнул в сторону короля и с ним не меньше десятка гвардейцев. Дрожа от страха, Лев носился по полянке, нанося врагам меткие удары острыми когтями. Когда наконец нападающие разбежались, оказалось, что у него в зубах застряла целая пригоршня перьев.

Но нейцы и не думали сдаваться. Посоветавшись, они снова пошли на приступ. И снова Лев стал наносить удары направо-налево. Не меньше двух десятков птицеголовых валялись на земле, не в силах подняться.

Но их было слишком много, и постепенно они оттеснили Льва совсем близко к спящим Воттаку и Бобу. Опасный край земли был в двух шагах.

Воодушевленные успехом, они построились и, потрясая оперенными копьями, в третий раз пошли в наступление, и хотя Лев яростно сражался, он не смог заставить их отступить. Казалось, еще немного, и все будет кончено. Король Еслиб издал громкий торжествующий крик.

Воттак уже давно беспокойно ворочался во сне – шум битвы проник в его сладкие, навеянные волшебством сны. А крик

короля разбудил его окончательно. Он поднял голову и увидел, что Лев вот-вот падет под ударами копий.

– На помощь! Помогите! – закричал клоун изо всех сил. Но помощи ждать было неоткуда. Воттак встал и сам рванулся на помощь Льву, но прочная леска, которой он был привязан к дереву, врезалась ему в бок. Он вскрикнул от боли. И тут Трусливый Лев зарычал, как целый зверинец, могучим усилием расшвырял навалившихся на него птицеголовых и одним прыжком очутился рядом с Воттаком. Несколько десятков врагов остались лежать там, где упали.

Бедный Лев дрожал от страха и усталости, но ему и в голову не приходило сдаваться. Когда оставшиеся на ногах нейцы снова пошли в атаку, он стойко продолжал биться. Внезапно он услышал у себя за спиной испуганные вопли и оглянулся, беспокоясь за Воттака. То, что он увидел, заставило его в изумлении заморгать глазами.

Клоун быстро-быстро что-то бормотал себе под нос и дотрагивался то до одного, то до другого гвардейца. И каждый, до кого он дотрагивался, немедленно исчезал!

Лев с размаху сел на землю. Нейцы перестали драться и стали так поспешно отступать, что отдавили друг другу ноги. Когда через двадцать секунд у них исчезло двадцать человек, остальные с отчаянным воплем ринулись к лесу и исчезли из вида.

– Ну и ну! – воскликнул Лев, во все глаза глядя на клоуна.

– Спасибо, друг, ты спас мне жизнь, – сказал тот и от всей души обнял Льва.

– А ты спас мою! – ответил Лев, шумно переводя дыхание. – Но как ты это сделал? Куда они подевались?

– А я их в Маджистан отправил! – засмеялся Воттак. – Пу-

скай они там с Мустафой пообщаются, ему небольшая встряска не повредит. Помнишь заклинание, которое перенесло туда нас с Бобом? Очень, оказывается, полезное заклинание. Причем я для быстроты его произносил в сокращенном виде, и все равно сработало. Я говорил просто:

*Чики-стан,
В Маджистан!
Чики-бадж,
Будешь мадж.*

И трогал их одного за другим. Ну и вот...

– Поразительно! – восхитился Лев. – Удивительно! И как ты только до этого додумался! Ну и голова у тебя!

– А куда было деваться? – скромно ответил Воттак. – Понимаешь, моя голова способна думать только в безвыходном положении. А так как это бывает нечасто, она у меня всегда свежа и полна сил. Как ты думаешь, удравшие нейцы вернутся?

Трусливый Лев покачал головой.

– Ни за что! Они еще сто лет будут трястись от страха. – Он зевнул. – Ладно, раз опасность позади, давай-ка поспим.

Лев был весь покрыт синяками и царапинами и смертельно устал, у него слипались глаза. Он протянулся на траве рядом с Бобом, который благополучно проспал всю битву, и мгновенно забылся тяжелым сном. И Воттак, улегшись рядышком, вернулся к своим волшебным сновидениям.

Приближался рассвет, когда Лев раскрыл глаза, разбуженный каким-то криком. Еще не окончательно проснувшись, он быстро вскочил, протирая глаза. И тут лужайку огласил его горестный вопль, потому что Боб и Воттак исчезли!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бегство на гуселете

ев отчаянно стонал, обвиняя во всем себя. Как он мог заснуть, забыв о коварстве птицеголовых! Он обежал лужайку, заглядывая за все валуны и деревья. Сомнений не было: его спутников столкнули с вострова, пока он спал.

Его внимание привлекло дерево, нависающее над самым краем. Оно как-то странно подрагивало. И тут снова раздался приглушенный крик, похожий на тот, который его разбудил. Подскочив с замиранием сердца к дереву, Лев увидел, что к его стволу привязаны туго натянутые шнурки из сложенной в несколько раз лески. Обернув для надежности свой хвост вокруг тонкого ствола, Лев уперся задними ногами в землю и изо всех сил потянул за один шнурок. Ему пришлось нелегко, и несколько раз он чуть не слетел в воздух, но он, сжав зу-

бы, продолжал вытягивать тяжелую ношу и наконец вытащил Воттака. Бедный клоун слабо пошевелил рукой, упал ничком на землю и тяжело задышал, раскрывая рот, как вытщенная из воды рыба. Трусливый Лев, отложив все разговоры и проявления сочувствия на потом, ухватился за второй шнурок, и вскоре Боб, обессилевший и задыхающийся, лежал на траве рядом с Воттаком. Оба были совершенно мокрые, потому что попали в облачко. Лев, который и сам с трудом дышал после тяжких усилий, с тревогой смотрел на друзей.

Наконец Воттак сел, оглянулся по сторонам и глубоко вздохнул. Это был вздох облегчения.

– Ты во второй раз спасаешь мне жизнь, друг, – проговорил он слабым голосом.

– Что же произошло? – спросил Лев.

– Ну, сначала я заснул, – сказал Воттак. Через каждые два три слова он делал паузу и гладил по спине Боба. – А потом проснулся, но уже в подвешенном виде. И если бы не все эти костюмы за комбинезоном, веревка разрезала бы меня пополам!

– Нейцы? – спросил Лев, широко раскрывая глаза.

– Кто же еще! Подкрались тихонько и столкнули нас во сне, да, спасибо, не заметили, что мы привязаны. Великая все же вещь страховка, верно? А тебя тронуть побоялись – вот ты какого страху на них нагнал. Боб! Ну как ты? Получше?

Боб неуверенно потряс головой. Он еще не до конца пришел в себя, да и неудивительно – ведь мальчик несколько часов провисел в воздухе, раскачиваясь на врезающейся в тело веревке.

Звезды уже потускнели, но солнце еще не поднялось, и в воздухе стоял холодный серый туман. Друзья тесно при-

жались друг к другу, чтобы согреться, и стали думать, что делать дальше.

– Для начала давайте все же уйдем подальше от края, – предложил Трусливый Лев.

Воттак разрезал спасшие им жизнь веревки, посадил Боба на львиную спину, и они медленно побрели в глубь вострова, пока не выбрали удобное местечко для привала. Нейцы, видимо, разошлись по домам, и вокруг царило полное безлюдье. У Воттака нашлись за пазухой спички, друзья запалили небольшой костерок. Вскоре они обсушились и обогрелись, и на душе у них слегка повеселело. Боб снова заснул, но Воттак и Лев спать не стали. Они сидели у костра, тихонько переговаривались и зорко смотрели по сторонам.

Около часа все было тихо. Затем до них явственно донеслось жужжание пилы. Оставив Трусливого Льва оберегать Боба, Воттак отправился на разведку. Он тихонько пробирался среди деревьев, решив про себя, что если сейчас увидит нейца с пилой, немедленно отправит его в Маджистан. Звуки пилы делались все громче и громче. Наконец, подойдя к источнику звуков совсем близко, Воттак осторожно выглянул из-за дерева, но увидел совсем не нейца с пилой, а какую-то странную большую птицу. Птица лежала, распластав крылья, на большом валуне и громко храпела.

Клоун осторожно подошел поближе. Птица открыла один глаз, поскребла когтями камень и снова захрапела. Воттак сдвинул на затылок колпак, почесал ухо, а потом ему стало так смешно, что он неудержимо захохотал, не думая о возможной опасности. Птица мгновенно перестала храпеть и открыла оба глаза.

– Ты зачем меня будишь? – сердито спросила она. – Только-только удалось уснуть!

– Уж больно ты громко спишь, – сказал Воттак, подмигивая странному пернатому. – Я думал, тут кто-то дрова пилит.

– Что верно, то верно, – самодовольно сказала птица, поглаживая перья и прихорашиваясь, – громче меня никто на небе не храпит. Меня и зовут Храпуша. Поэтому-то у меня и клюв такой.

Клюв у нее действительно был необыкновенный – он-то и насмешил Воттака больше всего. Он был длинный, синего цвета, загибался к уху и висел там на крючке, причем кончик его имел вид расширяющейся трубки.

– Клюв красивый, но почему он у тебя так изогнут? – спросил клоун, усаживаясь на траву.

– А чтобы я слышала собственный храп, – ответила Храпуша. – Я его как услышу, просыпаюсь и перестаю храпеть. – Она поправила клюв, как мы поправляем очки, и дружелюбно посмотрела на собеседника. – Правда, я очень необычная?

– Еще бы! – воскликнул тот и даже присвистнул. – Да здесь все необычное, удивительная страна, я таких никогда не видел. Эх, кабы можно было захватить домой кой-кого отсюда!

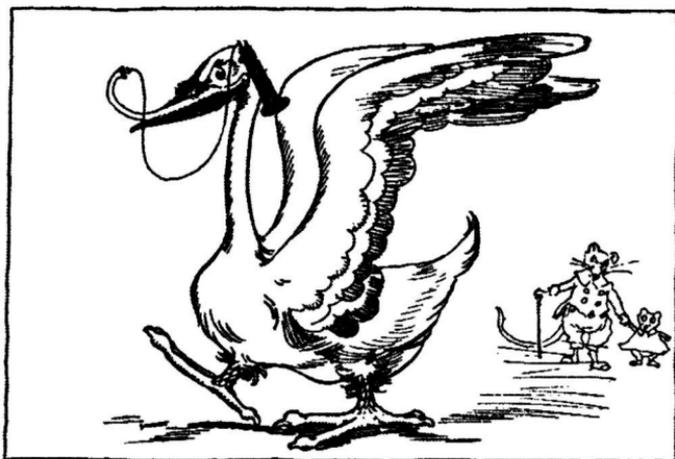
Он задумался, потирая лоб. Ему вспомнились синебордые маджи, полулев... А теперь еще эта странная птица!

Она была величиной с пятилетнего ребенка. Крылья у нее были розовые, ножки коротенькие, а пальцы с когтями, наоборот, огромные. Голова напоминала журавлиную, только глаза и удивительный клюв были ярко-синие.

– А почему ты живешь на острове Не? – спросил клоун.

– А где же мне жить, раз я такая необычная! – гордо ответила птица. – А ты почему тут оказался?

– Я так думаю, потому что я невезучий, – ответил Воттак, грустно вздыхая. – Пошли со мной, познакомишься с моими друзьями.

– С удовольствием, – ответила Храпуша. Она наклонила голову к плечу и застенчиво взглянула на Воттака. – Знаешь, а ты очень красивый. Я тебя люблю!

Воттак чуть было снова не расхохотался, но, взглянув на Храпушу, понял, что она говорит серьезно. Поэтому он подавил смех, чтобы не обидеть птицу, и неловко потрепал ее по голове. Потом он повернулся и пошел назад, а птица радостно запрыгала за ним следом.

– Кого это ты привел? – спросил Трусливый Лев, подозрительно глядя на странную спутницу клоуна. Боб, который только что проснулся, невольно рассмеялся.

– Ничего, – прошептала Храпуша Воттаку, – я понимаю и не обижаюсь. Это все потому, что я необычная.

Воттак торжественно представил друзьям новую знакомую. Храпуше опять пришлось объяснить, почему у нее такой удивительный клюв. Трусливый Лев и Боб смотрели на нее во все глаза, а она с таким же интересом рассматривала их.

– А ты случайно не знаешь, как можно выбраться с этого острова? – спросил Лев сдавленным голосом. Дело в том, что каждый раз, когда он бросал взгляд на Храпушу, его разбирал смех.

Прежде чем птица успела ответить, Боб, который в это время смотрел на Льва, вдруг звонко расхохотался.

– В чем дело? – обиженно спросил Лев.

– Ты что смеешься? – спросил и Воттак. Но тут он тоже поднял глаза на Льва и, зажав обеими руками рот, чуть не повалился на землю. – Перья! – воскликнул он, задыхаясь от сдерживаемого хохота. – У тебя в гриве вырос целый пучок синих перьев!

– Что-о?! – возмущенно зарычал Лев, ощупывая свою пышную гриву.

– Ничего особенного, на острове Не все обрастают перьями, – невозмутимо прочирикала Храпуша. – И вы не исключение. Снимите шапки – и убедитесь сами.

Боб торопливо сорвал шапочку и пробежался рукой по волосам. О ужас! На самой макушке у него действительно торчали длинные жесткие перья – не меньше десятка. Перья, как тут же сообщил ему Воттак, были ярко-красные, что удачно сочеталось с рыжими волосами. У самого Воттака перья выросли ярко-изумрудные и ничуть не жесткие, так что, когда он стащил колпак, перья красиво нависли над правым глазом.

Всякое желание смеяться над Храпушей мгновенно исчезло у троих друзей. Да, одно дело смеяться над кем-то, кто кажется вам смешным, и совсем другое дело, когда смешными оказывается вы сами!

– Скоро вы полностью покроетесь перьями, не хуже меня, – усмехнулась птица, склонив голову к плечу. – Кстати, вам всем они очень идут!

– Идут?! – оглушительно заревел Лев. Вернее, он хотел зареветь, но от сильного огорчения у него получился не грозный рев, а скорее пронзительный визг. – Ну уж нет, не желаю! Мало мне трусости, так еще с перьями прикажете расхаживать, как курица? Нет, ни за что! – Он попытался выдернуть перья, но они держались прочно – с тем же успехом он мог попытаться оторвать себе уши.

– Нет, нам немедленно надо убираться с этого дурацкого вострова! – продолжал бушевать Лев. – Если вы ничего не придумаете, я просто спрыгну, и будь что будет! Все лучше, чем такой срам!

Боб задумался. Его-то как раз перья не слишком огорчили, и он даже решил, что при игре в индейцев они могут оказаться кстати.

– Что же, может, если у нас отрастет побольше перьев, мы сможем улететь, – пошутил Воттак, пряча свое зеленое оперение под колпак. – Храпуша, ты не знаешь, как нам отсюда выбраться?

– Я только одно знаю, – прошептала птица, придвигаясь к клоуну поближе. – Ты ужасно, ужасно красивый! – Она закатила глаза от восторга.

– Ну, если ты не хочешь, чтобы моя красота пострадала от падения с большой высоты, придумай, как нам покинуть востров, – сказал клоун и с опаской посмотрел в сторону полянки, с которой его сбросили ночью.

– Покинуть востров можно только одним способом, – спокойно ответила Храпуша. – На королевском гуселете.

– Что-что? – переспросил удивленный Воттак.

– Где он? – зарычал Лев.

– Он привязан к дереву поблизости от дворца. Но нам придется подождать, пока нейцы не пойдут на кричалку. – И птица нежно прижалась головой к Воттакову плечу.

Трое путешественников в изумлении воззрились на Храпушу, думая, что плохо расслышали. И Храпуше пришлось рассказать им кое-что об обычаях обитателей вострова Не.

Оказывается, никто из нейцев никогда не работает. Они просто не знают, что такое труд. Зато каждое утро они собираются вместе и в течение трех часов громко выкрикивают свои пожелания. В это время их нельзя беспокоить и отвлекать. Каждый старается выкрикнуть свое заветное желание как можно громче. В частности, Еслиб Дакабык потому и стал королем, что успел выкрикнуть это желание быстрее и громче всех.

– Скоро вы услышите их крики, – сказала в заключение Храпуша, поправляя клюв. – И в это-то время лучше всего вам и улететь. Потом они займутся рыбалкой, а вечер они отводят для ссор и драк. У них тут довольно однообразная жизнь – кричалка, рыбалка, перепалка – вот и вся программа.

Все это было так странно, что Воттак даже встал на голову, чтобы привести в порядок разбежавшиеся мысли.

– Но ведь не могут же они совершенно ничего полезного не делать? – недоумевал он.

– Прекрасно могут, – спокойно ответила Храпуша. – У них во всем сплошные недочеты и недоделки, и ничего, живут. И кстати, насчет перьев, – и она указала когтем на гриву Трусливого Льва. – У каждого из вас выросло по перу всякий раз, как с вами приключалось что-нибудь нейское. Явившись сюда, вы были неразумны, потом неосторожны, потом...

– Недогадливы, недальновидны, недовольны, незадачливы... – договорил за нее клоун, кувыркаясь на каждом слове. – Все ясно! Веди нас скорее к этому твоему гуселету! А то мы сами тут в гусей превратимся.

– Хорошо, – согласилась Храпуша, – только не торопитесь и делайте все так, как я скажу.

– А хорошие нейцы бывают? – спросил Боб с легким вздохом.

– Был один. Не помню, как его звали. – Храпуша ненадолго замолчала, чтобы снова поправить свой клюв, который завернулся не в ту сторону. – Остальные были к нему очень несправедливы и относились не по-дружески, и он в конце концов ушел от них в какую-то пещеру на дальнем конце вострова. Но я слышала, что если он когда-нибудь вернется и станет королем, все нейцы исправятся и заживут хорошо.

Боб не выспался и был голоден, но, шагая со своими спутниками по каменистой тропке, он думал не о себе, а об этом хорошем нейце. Ему очень хотелось бы увидеть его, пока они еще не улетели. А Воттака так радовала мысль о скором расставании с Не, что он на каждом шагу кувыркался и прыгал

через спину Трусливого Льва. А у Льва настроение было отвратительное. Он не мог забыть о своих перьях. Он угрюмо шел, повесив голову и опустив хвост, и никакие шуточки Воттака не могли его развеселить.

– Хорошо вам с Бобом, вы в шапках, – ворчал он. – Ваших перьев и не увидит никто. А я своих и спрятать не могу, потому что лев в шапке – это еще смешнее, чем лев в перьях. Надо мной вся Страна Оз будет потешаться, от мала до велика.

– А что в этом плохого? – сказал Воттак. – Я всю жизнь стараюсь насмешить кого только могу, это мое ремесло. А если хочешь, поехали с нами в Америку. Там ты сразу разбогатеешь.

Но Трусливому Льву не хотелось в Америку. Он угрюмо покачал головой и молча зашагал дальше по серым камням.

«Поделом мне, – думал бедный зверь. – Это мне наказание за то, что я хотел съесть храбреца. И ведь знал же я, что это нехорошо, а все равно собирался. Так мне и надо».

Кто знает, может быть, он был и прав.

Впереди показался дворец, и Храпуша подняла лапу, призывая к тишине. Друзья спрятались за большим валуном и смотрели, как нейцы вылезают из своих домов и спешат на кричалку – так же, как обычные люди торопятся по утрам на работу.

– Эх, жаль, я Дакабыка этого в Маджистан не отправил, – вырвалось у Воттака.

– Тихо! – прошептала Храпуша. – Значит, так: услышите крики – бегите скорее к той сосне. Вот видите? – она указала лапой на высокую пушистую сосну.

Наши путники нетерпеливо ждали. Наконец все нейцы скрылись с глаз, а еще через минуту до друзей донесся оглу-

шительный разноголосый шум, от которого, как рассказывал впоследствии Воттак, даже слон бы оглох. Каждый птицеголовый выкрикивал пожелания во всю мощь своих легких.

Сначала Воттак, Боб и Лев вздрогнули и зажали уши, потом спохватились и быстро побежали к сосне. Храпуша летела впереди, указывая им путь.

К верхушке сосны был привязан канат, на котором весело колыхался гуселет. Следуя инструкциям Храпуши, Воттак вскарабкался на вершину дерева и, повиснув на веревке, постарался опустить гуселет как можно ниже. Боб обнял Храпушу за шею, и она помогла ему влезть на дерево и сесть в гуселет, отчего он еще немного опустился. Но для Льва он висел все еще слишком высоко – ведь львы не умеют лазать по деревьям.

– Скорей, скорей! – торопила Храпуша, взволнованно хлопая крыльями. – Нас заметили!

Действительно, какой-то дюжий птицеголовый с удивлением смотрел на них из дверей своего домика. Опомнившись,

он пронзительно завопил, вмиг скатился по лестнице и кинулся за подмогой. Взъерошив от страха гриву, Лев снова и снова подпрыгивал, но не мог допрыгнуть до гуселета. И с каждым новым неуспешным прыжком у него появлялось новое перо на голове!

– Может, улетим без него? – прошептала Храпуша. Боб и Воттак с негодованием зашикали на нее. Они стали подпрыгивать, чтобы воздушный экипаж еще немного опустился.

– Бросьте меня и спасайтесь сами! – предложил Лев после десятой неудачной попытки. Он с силой тер себе голову лапой – каждый раз, когда пробивалось новое перо, ему было ужасно щекотно. Тревожный крик клоуна заставил его обернуться. К ним бежала толпа нейцев, возглавляемая королем Еслибом. Лев сделал последнее отчаянное усилие, подпрыгнул – и на этот раз ему удалось зацепиться лапой за покрытое перьями колесо гуселета. Боб и Воттак, вцепившись ему в гриву, рывком втащили его в экипаж. Нельзя было терять ни минуты – нейцы окружали дерево. В последний момент, когда Еслиб уже успел вскочить на нижний сук, Храпуша перерезала веревку клювом, и гуселет взмыл ввысь, словно воздушный шар.

Все выше и выше поднималась воздушная повозка, содрогаясь и раскачиваясь. У Воттака, Боба и Льва так кружилась голова, что они уже не могли ни думать, ни волноваться.

Но Храпуша, более привычная к полетам, не теряла хладнокровия. Она ухватила лапой за рычаг, свисающий с передней стенки гуселета. Умной птице раньше не приходилось пользоваться этим транспортным средством, но она сообразила, что этот рычаг предназначен для управления полетом.

Так и оказалось. Как только она взяла рычаг в лапу, тряска прекратилась и гуселет полетел спокойно и плавно.

– Мы все еще поднимаемся? – с трудом проговорил Воттак, не открывая глаз. Он лежал навзничь, а на груди у него лежал Боб, которого бросило туда качкой. Трусливый Лев забился под сиденье и сжался там, весь дрожа и тяжело дыша.

– Пока да, но пора идти на снижение, – ответила Храпуша. – Взгляни-ка, тут какие-то кнопки. Я умею летать сама, а вот управлять гуселетами не умею.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Волшебное кольцо Мустафы

оттак с трудом поднялся, помог встать Бобу и усадил мальчика на боковое сиденье. После этого он, пошатываясь, подобрался к передней панели гуселета и внимательно посмотрел на нее. На щитке под рулем располагалось несколько кнопок, и на самой первой было написано «сбавить скорость». Воттак недолго думая нажал эту кнопку, и сейчас же покрытые перьями колеса по бокам машины, до этого вращавшиеся с бешеной скоростью, замедлили вращение. Храпуша продолжала держать рычаг, гуселет теперь летел плавно и медленно, а Воттак принялся рассматривать странную машину.

Она действительно была похожа на гуся с вытянутой шей, только вместо лап и крыльев у нее было четыре колеса. Сиденья для пассажиров и кресло пилота находились внутри

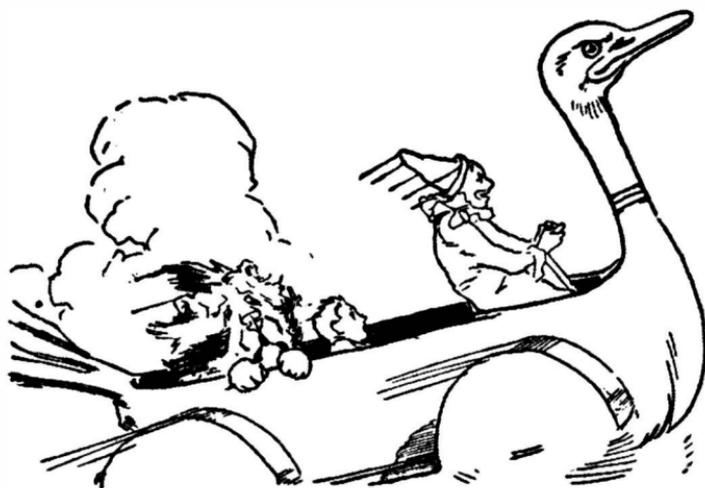
гусиного туловища. При повороте руля поворачивалась и голова, причем при нажатии кнопки с надписью «гудок» она начинала гоготать по-гусиному. Гусиный хвост вращался, как самолетный пропеллер, колеса вертелись и на большой скорости поднимали страшный шум.

Но сейчас, когда скорость упала, шум тоже несколько утих, у Боба перестала кружиться голова, и мальчик, приподнявшись на сиденье, начал с интересом оглядываться вокруг.

Воттак нажал еще одну кнопку – ту, на которой было написано «плавное снижение». Машина медленно пошла вниз, почти планируя, – колеса теперь вращались очень медленно, еле заметно.

– До чего же здорово! – воскликнул Боб, обнимая Воттака, сидящего в пилотском кресле.

– Это как сказать! – усмехнулся клоун. – Вообще-то, я не привык летать до завтрака. Но, конечно, улететь от птицеголовых согласен в любое время суток.

Хлопуша, не выпуская из лапы рычага, обернулась через плечо и посмотрела на Воттака любящим взглядом.

– Правда, я умница? – сказала она. – Здорово я это дельце обтяпала. Когда тебе еще что-нибудь понадобится, ты только скажи мне, а я уж не подведу!

– Конечно, ты умница, и мы тебе очень благодарны, – ответил Воттак. – Но как же ты теперь доберешься домой? Просто полетишь?

– А я не собираюсь возвращаться домой! – заявила птица. – Чего я там не видела! При моей необычности я нигде не пропаду. К тому же ты такой красивый, что я просто не в силах с тобой расстаться.

– Тогда все в порядке, наше будущее обеспечено, – сказал Воттак, подмигивая Бобу. – Народ валом повалит в цирк, чтобы только посмотреть на тебя.

– Да, я люблю, когда на меня смотрят! – мечтательно сказала Храпуша. – Они пусть смотрят, а я буду храпеть. Это мое любимое занятие и лучше всего у меня получается. Но, вообще-то, для тебя я могу сделать все что угодно, потому что я всем сердцем люблю одного тебя. И мальчика тоже. И еще я люблю...

– Нет, вот меня не надо, пожалуйста! – рявкнул Трусливый Лев, высовывая голову из-под заднего сиденья. – Запрещаю!

– Хорошо, – грустно согласилась птица, поправляя клюв. – Я постараюсь тебя разлюбить, хотя это будет трудно. Потому что ты очень, очень красивый!

– Правда? – Лев слегка смягчился. – Ну ладно, если хочешь, можешь хорошо ко мне относиться. Как там, земли не видно еще?

Воттак перегнулся через борт гуселета и посмотрел вниз.

– Кажется, городок какой-то виднеется. Далеко-далеко внизу. Ну-ка, Боб, поддержи руль.

Храпуша твердо держала рычаг, чтобы полет был плавным, Боб сидел за рулем, а Воттак, свесившись, смотрел вниз и командовал – то «лево руля!», то «право руля!». Не прошло и часа, как гуселет завис над красивым городком, который сверху казался совершенно синим.

– Раз он синий, значит, мы по-прежнему в Жевакинском округе, – заметил Трусливый Лев, становясь на задние лапы и выглядывая за борт.

– Давайте пролетим городок и приземлимся в поле, – предложил Воттак. Он не хотел приземляться в городе по двум причинам: во-первых, он боялся пропороть днище гуселета одним из многочисленных острых шпилей, которыми заканчивались башенки на домах, а во-вторых, опасался при посадке задавить кого-нибудь из городских жителей. К тому же он далеко не сразу разобрался в кнопках, управляющих посадкой.

Видимо, он так и не разобрался в них до конца, потому что посадить гуселет плавно не удалось. От сильного толчка путешественники вылетели из машины, как резиновые мячики, и разлетелись в разные стороны. К счастью, никто особенно не пострадал, только Трусливый Лев угодил в ежевичный куст. Гуселет бежал по полю, подпрыгивая на кочках, пока Воттак его не догнал и не привязал к дереву.

– И что теперь? – осведомилась Храпуша, вешая на крючок свой непослушный клюв, который опять завернулся не туда.

– Первым делом надо позавтракать! – заявил Лев, выбираясь из куста. – Боб, ты проголодался?

Боб кивнул.

– Но где мы возьмем завтрак? – спросил он.

– В Стране Оз завтраки возникают неожиданно и где угодно, – беззаботно ответил Лев. – Тут главное – не зевать!

Воттак в это время хлопал по своему комбинезону, чтобы убедиться, что все напиханное туда имущество, включая драгоценные костюмы, цело.

– Предлагаю соревнование! – объявил он. – Побеждает тот, кто первым найдет завтрак. Все приготовились! Я беру это поле, Храпуше предоставляем воздух, а Боб со Львом пускай ищут в лесу. Раз, два, три – начали!

Боб незаметно усмехнулся. Ему казалось, что искать завтрак в лесу просто смешно. Но Трусливый Лев деловито принялся обходить кусты и деревья, тщательно принохиваясь. Видя это, Боб тоже начал поиски. Сначала ему попадались только цветы, в изобилии растущие под деревьями. Потом он натолкнулся на густую сеть лиан, а пробравшись через нее, очутился перед невысоким, но крепким деревцем. В это время налетел порыв ветра и деревце как-то странно зазвенело и забренчало. И тут мальчик заметил на стволе табличку. Чтобы прочесть надпись, ему пришлось стать на цыпочки.

– Воттак, иди скорее сюда! – закричал он изо всех сил.

– Что такое? – обеспокоенно спросил прибежавший клоун, продираясь сквозь лианы. – Ты не ушибся?

За ним немедленно появился Трусливый Лев, который тоже услышал крик и испугался за Боба.

– Я выиграл! Я выиграл! – радостно восклицал Боб, показывая на дерево.

Удивленный Воттак прочел вслух надпись на табличке:

– **«Дерево «Улада путника», посадил волшебник Бимбом в 1120 году озской эры».** Ура! Да здравствует волшебник Бимбом! – и он с восхищением стал обходить чудесное дерево со всех сторон.

Трусливый Лев сначала сел и немного отдышался, потому что бежал сюда очень быстро, а потом тоже начал, любуясь, ходить вокруг дерева.

Да и было на что полюбоваться!

На нижней ветке висело, позвякивая при порывах ветра, множество фарфоровых чашек. Над ними покачивались хорошенькие, небольшие, наполненные до краев чайнички со свежесваренным чаем, кофейнички с душистым кофе и кувшинчики со сладким какао. Выше располагались разнообразные тарелочки, соусники и салатницы, накрытые крышками. На самом верху красовалось большое гнездо. Явившаяся на шум Храпуша подлетела к этому гнезду и сообщила, что оно наполнено яйцами, причем не сырыми, а сваренными вкрутую. А вместо листьев на дереве росли разноцветные бумажные салфетки, сложенные так, что были похожи на цветы.

Висела на дереве и еще одна табличка. **«Не забудьте после еды посадить в землю посуду»**, – строго напоминала она.

Заливаясь счастливым смехом, Боб сорвал по салфетке себе, Воттаку и Храпуше, а Трусливому Льву – целых три. Вот так

сорвал с ветки кофейную чашку – а висящий над ней кофейник при первом же прикосновении к чашке наклонился и наполнил ее дымящимся кофе. Клоун так поразился, что нечаянно задел локтем другую чашку, и висящий над ней кувшинчик, наклонясь, пролил какао ему на голову. Воттак принялся фыркать и отряхиваться, но вслух объявил, что это пустяки и нет худа без добра – теперь ему можно не умыться.

Трусливый Лев выпил не меньше десяти чашек кофе – каждой ему хватало как раз на один глоток. Боб предпочел какао, а Храпуша осторожно попробовала чай и сказала, что, пожалуй, полетит поискать каких-нибудь ягод и свежей воды, что больше подходит птицам.

Потом Воттак сорвал пять тарелок бараньего рагу по-озски для Льва, котлеты с макаронами для себя и отбивную с жареной картошкой для Боба.

Завтрак прошел очень весело. Трусливый Лев даже забыл о своих перьях, Боб забыл, что он сирота, а Воттак забыл, что судьба забросила его в чужую и странную страну, где он обязан исполнить глупый приказ взбалмошного монарха. Когда все наелись до отвала, вернувшись к тому времени Храпуша слетала наверх и притащила десятка два крутых яиц, которые Боб запихал себе за пазуху про запас.

После этого Трусливый Лев быстренько вскопал грядку, и они посадили все использованные тарелки и чашки. Все согласились, что сажать посуду в землю гораздо проще, чем мыть. Потом все направились к гуселету.

По дороге Боб весело болтал с Храпушей, но Воттак и Трусливый Лев шли молча. Воттака терзала мысль, что он собирается предать своего замечательного друга, который так отважно защищал его от нейцев. Нет, думал он, лучше ты-

сячу раз посинеть, чем обмануть доверие Льва и доставить его недоброму и взбалмошному Мустафе!

«А может, это кольцо вовсе и не почернеет, – думал он. – Может быть, Мустафа просто меня пугал». Он решил, что нужно просто, придя в Изумрудный город, рассказать все Дороти, и тогда все будет хорошо. Ему сразу стало легче на сердце, когда он понял, что не способен на предательство, и он снова принялся прыгать, кувыркаться и шутить.

Что касается Трусливого Льва, то он с горечью думал, как было бы ужасно, если бы он съел Воттака при их первой встрече. Он вспоминал все шутки клоуна, которые так помогали не падать духом в тяжких обстоятельствах, его верность друзьям и хороший характер. Подумать только, что он мог съесть такого хорошего человека! Чем больше он думал о совете Лоскутушки, тем больше стыдился своего коварства и жестокосердия. Да, его замысел был достоин жителей вострова Не, решил он. Что же удивляться, что у него на голове выросло гораздо больше перьев, чем у Воттака или Боба! Нет уж, если съесть храбреца – единственный способ обзавестись храбростью, лучше остаться трусом.

Когда он пришел к этой мысли, ему тоже стало легко и весело, и он с удовольствием начал смеяться над Воттаковыми шуточками.

Привязанный к дереву гуселет подергивался и подпрыгивал, словно ему не терпелось пуститься в путь. Наши друзья чувствовали то же самое.

– В какой стороне отсюда Изумрудный город? – спросил Воттак, поворачиваясь ко Льву. – Я что-то запутался в направлениях.

Трусливый Лев поглядел на юг, потом на север. Он понимал, что они где-то в Жевакинском округе, но где именно?

Полет над Не самым пагубным образом отразился на его способности ориентироваться.

– Я думаю, надо лететь прямо, – неуверенно сказал он. – Но я не совсем уверен. Надо подняться в воздух, сверху виднее.

– Ладно, – согласился клоун и, позвав Боба, шагнул к гуселету. До него оставалось не больше двух шагов, как вдруг клоун остановился как вкопанный. Произошло нечто ужасное.

Боб посинел! В одно мгновение его кожа стала синей-синей, как баклажан. В то же время Воттак заметил, что Трусливый Лев как-то странно смотрит на него самого.

– В чем дело? – спросил он, с трудом выговаривая слова. – Я что, тоже синий?

– Да н-нет, не особенно, – заикаясь, пробормотал Лев, у которого не хватило духу сказать правду. У него сжалось сердце и к горлу подступил ком. Он ведь ничего не знал о волшебном кольце и не понимал, отчего его друзей постигла такая ужасная напасть.

Воттак опустил глаза и посмотрел на свои руки.

– Ясно! Синей синего моря! Но, может, это и к лучшему? Клоуны бывают белые и рыжие, синих еще никто не видел. Я буду первым! Погоди, вернусь в Америку весь синий и в перьях – публика валом повалит на меня любоваться!

Воттак был верен себе – он пытался шутить, но голос у него дрожал и срывался. А когда он попробовал по привычке сделать сальто в воздухе, случилась еще более ужасная вещь – в самой середине прыжка он почувствовал, что не может пошевелиться, да так и застыл, стоя на голове, со скрюченными руками и ногами.

Никаких сомнений не оставалось: Мустафа снял с пальца волшебное кольцо! Боб рванулся было помочь другу и тоже застыл на одной ноге и с вытянутыми вперед руками.

– На помощь! Помогите! – закричала Храпуша, в отчаянии перелетая от одного к другому. Ее клюв слетел с крючка и беспомощно повис, но она этого даже не заметила.

– Ну-ка, живо садись на дерево! – прикрикнул на нее Лев, потому что она, не помня себя от горя, хлопала крыльями прямо у него перед глазами, так что он ничего не видел.

Одним прыжком он подскочил к Воттаку.

– Опустите меня на землю, – попросил клоун. Его лицо стало из синего фиолетовым из-за прилива крови, потому что он стоял вниз головой. Лев послушно поднял его и уложил на траву. Воттак теперь лежал неподвижно, как статуя.

– Это какое-то волшебство! – недоуменно воскликнул Лев.

– Это Мустафа! – ответил клоун, несчастными глазами глядя на Боба. – Ты не все знаешь! Сейчас я тебе все без утайки расскажу.

Ему было все труднее шевелить губами, и он постарался как можно короче рассказать, как Мустафа обязал его изловить и доставить в Маджистан Трусливого Льва и предупредил о волшебном кольце и неотвратимом наказании, если он, Воттак, вздумает его послушаться.

– И все-таки ты послушался! – вскричал взволнованный Лев. – Ты знал, что тебе грозит, но все равно не стал брать меня в плен. – Слезы благодарности катились у него из глаз. – Ты самый храбрый человек в Стране Оз, и вот к чему это тебя привело!

– Подожди-ка! – сказал Воттак, который кое-что вспомнил. – А ты ведь как раз искал храбреца! Мы потому и познакомились. Ты еще сказал, что вышло недоразумение.

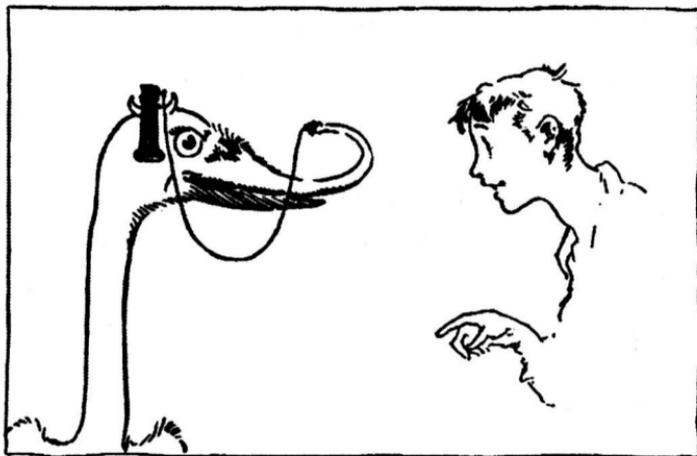
Лев мрачно кивнул. Настала его очередь признаваться. Перемежая свой рассказ извинениями и тяжкими вздохами, он поведал клоуну о своем решении проглотить храбреца, чтобы избавиться от собственной трусости.

– Но ведь ты этого не сделал! – радостно воскликнул клоун. – А мог, возможности были. Не унывай, друг, выкрутимся как-нибудь.

Храпуша слушала разговор друзей, заливаясь слезами. Но теперь она подняла лапу в знак того, что желает что-то сказать.

– Насколько я понимаю, – и она твердо водрузила клюв на место, – кольцо Мустафы почернело, потому что ты не взял Льва в плен?

– Думаю, да, – ответил Воттак. При этом он попытался подмигнуть Бобу, чтобы подбодрить грустившего мальчика, но не смог пошевелить веком.

– Ну так возьми его в плен сейчас, что тебе мешает? Минутку, я сейчас принесу веревку. – И она полетела к гуселету, задержавшись на минутку, чтобы ободряюще погладить Боба по руке кончиком крыла. Очень скоро она вернулась с веревкой в лапе.

– Вот! – сказала она. – Ответим на волшебство хитростью.

– Ничто на свете, – твердо сказал Воттак, – ничто на свете не заставит меня посягнуть на свободу моего дорогого друга. Я никогда этого не сделаю, даже если мне суждено оставаться синим и неподвижным до конца жизни.

– Тебе и не придется посягать на мою свободу! – воскликнул Лев. – Я сам, по доброй воле приду в Маджистан... Даже не приду, а бегом прибегу и сдамся в плен этому твоему Мустафе!

Лев даже повеселел – таким простым и естественным казался ему найденный выход из затруднения. Он уже сделал шаг, намереваясь немедленно бежать на юг, но Храпуша преградила ему дорогу.

– Да вы что, последний ум потеряли, что ли? – рассердилась она. – Зачем куда-то бежать, сдаваться, на свободу какую-то посягать? Я же ясно вам говорю: применим хитрость!

Она быстро обвязала один конец веревки вокруг львиной шеи, а другой сунула в руку Воттака. И немедленно Боб вскочил с земли и с радостным криком подбежал к другу, и сам Воттак тоже обнаружил, что может двигаться не хуже, чем раньше. А Лев и Храпуша смотрели на них во все глаза и видели, как ярко-синий цвет постепенно бледнеет и сползает с их лиц. Не прошло и минуты, как лицо Воттака стало обычным, густо напудренным лицом белого клоуна, а к Бобу вернулись его румянец и веснушки.

– Главное, не выпускай эту веревку из рук, – наставляла Храпуша, – и все будет хорошо. Раз ты ее держишь, будет считаться, что Лев у тебя в плену.

– Ну ладно, пойдем в одной упряжке, раз другого выхода нет, – согласился Лев. – Только ты лучше обвяжи веревку вокруг пояса, чтобы руки были свободны.

Воттак так и сделал, хотя и подумал про себя, что быть все время привязанным ко льву не слишком-то удобно, а иногда и чрезвычайно неудобно. Но видя, что все, включая Льва, радуются найденному решению, он решил не спорить.

И вот наши путешественники погрузились в гуселет.

– Ладно, я теперь в плену, – усмехнулся Лев. – Дальше что? Куда летим-то?

– Куда хотите, – сказала Храпуша, – не могу же я все на свете за вас решать.

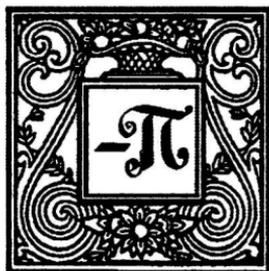
Она улеглась, распластав крылья, на заднем сиденье и вскоре оглушительно захрапела.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Гроза и буря

олетим к Дороти! – предложил Боб. Ему пришлось кричать, потому что нормально разговаривать было невозможно из-за Храпушиного храпа. Трусливый Лев и Воттак обменялись неуверенными взглядами. У них было предчувствие, что из-за кольца Мустафы им не удастся добраться до Изумрудного города.

– Попробуем все-таки? – крикнул Воттак. – В какую сторону лететь?

– Не знаю! – проревел Лев. – Давайте взлетим повыше и посмотримся по сторонам, может, я какую-нибудь приметку разгляжу.

И Воттак принялся нажимать на нужные кнопки. Гуселет взвился вверх так стремительно, что у Боба с головы слетела

шапка, и он еле успел ее подхватить. Грива Трусливого Льва развевалась, как флаг. К раздающемуся с заднего сиденья храпу прибавился шум, который подняли вращающиеся колеса, и Боб зажал себе уши.

Когда они поднялись метров на тридцать, Воттак перешел на малую скорость, и гуселет плавно заскользил над красивыми синими полями и лесами Жевакинского округа. Боб сел сзади, рядом со спящей Храпушей, и заботливо поправил ей клюв, который опять соскочил со своего крючка. Храпуша немедленно проснулась и топнула лапой, но через минуту опять захрапела. Боб смотрел на нее с удивлением: каждые три минуты она просыпалась от собственного храпа, топала лапой и засыпала опять. И если храпела она очень громко, то ногой топала тоже не тихо. Так что шум стоял большой.

– Громковата наша подружка во сне, что бы ей потише храпеть! – пожаловался Трусливый Лев. – Я сам себя не слышу. Погоди-ка, это она храпит или гром прогремел?

– Это гром! – крикнул Воттак. – Смотри, как стемнело. Надо спускаться.

– Ой, дождь идет! – воскликнул Боб.

Воттак нажал на кнопку с надписью «увеличить скорость» и собирался нажать на другую, с надписью «снижение», но тут прямо перед головой гуселета вспыхнул огненный зигзаг молнии. Трусливый Лев в ужасе зарычал и бросился прятаться под заднее сиденье, а заодно потащил за собой привязанного к нему за веревку Воттака. В последний момент, пытаясь удержаться на пилотском месте, Воттак нечаянно нажал кнопку с надписью «поворот». В результате гуселет с бешеной

скоростью завертелся на месте, а его пассажиры едва не потеряли сознание от тряски и ударов о стены и сиденья.

Разбуженная ужасным шумом Храпуша обняла крылом Боба и вцепилась когтями в сиденье. Но все равно их било и трясло, а вдобавок чуть не затопило, потому что дождь полил как из ведра. Хуже всего пришлось Воттаку со Львом, которые корчились на полу. Едва клоуну удавалось кое-как подняться, как Лев, напуганный новой вспышкой молнии, начинал метаться, дергал веревку и снова валил его с ног.

– Помогите! Тону! – завопил Воттак после того, как это случилось в восьмой раз. При очередной вспышке Храпуша увидела, что гуселет наполнен водой до половины, а Воттак погружен в воду с головой.

– Боб! – крикнула она. – Продержишься один? – Боб кивнул, закрыл глаза и вцепился обеими руками в сиденье. Глаза ему пришлось закрыть, потому что у него ужасно кружилась голова.

Храпуша осторожно сползла с сиденья и одним прыжком вскочила на спину Трусливого Льва. Бедный испуганный зверь так дрожал, что Храпушу стало подбрасывать верх-вниз, как мяч. Вцепившись одной лапой в львиную гриву, другой она шарила под водой, пока ей не удалось ухватиться за Воттаков пояс. Она напрягла все свои силы, вытащила клоуна, мокрого и бездыханного, из воды и устроила рядом с собой на спине Льва.

– Ну-ка, лезь на сиденье! – скомандовала она. – Ты что, хочешь утопить самого красивого человека в Стране Оз?

У Льва дрожали все четыре лапы, но кое-как он сумел взгромоздиться на сиденье. Храпуша заботливо устроила

Вот така поудобнее, и он пришел в себя. Вспомнив, что случилось, он со слезами стал умолять Льва вести себя поспокойнее и не метаться по сторонам. Когда Лев понял, что он наделал и как плохо это могло кончиться, он и сам заплакал.

– Да, плохо быть привязанным к трусу, – прорыдал он. – Но как же мне было не испугаться, когда что-то меня ударило!

– Это гром ударил, – объяснила Храпуша. – Закрой глаза и держись за сиденье, и мы с Бобом сделаем то же самое.

Она вернулась на заднее сиденье к мальчику, которого бросало из стороны в сторону, и снова крепко обхватила его крыльями. Воттак, наученный горьким опытом, изо всей силы вцепился Льву в гриву.

– Наша сила в единении, имей в виду, – проговорил он слабым голосом. – Поодиночке мы будем падать и только вместе сможем устоять. Если ты опять задумаешь прыгнуть, предупреди меня, ладно?

Лев ничего не ответил, впился когтями в кожу сиденья и крепко-крепко зажмурил глаза.

Сильный ветер свистел у них в ушах, дождь немилосердно хлестал по головам, а гуселет, повинуясь порывам ветра, метался, вертятся, то направо, то налево, как судно, лишившееся руля и парусов.

Внезапно Храпуша, которая все же, будучи птицей, чувствовала себя в воздухе несколько получше наземных существ и сохраняла самообладание, почувствовала, что вода добралась и до ее лап.

– Мы тонем! – закричала она. – Надо вычерпывать воду! И срочно!

Так оно и было. Колеса гуселета вращались все медленнее, потому что покрывающие их перья пропитались водой. В кабине было столько воды, что каждый раз, как гуселет накренился, пассажиров накрывало с головой.

– Вот уж не думал, что можно утонуть в воздухе! – воскликнул Воттак. – Что делать будем? Может, выпрыгнем?

– Ты что, разбиться хочешь? – сердито возразила Храпуша. – Держись за стенку!

Она еще что-то говорила, но ее слова потонули в шуме ветра, который даже ее резкий голос был бессилён перекричать. Никто ее и не слушал, потому что все силы бедных путешественников уходили на то, чтобы цепляться за свои сиденья и не вылететь за борт. Вода поднималась все выше и выше, а гуселет опускался все ниже и ниже.

Наконец он с грохотом ударился о землю. Пассажиры от страшного толчка свалились в воду.

Первым поднялся на ноги Трусливый Лев и скакнул за борт, таща за собой привязанного Воттака. Тут же он подумал о Бобе, который остался под водой, прыгнул назад, ухватил мальчика зубами за шиворот, снова выпрыгнул из гуселета и застыл на месте, услышав негодующий крик Храпуши. Все это время он таскал за собой беспомощного Воттака, который болтался на другом конце веревки, как тюк с одеждой.

– Ты убил его! – вопила Храпуша.

Но в эту минуту полузадохнувшийся клоун открыл глаза и стал хватать ртом воздух. Первое, что он сделал, еще не до конца придя в себя, – сунул руки за пазуху и зашарил там.

– Что ты делаешь? – удивилась Храпуша.

– Мои костюмы! – закричал он. – Мне необходимо немедленно переодеться! Я должен изменить наружность! Изменить наружность, пошутить и удирать со всех ног!

– Ни к чему тебе менять наружность, – сказал печальный и полный раскаяния Лев. – Ты и так на себя не похож, и смотреть на тебя страшно.

– У меня все болит! – сказал клоун. – Что со мной случилось? Я разбился, или утонул, или что?

– Ни то, ни другое, – грустно сказала Храпуша. – Просто твой друг, к которому ты привязан, оказался рассеянным и забыл о тебе.

Тем временем Воттак вытащил из комбинезона свои костюмы. Они намокли, смялись и были ни на что не похожи. Сам он тоже был ни на кого не похож. На лбу у него красовались четыре шишки, а еще одна наливалась на затылке. Боб особенно не пострадал, хотя намок и весь дрожал. Вместе с Храпушей они взгромыдили Воттака на львиную спину,

и продрогшие путешественники зашагали к видневшейся неподалеку хижине.

Воттак лежал на спине у Трусливого Льва молча и только тяжело дышал. Но когда Лев споткнулся о порог хижины, клоун открыл глаза и спросил:

– А что с нашим гуселетом?

– Не знаю и знать не хочу! – сердито ответил Лев. – Надеюсь, что он разбился на куски! Надеюсь, что нам больше не придется летать! Вот уж глупейшее занятие!

Он обессиленно растянулся на полу у печки. Воттак так и остался лежать у него на спине.

Хижина, видимо, принадлежала какому-то аккуратному и хозяйственному лесорубу. Внутри было сухо и чисто, а в печке уже были разложены дрова, оставалось только развести огонь, чем и занялся Боб, гордясь тем, что делает полезное дело.

Вскоре в печке весело заплясал огонь, и хотя снаружи по-прежнему лил проливной дождь и струи воды с шумом били по крыше, по комнате разлилось тепло, и стало уютно.

Воттак с помощью Боба развесил на просушку те три своих костюма – львиный, медвежий и охотничий, – которые уже надевал. Но когда Боб начал было разворачивать остальные, клоун заявил, что не хочет, чтобы их пока видели, – это, мол, секрет. Тогда Храпуша взяла их, не разворачивая, отнесла в соседнюю комнатку и там повесила на крючок.

Воттак, который раньше казался толстым из-за набитых за комбинезон костюмов, оказался совсем худеньким, и вид у него был весьма несчастный. Но когда он согрелся, одежда его высохла и он густо напудрился мукой, которая нашлась

в доме, он снова повеселел и стал самим собой. Тут-то он и заметил, что его перья бесследно исчезли. Негромко вскрикнув от удивления, он посмотрел на Боба и Трусливого Льва.

– А перьев-то и нет! – весело сообщил он. – Видно, их водой смыло.

Лев так обрадовался, что запрыгал в восторге по комнате, потом подбежал к висевшему на стенке зеркалу и стал в него смотреться. А бедному Воттаку снова нелегко пришлось, потому что Лев опять забыл, что они связаны одной веревкой.

– Вода ни при чем. Это потому, что вы теперь меньше похожи на нейцев, чем раньше, – мудро заметила Храпуша. – Когда каждый из вас отказался от своих неблагородных и неразумных замыслов, перья и выпали. А у Боба они и росли-то только за компанию с вашими, уж в нем-то ничего нейского нет и не было. А теперь, когда мы все заодно и ничего друг от друга не скрываем, все будет хорошо.

– Мы действительно с Воттаком заодно, и в этом есть свои недостатки, – сказал Лев, намекая на веревку. – Тебе очень больно, Воттак, дружище?

– Ничего, терпимо, – отозвался клоун. – Но раз уж ты у нас такой порывистый, придется мне, кроме костюмов запахать в комбинезон и пару подушек.

Воттаку с самого начала не слишком понравилась идея связать их со Львом веревкой, но это оказалось даже хуже, чем он опасался. Лев был смущен и чувствовал себя виноватым.

– Послушай, Воттак, – сказал он, когда все расселись у огня, – давай лучше отвяжем эту несчастную веревку. Придется мне все-таки пойти в Маджистан. А вы трое отправляйтесь в Изумрудный город за помощью.

– Ни за что! – ответил Воттак, наморщив свой бедный лоб с шишками. – Нам надо держаться вместе. Потерпим еще какое-то время. Я ведь дороги в Изумрудный город не знаю, и пока мы туда добираемся, девять тысяч девятьсот девяносто девять львов, которые охраняют границу Маджистана, могут разорвать тебя на куски. В этой стране путешествовать непросто. Ведь мы и сейчас не знаем, где находимся.

– А смотрите, тучи разошлись и солнышко вышло! – воскликнул Боб, подбегая к окну. – Давайте сходим, поглядим, как там наш гуселет!

Трусливый Лев недолго думая рванулся к двери. Воттак, к счастью, успел вскочить ему на спину и тем избежал очередного падения. Все направились к гуселету.

Его кабина была по-прежнему наполнена водой, но перья на колесах успели немного подсохнуть. Колеса медленно вра-

щались. Когда они подошли ближе, гуселет забегал по кругу, расплескивая воду во все стороны.

– Сейчас я его остановлю, – сказала Храпуша. Она вскочила в кабину и быстро нажала кнопку с надписью «стоп».

Потом Воттак и Трусливый Лев общими усилиями наклонили летучую повозку, чтобы вода вылилась. Потом они сбегали в хижину за Воттаковыми костюмами и уселись под деревом, поджидая, пока гуселет совсем просохнет.

Вдали, за верхушками деревьев, посверкивали на солнце крыши какого-то небольшого города. Храпуша, рассудительная, как всегда, предложила добраться на гуселете до этого города и выяснить у его обитателей, где они находятся.

– Хотя мне кажется, – добавила она, – что все будет хорошо, пока мы движемся в сторону Маджистана, но стоит нам повернуть в другом направлении, как ты, Воттак, и Боб опять посинеете. А это будет очень жаль, потому что вы такие красивые!

– Смотри-ка, Боб, мы с тобой можем дорожными указателями работать, вот здорово-то! – Воттак, не подумавши, решил по привычке перекувырнуться, но веревка все испортила. Кувырок не получился, а Трусливый Лев чуть не задохнулся.

– Да, непростое это дело – дружеская привязанность! – вздохнул Воттак. – Давайте-ка выясним, в какой стороне лежит Маджистан. Похоже, именно в эту сторону, увы, должен двигаться наш караван.

Сидя на спине Льва, он направил его налево. Не успел Лев пройти и трех шагов, как Воттак и Боб посинели.

– Давай теперь направо! – скомандовал клоун, дергая Льва за правое ухо. Лев пошел направо, и через несколько шагов стало ясно, что это тоже не тот курс. Кожа Боба и Воттака налилась еще более яркой синевой.

– Давай назад! – закричал клоун, пересаживаясь задом наперед и дергая Льва за хвост. Лев пошел назад, а Боб и Воттак засинели ярче прежнего.

– Все ясно! – сказал клоун. – Поворачивай и полный вперед.

Лев повернулся и пошел вперед. Через несколько шагов лица наших друзей приобрели свой обычный цвет. Все убедились, что именно в этом направлении лежит синее королевство Мустафы.

В той же стороне лежал и видневшийся вдали город, что очень радовало Боба – мальчик хотел как можно больше узнать о Стране Оз и ее необыкновенных жителях. Все приключения и опасности, с которыми пришлось столкнуться путешественникам, приводили его в восторг, и даже ужасная гроза с бурей, в которой они едва не погибли, его не напугала.

– Надо нам все-таки придумать, как перехитрить Мустафу, – сказал Воттак, когда все разместились в гуселете. – А пока что я последую своим правилам.

И он, на минуту отвязавшись от Трусливого Льва, натянул на себя новый костюм – самый, пожалуй, странный из всех, что мы видели. Костюм этот полностью покрывал его – только ноги внизу торчали. Спутники Воттака широко раскрыли от изумления глаза, увидев на его месте громадную пучеглазую рыбу. Ее тело было покрыто серебристой чешуей, по животу сверху донизу шли перламутровые пуговицы, на которые застегивался костюм, а руки Воттака прятались за плавниками. Этот наряд был не только самым странным из всех, но и самым неудобным, потому что Воттак не мог в нем сидеть. Его это, однако, не тревожило. Став перед панелью управления, он взялся за руль и нажал кнопку с надписью «старт». Колеса завертелись, и гуселет побежал по земле. При этом он подпрыгивал на каждой кочке и раскачивался из стороны в сторону – похоже, что к полету он был приспособлен лучше, чем к передвижению по земле.

– Тебе надо было надеть этот костюм во время грозы, – усмехнулась Храпуша. – Тогда, по крайней мере, тебе бы утонуть не грозило. А сейчас-то он тебе зачем, когда вокруг сухо?

– А вот увидишь, – ответил Воттак. – Стоит только горожанам увидеть рыбу, которая расхаживает посуху, они от одного удивления все наши просьбы исполнят. Уж ты мне поверь, я знаю, что делаю!

Храпушу его ответ, кажется, не убедил, и она поправила свой клюв с недовольным видом. Трусливый Лев недоверчиво покачал головой и прошептал Бобу:

– Говорю тебе, он сам не знает, зачем цепляет эти костюмы. Просто он не может этого не делать, так же как Храпуша не может не храпеть, а я не могу не трусить. Рефлекс!

Боб ничего не ответил. Но, по правде говоря, он не слишком одобрял Воттаковы переодевания – до сих пор, во всяком случае, они приносили одни неприятности.

Больше никто ничего не сказал – в гуселете стояла такая тряска, что разговаривать было трудно.

Чем ближе наши путешественники подъезжали к городку, тем очевиднее становилось, что он не похож ни на один город, который кому-либо из них приходилось видеть до этого. Даже Трусливый Лев, старожил Страны Оз, повидавший на своем львином веку немало странного и чудесного, вздрогнул от удивления, когда гуселет въехал в ярко сверкающие стеклянные городские ворота.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

А в это время...

в это время король Мустафа сидел на своем синем троне, не сводя глаз с волшебного кольца на большом пальце правой руки. С тех пор как Воттак и Боб покинули Маджистан, Мустафа большую часть времени проводил именно так, и глаза у него от этого стали косить. А в те минуты, когда он отводил взор от кольца, он с тоской устремлял его на картинку с Трусливым Львом в львиной книге, которая постоянно лежала у него на коленях.

В углу королевского шатра стояла большая клетка, где в тесноте и обиде сидели двадцать нейцев, которых Воттак отправил в Маджистан. А в полотняной крыше шатра виднелись двадцать ярко-синих заплат. Этими заплатами зачинили

дыры, которые нейцы проделали в полотне, когда влетали в шатер.

Сначала Мустафа очень разгневался, когда в его шатер посыпались невесть откуда неизвестные личности, и приказал всех их отдать на съедение львам. Но королеве Микстурре очень понравились перья, которые покрывали их головы, и она упростила супруга пощадить незваных пришельцев, чтобы у нее всегда были в запасе свежие перья для тюрбанов. А нейцам Мустафа понравился своей несправедливостью и неразумием, и они стали учить его нейским обычаям. И теперь синевородый король делался с каждым днем все более нетерпеливым и недовольным.

Гофмаршал Панапей ходил теперь на цыпочках и беспрестанно озирался по сторонам. Ему приходилось все время быть начеку, потому что каждый раз, как Воттак вел себя неправильно и кольцо чернело, король набрасывался на своего гофмаршала с криками и побоями, как будто Панапей был в чем-то виноват.

Когда кольцо почернело в первый раз (это было, когда Воттак твердо решил, что не предаст Льва), Мустафа завопил на Панапея:

– Они нас обманули! Они не вернутся! Слышишь ты, негодяй? Изменник!

– Ой! Караул! Ваше величество, зачем вы дерете меня за бороду? Мне больно! Снимите лучше кольцо! Оно волшебное, а моя борода нет!

Мустафа опомнился и сдернул с пальца кольцо. Мы помним, чем это обернулось для Боба и Воттака. С тех пор король наблюдал за кольцом постоянно, и даже во время еды не отрывал глаз от большого пальца, чтобы не прозевать момента, когда Воттак проявит непослушание.

А тем временем королевские ювелиры день и ночь сидели за работой. Им было велено изготовить золотой ошейник, усаженный сапфирами, и толстую золотую цепь. Мустафа

предназначал то и другое для Трусливого Льва, которого он твердо решил оставить у себя навсегда.

Что касается Валлитаза, то он по-прежнему занимался кормлением львов и в те редкие минуты, когда ему случалось заглядывать в королевский шатер, благословлял судьбу за то, что лишился хлопотливой должности маджистанского гоф-маршала.

– Пусть сначала Трусливого Льва доставят королю, – бормотал он себе под нос. – После этого у меня будет достаточно возможностей поспорить его величество с Панапеем и вернуть себе должность. А пока пусть уж лучше король таскает за бороду его, а не меня!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Консерватория

от так фунт! – воскликнул Воттак Фунт, вырывая на стеклянную улицу. – Ой, давайте не будем в этом городе останавливаться! – взмолился Трусливый Лев. – Что-то мне тут не нравится. Поехали скорее отсюда.

– Ты, главное, не дергайся, помни, что я к тебе привязан, – проворчал Воттак, поправляя покосившуюся рыбку голову.

– Ничего хорошего нас тут не ждет, попомните мои слова! – вздохнул Лев.

Храпуша обняла Боба. Все в изумлении смотрели на странный город.

У стеклянных ворот возвышался на столбе щит с надписью «Консерватория». В воздухе стоял пар и пахло уксусом и пряностями. У всех домов фасады были стеклянные, а сами дома

архитектурой напоминали кухонные шкафы. В каждом было по три этажа или, как впоследствии Боб рассказывал Дороти, по три полки. А на этих полках сидели, болтая ногами, очень странные человечки. Они целиком были заключены в стеклянные банки, и только руки и ноги у них торчали из специальных отверстий в стекле, причем так, что плотно закупоривали эти отверстия и в банки не проникал воздух. Их головы упирались изнутри в плотно навинченные крышки, отчего макушки у них были плоские, а выражение лица глуповатое.

Завидев гуселет, они стали соскакивать с полок и сбегать на улицу по стеклянным лестницам своих смешных домов. Они лезли под самые колеса, так что Воттак поспешно остановил гуселет, чтобы никого не задавить. И все-таки одному из горожан не повезло, и он угодил под колесо. Банка разбилась, и осколки разлетелись во все стороны. Боб вздрогнул.

– Ну вот, начинаются неприятности, – проворчала Храпуша, поправляя клюв.

Человечкам явно не понравилось это происшествие. Они забегали и замахали руками. Хотя наружу из банок долетало только неясное бормотание, по движению их губ и выражениям лиц путешественники поняли, что горожане выкрикивают угрозы и оскорбления. А вот крики несчастной жертвы слышны были явственно.

– Спасите! Помогите! Скорее! Я испорчусь! – вопил человек душераздирающим голосом.

Огорченный Воттак рванулся из кабины на помощь пострадавшему, начисто забыв о веревке. Веревка дернулась, он упал, рыба голова свернулась на сторону, так что теперь он ничего перед собой не видел. Пока Боб поправлял ему голову, человечки оттащили своего товарища от гуселета. В конце

улицы показалась какая-то громадная фигура, которая быстро приближалась. В одной руке новопришедший держал блокнот, а в другой карандаш. Он тоже был заключен в банку, но его банка была намного больше остальных.

– Ну и дела! – шепнул Воттак. – У нас в Америке в банках держат деньги, а здесь – самих себя. В каждой стране свои обычаи!

Большой баночный человек оторвал от своего блокнота листочек и быстро-быстро начал писать. Дописав, он ткнул листочек Воттаку под нос.

– «Вы обвиняетесь в разбое», – прочел клоун.

Человек с блокнотом явно был здешним начальником полиции. На нем был великолепный мундир со множеством галунов и позументов. Кожа у него была зеленоватая и в пупырышках, как у огурца, а в банке плескался маринад и плавали дольки чеснока и зернышки черного перца.

Воттак взял у начальника блокнот и карандаш и написал на листке: «Мы не хотели его разбивать, он сам виноват!»

Прочитав эти слова, баночные человечки разъярились пуще прежнего. Один из них – вероятно, родственник пострадавшего – отвинтил свою крышку и визгливо крикнул: «А вот мы вас в мясорубку! На баклажанную икру!» После чего он поскорее завинтил крышку, чтобы не испортиться.

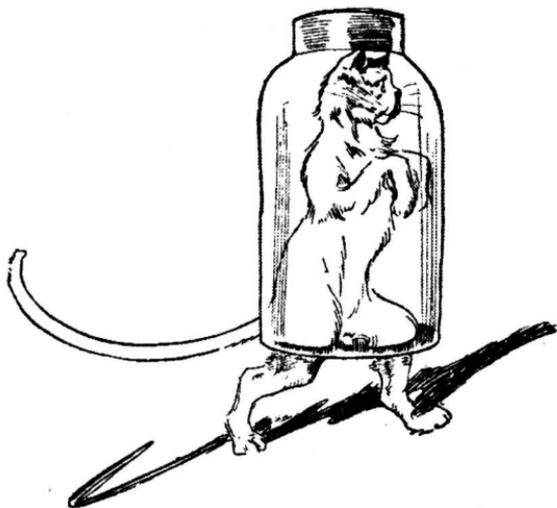
Начальник снова взялся за карандаш и написал: «Вы арестованы. Следуйте за мной».

– Это все потому, что я пренебрег собственными правилами, – вздохнул Воттак. – Повезливее бы надо было. Ну что, последуем за ним или смоемся?

– Лучше последуем, – сказал Лев. – Улететь всегда успеем, а мне охота рассмотреть этот консервный городишко. Будет о чем рассказать Дороти!

Воттак стал за руль и медленно и осторожно повел гуселет по стеклянной улице следом за размашисто шагающим начальником. Остальные человечки следовали сзади на почтительном расстоянии.

Боб, широко раскрыв глаза, вертел головой по сторонам. Когда дорогу гуселету перебежала, весело помахивая хвостом, маринованная собака, он радостно засмеялся.

– Какая все-таки чудесная эта Страна Оз! – воскликнул он. – Чего здесь только не увидишь! Правда, Храпуша?

– Так-то оно так, – протянула Храпуша, – да только... Ой, смотри! Кошка в оливковом масле!

Кошка шла медленно и важно, задрав трубой полосатый хвост.

Но тут полицейский свернул за угол. Гуселет последовал за ним, и наши друзья увидели перед собой невысокий помост, на нем стеклянный трон, а на троне королеву. Они и сами бы догадались, что это королева, и начальник написал на очередном листке из блокнота: «Ее величество королева Консерва Великая».

Вот так поскорее нажал на кнопку «стоп», чтобы ненароком не наехать на королевский трон. Королеву Консерву явно очень удивило неожиданное появление неведомых чужаков в странной повозке.

– Ой, скоропортящиеся! – взвизгнула она, отвинтив крышку. Самой ей порча явно не грозила. Она была вся нежно-розовая, очень мягкая, а вокруг нее в банке колыхалось прозрачное желе.

Начальник полиции заволновался, сразу написал: «Извольте немедленно завинтить крышку» – и сунул листок королеве. Боб решил, что это не слишком-то вежливо с его стороны. Храпуша тихонько хихикнула. Однако королева смиренно повиновалась. Завинтив крышку, она принялась рассматривать пришельцев. Видимо, ей особенно понравился Воттак. Не сводя с него расширенных глаз, она вырвала у начальника из руки блокнот и быстро нацарапала: «Будет великолепен в томатном соусе!»

– Так тебе и надо! – засмеялся Трусливый Лев. – Нечего было рыбой наряжаться.

Тем временем Консерва быстро переписывалась со своим полицмейстером, а наши друзья, вытянув шеи, еле успевали прочитывать их записки.

«Мальчонку в засол, зверя замариновать, птицу пустить на гусиный паштет», – распорядилась королева.

– Вот так! – сказала Храпуша. – Теперь не испортимся! Сохранность нам обеспечена.

Начальник ответил: «Лучше засолить их всех вместе и поместить в королевский музей».

Пока королева размышляла над этим предложением, Воттак шарил за пазухой в поисках карандаша и бумаги, поскольку ему не терпелось принять участие в разговоре. Однако его поиски успехом не увенчались.

– Ох, боюсь, вежливость уже не поможет, – сказал он со вздохом. – Давайте скорее пошутим да удерем, пока целы.

Он высунулся из гуселета, дотянулся до королевинной банки и постучал по ней. Желе заколыхалось, а розовое лицо королевы исказилось от гнева, и она стремительно схватилась за карандаш. Маринад в банке полицейского даже вспенился от негодования. Бросив взгляд на последнюю записку королевы, он бросился прочь, с невероятной скоростью переставляя свои кривоватые зеленые ноги.

Воттак успел выхватить у него из рук блокнот и карандаш. Трусливый Лев заглянул ему через плечо и прочел вслух последнюю королевину записку: «Привести сюда Королевскую Стряпуху!» В его желтых глазах заплясали веселые искорки.

Воттак вырвал чистый листок и написал на нем: «Поскольку нас тут собираются пустить в засол, что может повредить нашему здоровью, позвольте почтительно откланяться».

Королева Консерва наклонила голову, чтобы лучше видеть, и прочла это послание. На лице у нее появилось растерянное выражение, которое очень насмешило Боба, Храпушу и Льва. Но тут она внезапно решительным движением отвинтила свою крышку.

– Сюда! Скорее! На помощь! Хватайте их! – завопила она, высунув из банки голову. Потом она опять погрузилась в желе, чтобы отдышаться, но через минуту снова высунулась и принялась кричать. Так повторялось несколько раз. А наши путешественники, глядя на нее, помирали со смеху.

Это было не слишком разумно с их стороны. Им надо было не хохотать, а скорее улетать или по крайней мере вовремя оглянуться назад. Внезапно чья-то сильная рука так хлопнула Воттака по спине, что рыба чешуя с его костюма полетела во все стороны.

Это была женщина громадного роста – Королевская Стряпуха, а за спиной у нее собрался весь город. Некоторые из

консервов бросились успокаивать королеву, остальные плотным кольцом окружили гуселет.

Страшнее всех была Стряпуха – именно потому, что она не была законсервирована и обходилась без банки. Пришло время открыть вам тайну Консерватории: настоящей правительницей города была не глупая королева Консерва, а эта самая Стряпуха, которая на самом деле была злой ведьмой, помешавшейся на консервировании и домашних заготовках. Она подчинила себе весь город, который раньше назывался не Консерватория, а Тихий Уголок, и законсервировала в нем всех людей и животных.

– Рыба! – взвизгнула Стряпуха, тыча в Воттака громадной вилкой величиной с хороший зонтик. – Какая радость! Рыба мне еще не попадалась! И мальчишка! – Она ухватила Боба за подбородок. – Мальчишкам самое место в банке, иначе они избалуются! Ой, и птичка!

Храпуша в страхе захлопала крыльями, шумно поднялась в воздух и стала летать кругами над гуселетом.

– В котел, в котел! – вопила Стряпуха. – Прокипятить! Простерилизовать! Бланшировать! Залить кипящим уксусом! Закрутить! Дать остыть! И на холод, ха-ха, на холод!

Насмерть перепуганный Воттак потянулся к панели управления, чтобы нажать кнопку, но не успел – Стряпуха взмахнула громадной стальной поварешкой и с силой опустила ее на панель, которая разлетелась вдребезги.

Воттак понял, что побег откладывается, и решил вернуться к правилу номер два и попытаться выиграть немного времени вежливостью.

– Великолепная и бесподобная госпожа Стряпуха! – начал он. – Не поведаете ли, почему вы хотите законсервировать

нас против нашей воли и зачем вы законсервовали всех этих людей?

Это был удачный ход, потому что после консервирования Стряпуха больше всего на свете любила поговорить. А разговаривать с консервами было неудобно – приходилось или переписываться, или отвинчивать крышки, чего она не одобряла. Обрадовавшись, она немедленно отложила поварешку и присела на ступеньку трона.

– Что же, – заговорила она хриплым басом, – поскольку вам все равно от меня не уйти, я с удовольствием расскажу вам о своей благородной деятельности. Знайте, незнакомцы, что, когда живое существо попадает в банку, всем его заботам и неприятностям приходит конец. Ему обеспечена сохранность на долгие годы, а в пище и питье оно больше не нуждается. А значит, и работать ему больше не надо. Не это ли и есть настоящее счастье? Все, кого я законсервовала, очень мне благодарны. Разве тебе, белолицый, не надоело работать?

– Конечно, нет! – воскликнул клоун. – Я люблю свою работу!

– Ну, значит, ты редкое исключение, – уверенно ответила Стряпуха, рассматривая в то же время Трусливого Льва. – Но ничего, в консервированном виде ты будешь не хуже других. А уж лев твой будет просто бесподобно смотреться в банке. Вот только как будет лучше его сохранить – в уксусе или в собственном соку? Как ты думаешь?

Ведьма закрыла глаза и задумалась. Потрясенный услышанным Трусливый Лев чуть было на нее не набросился, но Воттак вовремя предостерег его взглядом и осторожно-осторожно, чтобы Стряпуха ничего не заметила, потянулся к единственной уцелевшей на разбитой панели кнопке. На ней было написано «взлет».

Полицейский заметил движение Воттака и неразборчиво забормотал что-то из банки. Но клоун, не дожидаясь, пока Стряпуха услышит его бормотание и откроет глаза, решительно нажал на кнопку.

Гуселет резко взмыл в воздух. Десятки баночных человечков повалились от неожиданного толчка на стеклянную мостовую – только осколки их банок полетели во все стороны. Стряпуха тоже упала и покатилась кубарем. А гуселет стремительно поднимался все выше и выше.

Воттак поскорее стащил рыбий костюм и стал рассматривать изуродованную панель в поисках еще хоть одной исправной кнопки. Но нет, вся система управления была безнадежно испорчена.

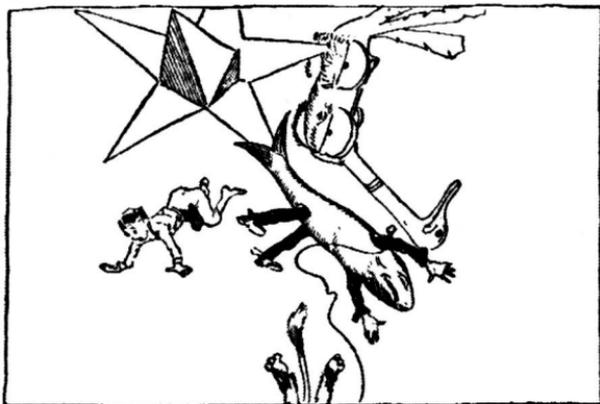
– Ох, до чего же мне опротивело летать! – жаловался Лев, изо всех сил цепляясь за сиденье. – Дурацкое занятие и совершенно не львиное!

– Куда мы летим, Воттак? – спросил Боб, со страхом глядя вниз, на быстро удаляющуюся землю.

– Пока наверх. А потом... – Воттак замолчал, вздрогнул и вцепился в руль.

Гуселет поднимался все выше и выше, все быстрее и быстрее. Бедные пассажиры потеряли счет времени, они сидели ни живы ни мертвы и только глотали ртом воздух. Ни разговаривать, ни думать они уже не могли. Неизвестно, сколько бы это еще продолжалось и куда бы они залетели, но внезапно гуселет налетел на небольшую звездочку, перевернулся и повис, зацепившись колесом за один из ее острых лучиков. А наши друзья камнем полетели вниз.

Одна Храпуша не испугалась и не утратила сообразительности, что и естественно, поскольку она находилась в своей стихии. Она сразу замахала крыльями, подлетела к Бобу и,

держась чуть пониже, ухитрилась посадить мальчика себе на спину. Потом она полетела вниз, стараясь не отставать от падающих рядом Воттака и Трусливого Льва, для чего ей приходилось махать крыльями очень энергично.

– Ой, что же делать! – причитала верная птица. – Ой, они же разобьются! Как быть? Мальчика-то я спасу, но троих мне не поднять. Эти двое погибнут! А ведь они такие красивые!

Позже Воттак рассказывал, что, хотя при падении замирает сердце и перехватывает дыхание, есть в нем и какое-то своеобразное удовольствие. Через какое-то время он слегка пришел в себя и заметил летящую рядом Храпушу с Бобом на спине. Это его обрадовало – мальчику, следовательно, не грозило разбиться. Слегка успокоившись, он попробовал пошевелить руками и ногами и даже крикнул что-то веселое Льву, чтобы его подбодрить. Но вот внизу показалась земля, она стремительно приближалась, и уж это зрелище никого подбодрить не могло. Храпуша закричала в испуге – она разглядела, что внизу лежит каменистая местность и нет ни стогов сена, ни даже деревьев, которые могли бы как-то смягчить удар при падении.

– Прощай, друг! – прорычал Трусливый Лев, поднимая глаза к Воттаку, который летел чуть выше. – Я тебя не забуду! Ты настоящий храбрец, хоть и любишь менять обличья.

Воттак был так растроган, что даже ответить ничего не смог. Он заметил острые скалы внизу и подумал, что скоро превратится в лепешку, и это будет его последнее превращение. Он молча помахал рукой своим друзьям и закрыл глаза.

Храпуша молнией метнулась вниз и усадила Боба на большой валун. После этого она распростерла крылья и стала парить в воздухе невысоко над камнями, надеясь, что сможет перехватить падающего Воттака.

Но ни Воттаку, ни Трусливому Льву не суждено было долететь до земли. Произошло нечто неожиданное. Когда они пролетали мимо выступающего на крутом горном склоне большого утеса, вдруг неизвестно откуда протянулась громадная каменная рука и схватила связывающую их веревку.

– Базальт с диабазом! – раздался громкий и скрипучий голос. – Это что еще за птички такие?

Из-за утеса вышел громадный каменный человек. Легко раскачивая веревку с висящими на концах Воттаком и Львом, он нагнулся и другой рукой потянулся к Храпуше и Бобу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Каменный человек

об обвил руками Храпушину шею. Верная птица решительно водворила клюв на крючок и приготовилась взлететь, унося мальчика от новой опасности. Беспомощно болтающийся на веревке Воттак печально вздохнул при мысли, что так и не успел переодеться в очередной костюм. Трусливый Лев, бросив единственный взгляд на каменную руку, держащую веревку, ничего не подумал, а только закрыл глаза и со страшной силой задрожал.

Каменный человек был раза в три выше обычного человеческого роста. Он был вытесан из цельной гранитной глыбы. Его лицо, хотя и грубоватое, казалось не злым, и Воттак решился с ним заговорить. Несколько раз открыв и закрыв рот, он наконец с трудом произнес:

– Спасибо, что не дали нам упасть.

– Не стоит! – проскрежетал каменный гигант. – Я спас вас не по доброте, а из любопытства. Я таких, как вы, за весь свой каменный век еще не видел.

Он опустил Воттака и Льва на большой выступ скалы, лежащий на уровне его большого каменного носа, прислонился к другой скале (он не мог сесть, потому что его каменный позвоночник был не слишком гибок) и принялся разглядывать новых знакомых.

– Лети сюда, – приказал он Храпуше, – и маленького человечка захвати с собой.

Храпуша неохотно повиновалась. Когда четверо друзей оказались рядом на каменной площадке и каждый из них убедился, что остальные целы и невредимы, они слегка приободрились и перевели дух. А странный спаситель внимательно их рассматривал. Долше всего взгляд его каменных глаз задержался на Трусливом Льве.

– Ты мне больше других нравишься! – пророкотал он. – Ты крепче их будешь. А они все какие-то непрочные.

Он ткнул Воттака каменным пальцем в бок и неминуемо сломал бы ему ребро, если бы не костюмы под комбинезоном.

– Не смей больше так делать! – рыкнул Трусливый Лев.

– И голос у него приятный! – заметил про себя великан. – Слушай, а кто ты вообще такой?

– Я Трусливый Лев, – взревел благородный зверь, – и лучше не пугай меня, а то я тебя в порошок сотру!

Великан повернулся к Воттаку.

– Не верю, что он может стереть меня в порошок, – сказал он. – Как ты думаешь?

– Зря не веришь, он у нас великий воин, – заверил его клоун, подмигивая Бобу. – Но зачем нам говорить о таких непри-

ятных вещах? Раз уж ты нас спас, то, может, скажешь, кто ты такой?

– Меня зовут Габбро, – ответил великан, после чего поднял большой камень и раскрошил его сильной рукой на мелкие куски.

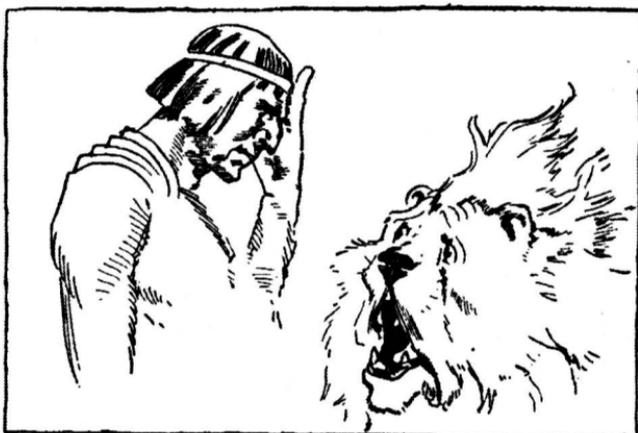
– Вы знаете, нам, пожалуй, пора, – сказала Храпуша дрожащим голосом. – Мы и так подзадержались. – А про себя она подумала: «Не хотела бы я попасть к нему в руки!»

– Не уходите! – попросил Габбро. – Я так давно ни с кем не разговаривал! С тех самых пор, как меня откопали.

– И сколько же это будет? – поинтересовался Воттак, почесывая ухо.

– Не знаю точно, лет пятьсот или тысячу, – ответил великан. – Сам-то я гораздо старше. Меня вытесал из большого валуна один доозторический человек, чтобы украсить свою пещеру. А потом случился оползень, пещеру засыпало, и я пролежал под камнями много веков.

– Кто же тебя откопал? – спросил Трусливый Лев. – И почему ты живой?

– Меня откопал волшебник Бимбом. Он же и оживил меня волшебным оживительным порошком. Я хотел его поблагодарить как следует, но не поймал – он почему-то убежал во всю прыть, как только я открыл глаза и пошевелился. С тех пор я стою тут и размышляю, что же это такое – жизнь и зачем она нужна.

– Ну и ну! – воскликнул Воттак. – Жить сотни лет и не знать, что такое жизнь! Да ведь вокруг тебя столько интересного! Тем более что страна вокруг волшебная. Это же Оз! Ты мог бы путешествовать и помогать всем, кто слабее тебя. Мог бы поступить на службу к здешней правительнице. Мог бы, наконец, город построить!

– Правда? – воскликнул Габбро. Он представил себе все эти замечательные вещи, недоверчиво покачал головой, еще немножко подумал и наконец топнул каменной ножищей и воскликнул: – Решено, я так и сделаю! Всем-всем буду помогать! И город построю! И к правительнице явлюсь!

– Ура! – закричал Воттак. – Вот это разговор! Присоединяйся к нам, мы как раз путешествуем. – Он решил, что Габбро может очень даже пригодиться, если придется драться.

– Можно я рядом с ним пойду? – спросил великан, указывая на Льва.

– Можно, только под ноги смотри, чтоб не споткнуться и на меня не наступить, – ответил Лев.

– А где живет правительница этой страны? – спросил Габбро, после того как торжественно заверил Льва, что постарается идти очень осторожно.

– В Изумрудном городе, – ответил Боб, который до этого молчал, с большим интересом разглядывая великана и слушая его диковинные речи.

– А-а! Это, наверное, в той стороне, – и Габбро махнул рукой на запад. – По ночам, когда я забирался на вершину горы, я частенько видел там яркие зеленые огни.

– Ну конечно! – взволнованно воскликнул Трусливый Лев. – Я только понять не могу, как ты удержался на месте и не пошел туда, чтобы узнать, что это за огни!

– Был бы ты каменный, как я, понял бы, – сказал великан.

– Пошли туда скорее! – Боб запрыгал и захлопал в ладоши. – Скорее бы нам увидеть Дороти и Страшилу!

Храпуша полетела к вершине горы, чтобы осмотреться и выбрать дорогу.

– Вы забываете про волшебное кольцо Мустафы, – вздохнул Воттак, печально показывая на веревку, соединяющую его и Льва. – Стоит нам немного продвинуться в сторону Изумрудного города, и Мустафа опять снимет кольцо.

– Что это еще за Мустафа такой и при чем тут какое-то кольцо? – недоуменно осведомился Габбро, шумно потирая свой гранитный лоб.

Воттак рассказал ему свою с Бобом историю, стараясь говорить покороче и выбирать слова попроще, чтобы каменный человек все понял. Дослушав рассказ до конца, Габбро подпрыгнул, отчего наши друзья едва не свалились с камня.

– Ну так дело же ясней речной гальки! – воскликнул великан. – Вы все явно слабее меня, и раз уж я решил помогать слабым, проще всего начать с вас. Ведите меня скорее в этот самый Маджистан! Я вашего Мустафу в порошок сотру и по ветру развею!

Прежде чем Воттак успел что-то на это ответить, прилетела Храпуша с сообщением, что действительно с вершины хорошо виден Изумрудный город и что до него не больше нескольких часов пути.

– Ну, раз так, я полагаю, что пришла пора нам разделиться, – сказал Воттак, быстро обдумав положение. – Боб, Храпуша и я поспешим в Изумрудный город и обратимся за помощью к Озме, Дороти и Волшебнику. А Трусливый Лев пусть идет в Маджистан. Кольцо не почернеет и Мустафа ни о чем не догадается, но, прежде чем Лев туда доберется, мы подоспеем с помощью.

– А я пойду со Львом, – объявил Габбро. – Я охотнее помогу ему, чем кому другому.

– Ура! – воскликнул Боб, и таким образом все было решено.

Воттак уселся на спину Льву, и тот спрыгнул со скалы. Потом Храпуша слетела вместе с Бобом. Клоун развязал узлы на веревке, соединяющей его со Львом, и немедленно посинел, как и Боб, но стоило Льву сделать несколько шагов по направлению к югу, как мальчик с Воттаком снова приобрели нормальный цвет. Воттак снова почувствовал себя свободным и на радостях шесть раз перекувырнулся, постоял на голове и

прошел несколько шагов на руках под радостные крики Боба и Храпуши.

– Великие горы! – вскричал Габбро. – Это что, теперь у людей принято так передвигаться? В каменном веке люди никогда не ходили на руках. Я, конечно, могу попробовать, но предупреждаю, что вряд ли у меня получится.

– Ой, пожалуйста, не надо пробовать! – испугался Воттак.

Храпуша поспешила объяснить каменному человеку, что большинство людей по-прежнему предпочитают ходить по старинке, головой вверх, передвигая ноги одну за другой.

– Ну, пошагали, пещерный житель! – сказал Трусливый Лев. – Маджистан находится в точности на юго-востоке. Вперед! Мы их всех там завоюем, они ахнуть не успеют.

– Вам не придется никого завоевывать, – сказал Воттак, на прощание крепко обнимая своего гривастого друга. – Волшебник наверняка придумает что-нибудь получше, если он действительно так умен, как все говорят.

Габбро нетерпеливо ждал, пока Трусливый Лев прощался с Бобом и Храпушей. Ему не терпелось отправиться в путь,

и это можно понять, если вспомнить, что он простоял на месте несколько столетий. Когда Трусливый Лев наконец объявил, что готов идти, великан радостно зашагал громадными ножищами. При каждом его шаге земля сотрясалась, и бедного Льва обдавало клубами пыли.

– До свидания! – в последний раз крикнул Боб, когда Лев с великаном свернули на узкую каменистую тропинку и скрылись за горным выступом.

– До свидания! – отозвался Трусливый Лев и махнул на прощание хвостом.

С того утреннего часа, когда наши путешественники улетели на гуселете с вострова Не, успело произойти столько драматических событий, что Воттак совершенно потерял счет времени. Но сейчас, когда он сделал несколько шагов в гору, у него потемнело в глазах, и он беспомощно опустился на камень. Боб был бледен и шатался от усталости, а Храпуша ежеминутно закрывала глаза и громко всхрапывала. А путь предстоял нелегкий – надо было сначала подняться до перевала, а потом спуститься по противоположному склону горы.

– Великий гиппопотам! – воскликнул Воттак, взглянув на солнце. – Ведь сейчас никак не меньше пяти часов, а мы с утра ничего не ели. Бобби, как насчет тех крутых яиц с «Услады путника»? Ты их не потерял?

Боб поспешно сунул руку за пазуху и с торжествующей улыбкой вытащил яйца, собранные в гнезде на волшебном дереве. Яйца чуть-чуть пострадали в выпавших путникам передрыгах, скорлупа потрескалась, но на их замечательном вкусе это не отразилось. Проголодавшиеся путники с аппетитом поели, запили обед водичкой из небольшого горного родника и почувствовали себя значительно лучше. Теперь они были

готовы отправиться в дорогу. Каменистая тропа, извиваясь, вела к перевалу.

– Надеюсь, с Трусливым Львом ничего не случится, – сказал Боб после нескольких минут молчания. – Я его очень люблю.

– И я тоже его люблю! – отозвалась Храпуша, которая летела чуть впереди. – Мне, конечно, будет очень хорошо в Америке, и я обязательно там разбогатею, но по Льву я ужасно буду скучать. Просто ужасно! Но в Америку все равно уеду, потому что не смогу расстаться с ним! – Она показала глазами на Воттака. – Уж очень он красивый!

Клоун подавил невольный вздох. С некоторых пор его уже не так сильно тянуло на родину. Преведная жизнь в цирке стала казаться ему пресной и скучноватой по сравнению с полной приключений жизнью в Стране Оз. Но эти мысли он гнал от себя.

– Если все выйдет как задумано, мы будем дома уже завтра, – сказал он, бросив исподтишка испытующий взгляд на Боба. При слове «дома» мальчик слегка вздрогнул. Ведь для него домом был унылый приют, где сироток нехотя воспитывали чужие люди, скупые на ласку и щедрые на поучения. В глубине души он надеялся, что Волшебник не сможет вернуть их домой. А Воттак задумался о том, позволит ли приютское начальство усыновить мальчика ему, клоуну, несерьезному человеку без солидного состояния и собственного дома. В конце концов он постановил, что все равно заберет Боба к себе, даже и без позволения. Самому Бобу он решил пока об этом не говорить.

До самого перевала они шли в молчании, а потом Воттак, который неспособен был долго грустить, запел песенку, которая сразу заставила Боба забыть о сиротском приюте:

*Я пришел домой с работы, весь усталый, чуть живой.
А в дому моем на славу порезвился домовый:
Чисто вымыта посуда, подметен до блеска пол,
И котлет румяных блюдо украшает шаткий стол.
Поклонился я ему,
Бедолаге моему.
Он не злой и не коварный, а совсем наоборот!
Одного я не пойму:
Отчего и почему
От Аляски до Небраски убежден честной народ,
Будто ходят домовые только пятками вперед?
Отвечает мне анчутка, низко голову склоня:
Очень много разных баек сочинили про меня.
В основном в них все правдиво, лишь в одном не прав народ:
Очень редко домовые ходят пятками вперед!*

– Кстати об усталости, – усмехнулась Храпуша, покачиваясь на тонкой ветке небольшого деревца, – думаю, нам придется заночевать вон в том лесочке внизу. По ночам небезопасно путешествовать, мы не львы. А к тому времени, как мы спустимся, будет уже темно.

– Что же, – улыбнулся клоун, – нам с Бобом не впервой ночевать в лесу. А с тобой мы и подавно ничего не боимся, ты своим храпом всех диких зверей распугаешь.

– Вот именно. Видишь, какая я полезная и незаменимая! – И довольная птица, поправив клюв, полетела вперед.

Неровная каменистая тропа круго шла вниз, Боб и Воттак то и дело поскальзывались и спотыкались, но через час благополучно спустились в долину. Когда они вошли в лес, уже совсем стемнело. В верхушках деревьев шуршал ветерок, и Бобу показалось, что деревья ласково приветствуют входящих.

Усталые путники остановились под развесистым кленом. Храпуша немедленно прислонилась к стволу и захрапела. По своему обыкновению она каждые три минуты просыпалась, топала лапой и снова засыпала. Воттак принялся собирать ветки и листья для постелей. Он постелил Бобу для тепла и мягкости свою львиную шкуру, и мальчик, удобно вытянувшись, стал смотреть в небо. Прямо над ним весело мерцала вечерняя звездочка. Боб подумал, что засыпать в лесу, любуясь звездой, гораздо приятнее, чем ворочаться в узкой койке в уютной спальне. Листья нежно шелестели, и даже Храпушин храп казался Бобу милым и приятным.

– Боб, – сказал Воттак, укладываясь на соседней куче листьев, – это какой-то очень дружелюбный лес. Он не похож на другие.

Боб кивнул, а листья зашелестели громче, словно в ответ на слова Воттака. В ту же минуту в каждом стволе открылось небольшое дупло, и каждое дерево, протянув ветку, достало оттуда по небольшой скрипочке. Не успели Боб и Воттак прийти в себя от удивления, зазвучала нежная музыка, и такой прелестной мелодии никто из них никогда не слышал раньше. Звуки музыки то усиливались, то затихали. Деревья, склоняя верхушки к невидимым нотам, водили смычками по струнам. Никакой человеческий оркестр не мог бы играть нежнее и слаженнее.

Дело в том, что наши друзья заночевали в Скрипичном лесу. Этот лес был одним из чудес Страны Оз.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Последнее переодевание Воттака

тот удивительный концерт запомнился Бобу на всю жизнь. Волшебная музыка, заставившая даже Луну спуститься пониже и заслушаться, басовитый аккомпанемент Храпушиного храпа, туманно рисующиеся в листве лица деревьев, наклоненные к скрипкам, и серебряное сияние звезд – все это слилось в удивительную гармонию, полную очарования. Слушая пение скрипок, Боб незаметно заснул, но сон в этом лесу мало отличался от яви, потому что весь был пронизан музыкой.

Когда он открыл глаза, солнце уже стояло высоко в небе и сияло вовсю. Боб хотел спросить у Воттака, действительно ли всю ночь играли скрипки или это ему приснилось. Он повернулся и увидел, что Воттака рядом нет. Храпуша тоже исчезла.

Полный тревоги, Боб быстро вскочил на ноги. Зеленый кленовый лист с белыми прожилками слетел с ветки и медленно и плавно стал опускаться. Подлетев к лицу мальчика, лист негромко, но отчетливо сказал:

– Поплывешь на лодке-скрипке.

Боб взял лист в руку и поднял удивленные глаза. Ему показалось, что дерево улыбается.

Сжимая в руке лист, Боб неловко поклонился дереву и отправился на поиски своих друзей. Вскоре он услышал веселое журчание воды, бегущей по камешкам, и свернул в эту сторону, потому что хотел пить. Через несколько минут деревья расступились и показался быстрый говорливый ручей. Вода в нем была такая прозрачная, что все ярко-белые камешки, устилающие дно, были хорошо видны.

Боб лег на берег, зачерпнул горстью воду и как следует напился. А выпрямившись, он с удивлением увидел лодку. Она была привязана розовым шелковым канатом к тонкому березовому стволу, низко склонившемуся над ручьем.

– Ой, это, наверное, и есть лодка-скрипка! – воскликнул мальчик.

Лодка была замечательная. Она была сделана из драгоценного красного дерева, отполированного до атласного блеска, и действительно имела форму скрипки, только там, где у настоящей скрипки натянуты струны, было большое углубление с удобной скамейкой, на которой лежали шелковые подушки. А весло было похоже на смычок.

Бобу захотелось немедленно поделиться с друзьями этим удивительным открытием. Громко зовя клоуна и Храпушу, мальчик побежал назад к дереву, под которым они спали. И тут он увидел нечто ужасное: под деревом стояла, склонив-

шись над его постелью, страшная ведьма! Ужасная, безобразная ведьма с громадным крючковатым носом, одетая в длинное платье, большой колпак, из-под которого выбивались седые космы, черные перчатки и остроносые туфли на острых каблуках!

Мальчик в ужасе закричал и бросился бежать куда глаза глядят. А ведьма бросилась за ним, на бегу ласково уговаривая его остановиться. Но чем больше она уговаривала, тем быстрее бежал Боб. Он, конечно, убежал бы от нее, но на беду споткнулся о древесный корень и с размаху шлепнулся наземь. Ведьма мгновенно подскочила к нему и помогла встать.

– Боб! Бобби! – восклицала она знакомым голосом. – Неужели ты меня не узнаешь? Это же я, Воттак!

– Воттак? – задыхаясь, повторил мальчик, ничего не понимая.

– Ну да! – ответил Воттак. – Это всего только один из моих маскарадных костюмов. Понимаешь, мы же направляемся в Изумрудный город, где живет народ непростой и волшеб-

ный. Кто там захочет разговаривать с простым клоуном? Другое дело, если к ним явится могущественная ведьма. Вот тогда и принцесса Озма, и Волшебник внимательно меня выслушают и охотно помогут.

– Нет! Ты их только напугаешь! – возразил Боб. Но Воттак покачал головой.

– Жителей волшебного города не так легко напугать, как маленького мальчика, – усмехнулся он. – Лучше посмотри, что я нашел! У нас будет прекрасный завтрак.

И он протянул Бобу его собственную шапку, в которую успел набрать орехов и лесных ягод. Клоун был так уверен в разумности своего переодевания, что Боб не стал больше спорить, а вместо этого набросился на ягоды, потому что очень проголодался.

Тут появилась, хлопая крыльями, Храпуша. Увидев переряженного Воттака, она так поразилась, что клюв у нее разом слетел со своего крючка. Но Воттак и ей уверенно объяснил, что гораздо разумнее явиться к Волшебнику в таком виде, чем в его собственном обличье.

Бобу не терпелось показать друзьям лодку-скрипку, и, быстро покончив с орехами и ягодами, все направились к ручью.

– Это самый дружелюбный лес на свете! – повторил клоун, с восторгом рассматривая лодку. – На лодке мы будем двигаться гораздо быстрее, чем пешком, и к тому же она намного безопаснее гуселета. Ну что же, поплыли!

Подобрав длинный подол платья, Воттак прыгнул в лодку и, отталкиваясь длинным веслом-смычком, как шестом, подогнал ее поближе к берегу. Храпуша устроилась на бортике, а Боб удобно сел на мягкую скамейку. Лодка плавно засколь-

зила по воде, управляемая веслом в умелых руках Воттака, а на берегах ручья ласково шелестели листвою добрые деревья.

Единственное, что омрачало Бобу удовольствие от путешествия на прекрасной лодке, была не оставляющая его мысль о неудачном переодевании его друга. Он твердо решил с первых же слов объяснить Дороти и всем остальным, кого они увидят в Изумрудном городе, что перед ними никакая не ведьма, а Воттак Фунт, самый лучший и веселый человек на свете. Это решение его успокоило, и он снова почувствовал радость и волшебный покой таинственного леса.

– А вы слышали ночью музыку? – спросил он Воттака и Храпушу.

– Боб! – вздохнул клоун. – Я ее слышал, и вот что я тебе скажу: немало я поездил по свету, но такой прекрасной музыки мне не доводилось слышать нигде и никогда.

– Спасибо, друг, на добром слове! Я всегда знала, что мой храп необыкновенно нежен и мелодичен, – сказала Храпуша и стала охорашиваться и приглаживать перья, поскольку хотела явиться в Изумрудный город в лучшем виде. Воттак так расхохотался, что едва не свалился за борт.

Всем было весело и легко на сердце, и Боб так же мало подходил на грустного приятского сиротку, каким он явился в Маджистан, как Храпушин храп на нежное пенье скрипок в волшебном лесу.

– Интересно, в Изумрудном городе есть, кроме Дороти, другие дети? – спросил Боб, немного помолчав. – Интересно тоже, знает ли Дороти о Дверном графстве и вострове Не.

– Думаю, что ты сможешь немало интересного порассказать этой девочке из Канзаса, – улыбнулся клоун. Храпуша, приладив на место свой клюв, стала рассказывать все, что бы-

ло ей известно об Изумрудном городе. К сожалению, знала она не слишком много, потому что на востров Не доходило мало известий из столицы Страны Оз.

– Надеюсь, что Трусливому Льву так же везет в дороге, как нам, – сказал Воттак, когда лодка вошла в зеленый тоннель, образованный низко нависшими ветвями. – И надеюсь, что каменный человек ведет себя прилично.

– Ох, боюсь я, что этот каменный человек – крепкий орешек и на руку тяжеловат, – отозвалась Храпуша.

– Ничего, я в нашего Левушку верю, он справится. Смотрите, лес-то кончился!

Действительно, с последним поворотом ручья перед путниками раскинулся широкий луг. А лодка внезапно сама собой остановилась.

– Видно, дальше она не пойдет, – сказал Воттак после нескольких тщетных попыток оттолкнуться веслом. Все, что ему удалось, – это подогнать лодку к берегу. Друзья поняли, что плавание пришло к концу и с лодкой пора расстаться.

– Но как же мы ее тут бросим? – сказал Воттак, почесывая за ухом, когда путники сошли на берег. И только он проговорил эти слова, как высокое дерево, стоящее на берегу, наклонилось, охватило лодку ветвями, подняло и передало соседнему дереву, а то – следующему. Так они и передавали ее все дальше, пока чудесная лодка-скрипка не скрылась в глубине леса. А Боб и Воттак смотрели на это во все глаза.

Казалось бы, видя каждый день вокруг столько чудес, можно к ним наконец и привыкнуть. Но, оказывается, привыкнуть к чудесам невозможно. Во всяком случае, Боб и Воттак удивлялись каждому новому чуду не меньше, чем предыдущему.

Проводив глазами лодку-скрипку, друзья бодро зашагали через луг. Впереди, за холмом, уже сверкали и искрились на солнце зеленые башни Изумрудного города.

Храпуша очень волновалась и каждую минуту поправляла клюв. Воттак репетировал про себя длинную речь, с которой намеревался обратиться к прекрасной принцессе Озме. А Боб шагал между ними, не чуя под собой ног, полный предчувствий – и радостных, и тревожных.

Пройдя через луг, они вышли наконец на знаменитую дорогу из желтого кирпича, о которой говорил Мустафа. По обе стороны дороги им стали попадаться хорошенькие зеленые домики, обитатели которых с любопытством глазели на странную компанию из окон. Несколько человек встретилось им на дороге, однако все встречные при виде ведьмы быстро сворачивали и убегали. Но наши путники не пытались их догнать и успокоить – охваченные нетерпением, они слишком торопились поскорей добраться до города.

Наконец они подошли к городским воротам, за которыми раскинулся чудесный город. Боб смотрел на него расширив-

шимися от восторга глазами, Храпуша от волнения стала заикаться, и даже Воттак, который много поездил по свету и побывал во всех знаменитых столицах, онемел от восхищения, потому что ни один из виденных им городов не мог сравниться с этим красотой и великолепием. Улицы, мощенные зеленым мрамором, блестели от изумрудов, дома поражали красотой архитектуры. А прекраснее всего был дворец, чьи купола и башни высились над деревьями чудесного парка.

Однако вход в городские ворота преграждал шлагбаум. Правда, привратник отсутствовал – он как раз пил чай у себя в домике. Поэтому Воттак недолго думая перемахнул через шлагбаум, а потом поднял его, повернув в замке изумрудный ключ. Путь был открыт!

– Ну что, идем к главному шатру? – сказал Воттак. Он был очень взволнован, и к тому же ему было не по себе среди подобного великолепия. Вся приготовленная речь мгновенно вылетела у него из головы, и он со вздохом решил действовать по своим старым правилам – переодевание, вежливость,

шутка, бегство. Правда, он не представлял себе, от кого и зачем здесь придется убежать, но ничего лучше придумать не мог.

Час стоял еще ранний, и в дворцовом парке было безлюдно. Но вот Боб, забежавший вперед, увидел на скамье у фонтана девочку в розовом платье. Она читала книжку.

– Это Дороти! – взволнованно воскликнул Боб и замахал рукой своим спутникам. – Совсем такая же, как на картинке в львиной книге! Идите сюда скорее!

Храпуша расправила крылья и взлетела. Воттак запахнул поплотнее черный плащ и, схватив Боба за руку, поспешил с ним к скамейке.

Услышав хлопанье крыльев, Дороти подняла голову и тут же вскочила на ноги, испуганно вскрикнув. Ведь все девочки, в том числе и принцессы Страны Оз, боятся ведьм.

– Ой! – воскликнула она и приготовилась бежать. Но тут ей попало на глаза золотое ведерко, которое всегда стояло у фонтана на случай, если кому-нибудь понадобится зачерпнуть воды. Дороти вспомнила, как она когда-то облила водой злую Западную Ведьму и та растаяла. Наверное, подумала она, все злые ведьмы боятся воды. Недолго думая девочка схватила ведро, поспешно набрала в него воды и, когда ведьма, странная птица и мальчик приблизились, выплеснула воду ведьме на голову.

– Ой, что ты делаешь! – завопила Храпуша. – Зачем же ты его облила, ведь он такой красивый!

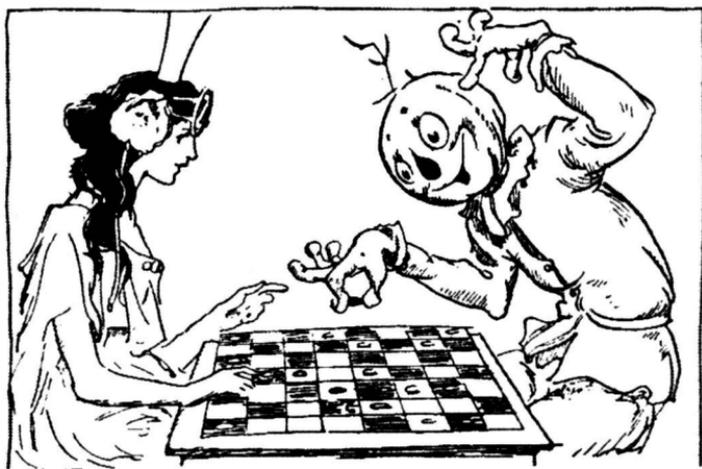
Воттак от неожиданности потерял дар речи и только фыр-кал и отплевывался.

– Подожди! Не надо! – кричал Боб, но Дороти уже снова наполнила ведро и снова вылила воду на голову Воттака. Кло-

ун, не имея сил вымолвить ни слова, отчаянно замахал руками, а это напугало Дороти еще больше. Она схватила небольшой серебряный свисток, который висел на зеленой ленточке у нее на шее, и пронзительно засвистела. Послышались звуки поспешно приближающихся шагов. В одно мгновение Боб и Воттак были окружены.

– Что случилось? – пробасил сэр Кофус из Покуса, верный рыцарь Дороти, опуская тяжелый кулак в железной рукавице на ведьмино плечо. Зеленобородый Солдат схватил за руку Боба, а Тикток изловчился ухватить за шею Храпушу. На свисток Дороти бежали все новые и новые защитники. Боб из всех сил кричал, пытаясь что-то объяснить, но в суматохе никто его не слушал. Пленников потащили во дворец.

Озма не слышала шума. Она спокойно сидела на троне и играла в шашки со Страшилой. Но вот в тронный зал ворвалась взволнованная толпа, и маленькая фея с удивлением подняла голову.

– Ведьму поймали! – визжала Лоскутушка, бежавшая, приплясывая, во главе процессии.

*Ведьму в черном колтаке,
С черным помелом в руке,
Что пришла твой трон отнять,
Удалось арестовать!*

«Ох, хоть бы они перестали так кричать», – думал бедный Боб, с надеждой и волнением глядя на прекрасное лицо Озмы. Они тут же и замолчали, потому что Озма подняла руку со скипетром, призывая к тишине.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
В Изумрудном городе

то первый увидел эту ведьму? – спросила Озма. Маленькая фея-правительница не любила ведьм и не доверяла им, потому что они доставили ей немало неприятностей в прошлом.

– Кто ее первый увидел? – повторила Лоскутушка, размахивая тряпичными ручонками. Страшила с упреком взглянул на нее, и она притихла. Прежде чем Дороти успела ответить, у Тиктока кончился завод, и хватка его медной руки на шее Храпуши ослабла, к ее большому облегчению.

– Бессовестные! – крикнула она, взлетая в воздух. – Хорошо же вы встречаете друзей! А тебе, грубиян, я бородищу-то зеленую повыдержгаю! – И она забила крыльями перед самым лицом Зеленобородого Солдата.

Тот от испуга выпустил мальчика.

– Беги, Боб! – вопила Храпуша.

Все были так удивлены видом и поведением этой странной птицы, что застыли в изумлении. Но Воттак сообразил, что она только усугубляет неприятное впечатление, которое друзья, к сожалению, произвели на обитателей дворца, и стал просить ее убрать подальше когти и успокоиться. Боб тоже стал ее успокаивать. Тогда Храпуша отстала от Солдата и с мрачным видом уселась на позолоченный шкафчик.

– Они тут, оказывается, еще хуже нейцев, – угрюмо ворчала она себе под нос.

– Мальчик-то, кажется, безобидный, – шепнул Страшила Озме. Он заметил, что Боб не сделал никакой попытки убежать.

– Почему ты пришел сюда с ведьмой? – строго спросила у Боба Озма.

– Да это же никакая не ведьма! – воскликнул Боб, чуть не плача. – Это Воттак Фунт!

– Не ведьма? – повторила Озма, подняв в недоумении брови.

Глаза всех присутствующих недоверчиво уставились на бедного Воттака. За одну руку его крепко держал закованный в латы сэр Кофус, а за другую – Железный Дровосек, так что он не мог избавиться от ведьминского костюма.

– Мальчик говорит правду, – негромко произнес он. – Если эти уважаемые железные господа меня отпустят, я смогу доказать, что я не ведьма.

– Не отпускайте ее! – предостерег Страшила. – Вдруг она нас околдует! Давайте сначала послушаем Дороти.

Пока Боб приплясывал от нетерпения, а Воттак еле слышно стонал от огорчения и досады, Дороти рассказала, что она

сидела в парке и вдруг откуда ни возьмись явилась эта странная тройца и устремилась к ней с неизвестной целью.

– Но ведь ведьма, наверное, растаяла бы, когда ты облила ее водой? – задумчиво спросила Трот. Девочке понравился Боб, и она начала подозревать, что произошло недоразумение.

– Надо позвать Волшебника! – воскликнул Тыквоголовый Джек.

Это было настолько разумное предложение, что Боб удивился, почему первым до такой простой мысли додумался человек, у которого вместо головы тыква. Мальчик понял, что одними словами он никого не убедит, и стал пока разглядывать окружающих.

Его чрезвычайно заинтересовал механический человек Тикток, а соломенный Страшила оказался самым веселым и жизнерадостным созданием на свете после Воттака. Даже сэра Кофус, который теперь поднял забрало, уже не казался ему страшным. А когда Веселый Верблюша просунул в окно свою длинную шею и осведомился, что случилось и почему во дворце стоит такой шум, мальчик невольно расхохотался.

Тут как раз в тронный зал торопливо вошел своей подпрыгивающей походкой маленький лысенький Волшебник. В руке он держал черный чемоданчик.

– Ну-с, что тут у нас приключилось? – спросил он. Страшила быстро рассказал ему то, что мы уже знаем.

– Если это ведьма, – сказала Озма, – ее необходимо немедленно обезвредить. Рисковать нам нельзя. Ты можешь с помощью волшебных инструментов точно определить, ведьма это или нет?

– А как же! – бодро ответил Волшебник, открыл чемоданчик и стал раскладывать на столе инструменты, коробочки и флакончики. Храпуша, встревожившись, слетела со шкафа.

– Ему будет больно? – спросила она, в волнении забыв, что решила больше ни с кем тут не разговаривать.

– Вполне возможно! – весело отозвался Волшебник. – Конечно, если это ведьма. А если нет, то бояться ей нечего. Пожалуйста, принесите кто-нибудь стакан.

Когда ему подали стакан, Волшебник сначала бросил туда по щепотке розового и зеленого порошка, а потом капнул чем-то красным, отчего в стакане немедленно вспенились пузырьки. Когда они дошли до самого верха стакана, Волшебник выплеснул его содержимое прямо в лицо ведьме. Сэр Кофус и Дровосек невольно отшатнулись, у Воттака вырвался крик испуга. Красная жидкость, пенясь, стекала по лицу Воттака. Никакого вреда она ему не причинила.

Волшебник улыбнулся.

– Это не ведьма! – сказал он, повернувшись к Озме.

– Зачем же вам понадобилось вводить нас в заблуждение? – спросила Озма у клоуна. Ее голос звучал сурово, но в нем чувствовалось облегчение. Воттак заметил это, приободрился и попросил рыцаря и Дровосека отпустить его. Они послушались, и Воттак мгновенно сбросил с головы парик и сорвал с себя ведьминский плащ.

– Ой, да это же клоун! – радостно воскликнула Дороти.

– А я вам что говорил! – закричал Боб. Он вырвался из цепких рук Зеленобородого Солдата, подбежал к Воттаку и обнял его.

– Ну и дела! – удивился Волшебник и тоже подбежал к Воттаку. – Какой приятный сюрприз! Дорогой коллега, позвольте

вас обнять! – Воттак не возражал, и Волшебник от всей души его обнял. – Я ведь и сам когда-то работал в цирке, и ваш вид пробуждает во мне самые светлые воспоминания!

– Ну, раз уж речь зашла о цирке, – сказал Воттак, – не могу не заметить, что ваша страна даст сто очков вперед любому цирку, в котором мне доводилось выступать.

– А вы умеете показывать фокусы? – спросила Дороти.

– Он все умеет! И фокусы показывать, и ходить колесом, и кувыраться, и на голове стоять! А сколько песен он знает! Правда, Воттак? – восклицал Боб, пританцовывая от радости.

– Я песен не меньше его знаю! – ревниво вставила Лоскутушка. – И на голове стоять могу не хуже любого клоуна! Пожалуйста, могу показать!

Сэр Кофус строго посмотрел на озорницу и погрозил ей пальцем. Озма постучала по подлокотнику трона и, когда все успокоились и замолчали, попросила Воттака рассказать, зачем он пришел в Изумрудный город и что побудило его к такому неудачному переоседанию.

– Мы грубо обошлись с вами и просим нас простить за это, – сказала она в заключение, – но виноват во всем ваш костюм.

– Вот именно! – не удержалась и тут Лоскутушка, сурово уставив на Воттака тряпичный пальчик. – Встречают-то по одежке! Назвался ведьмой – полезай в кузов!

Воттак со смущенным видом рассказал о своих четырех правилах – перемена обличья, вежливость, шутка и бегство.

– Правила-то сами по себе хорошие, вот только обличье я все как-то неудачно меняю, – вздохнул он.

– А зачем вам вообще его менять? Вам лучше всего быть самим собой! – весело сказал Страшила. – У вас обличье очень даже симпатичное.

Клоун обрадовался, смутился и даже покраснел под пудрой.

– Долой четыре правила! – завопила Лоскутушка. – Вот лучшие на свете два правила: во-первых, быть симпатичным, а во-вторых – быть самим собой!

Все громко рассмеялись – не столько от слов Лоскутушки, сколько от радости, что ведьма оказалась не ведьмой, а хорошим человеком.

Тем временем кто-то завел Тиктока, и он включился в беседу.

– Прав-вильно! – сказал он своим механическим голосом. – Вот я сам собой весь яркий и блестящий. Потому что медный.

– Ладно, уговорили, – сказал Воттак, когда веселье немного поутихло. – Буду самим собой. Может, это действительно лучше всего, хотя признаюсь вам, что всегда быть клоуном нелегко.

– А теперь, друг, – напомнил Страшила, которому не давало покоя любопытство, – расскажи нам все-таки, как ты попал в Страну Оз. И кто этот мальчик? Да познакомь нас со своей птичкой.

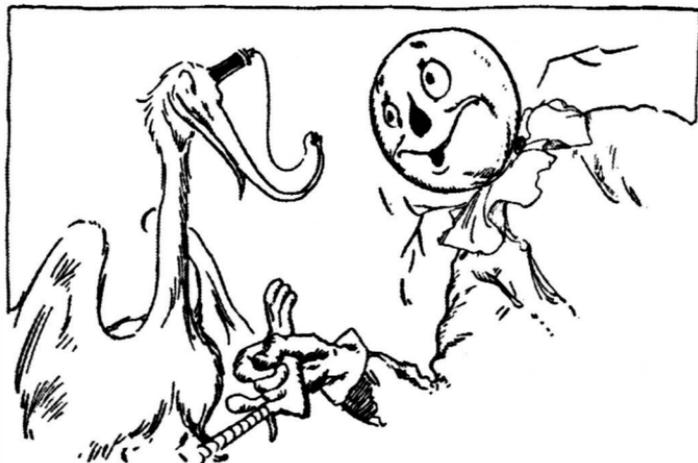
Воттак прижал к себе Боба.

– Этот мальчик, – сказал он, – Бобби Алле-гоп, мой друг из Топтауна, штат Пенсильвания. Это самый храбрый и замечательный из всех американских мальчиков.

– Ура! – закричала Лоскутушка. – Боб, Боб, Алле-гоп, что такой за таун Топ?

Сэру Кофусу снова пришлось сурово погрозить ей пальцем.

Потом Воттак представил собранию Храпушу. Птица сменила гнев на милость, прошлась по кругу, позволила всем полюбоваться своим необыкновенным клювом и рассказала, что его смастерил ей ее дядя, знаменитый страус Билли. Все, начиная со Страшилы, по очереди подошли к ней и пожали ей лапу. А потом все сели в кружок возле Озминого трона,

и Воттак начал рассказ обо всем, что случилось за три дня его пребывания в Стране Оз.

Но не успел он пересказать свой разговор с Мустафой, как за дверью раздался шум, и в тронный зал вбежал запыхавшийся дворцовый привратник. Он доложил, что во дворец прибыла добрая волшебница Глинда, правительница Страны Квотлинггов.

– Что-то случилось! – воскликнула, забеспокоившись, Озма.

– Не волнуйся раньше времени! – посоветовал Страшила, и никто бы не усомнился, что сам он совершенно спокоен и хладнокровен, если бы он не споткнулся и не скатился кубарем по ступеням трона. Но тут в тронный зал вошла сама Глинда в сопровождении несущих за ней шлейф двенадцати фрейлин в красивых огненно-красных платьях. Боб сразу понял, что перед ним могущественная фея. Придворные Озмы мгновенно расступились, давая Глинде дорогу.

Приблизясь к трону правительницы, волшебница спросила с беспокойством:

– Где Трусливый Лев? Кто-нибудь его видел?

Как ни странно, никто во дворце еще не успел обратить внимание на отсутствие Льва. Но при словах Глинды все начали переглядываться с растерянным видом.

– Ой, и правда! Я не видела его два дня! – воскликнула Дороти, схватившись за голову.

– Мы! – закричал Боб, забыв, что в присутствии коронованных особ надо сначала попросить разрешения заговорить. – Мы его видели! Только вчера!

– Что случилось? – забеспокоился и Воттак. – Наверное, мы зря отпустили его в Маджистан.

– Как, вы, оказывается, знакомы с Трусливым Львом? – удивилась Озма. Воттак еще не успел рассказать ни о своей встрече со Львом, ни о решимости Мустафы пополнить благородным зверем свой зверинец. Сейчас он поспешно, опуская не относящиеся к делу подробности о Дверном графстве и вострове Не, рассказал это все жадно слушающим его Озме, Глинде и всем остальным.

– Ясно! – вздохнула Глинда. – Теперь я понимаю, что значит последняя запись в моей волшебной книге. Друзья мои, нам нельзя терять времени. Кто-то из нас должен немедленно отправиться в Маджистан.

– А что написано в твоей книге? – спросила Дороти. Все собравшиеся притихли и опечалились, потому что любили Трусливого Льва. Надо вам знать, что волшебная книга Глинды – одно из величайших сокровищ Страны Оз. В этой книге сами собой появляются записи обо всех важных, интересных или опасных происшествиях в Стране Оз, ее окрестностях и даже в тех далеких странах, где живем мы с вами.

– Там написано, – ответила Глинда своим негромким и музыкальным голосом, – что Льву угрожает серьезная опасность и он погибнет, если помощь не подоспеет до полудня.

– Что-о! – закричал, не помня себя, Воттак. Сэр Кофус, ни слова не говоря, принялся точить боевой кинжал о стальной наколенник, а Страшила от ужаса снова упал.

– Где мой волшебный пояс? – вскричала Озма, хлопая в ладоши. – Джеллия, скорее неси его сюда!

Волшебный пояс Озмы мог по желанию его хозяйки мгновенно переместить кого угодно куда угодно. Сейчас Озма намеревалась с его помощью послать побольше людей в Маджистан.

Но прежде чем маленькая фрейлина успела вернуться с поясом, Воттак сам принялся за дело. Быстро оглядевшись по сторонам, он принялся отправлять в Маджистан всех, кто, как он считал, может пригодиться в сражении. Первым исчез сэр Кофус, успевший внушить клоуну большое уважение своей воинственной внешностью и силой железного кулака. Следом за рыцарем отправился Железный Дровосек вместе со своим острым топором, за ним Тикток, такой надежный и точный. Далее Воттак решил, что и волшебница Глинда пригодится в Маджистане, и, конечно, Волшебник с его таинственным чемоданчиком, и Дороти, потому что она горько плакала, и Боб, потому что Воттак не мог оставить его здесь одного, – и, ясное дело, Храпуша, которая много раз доказала свою полезность и незаменимость.

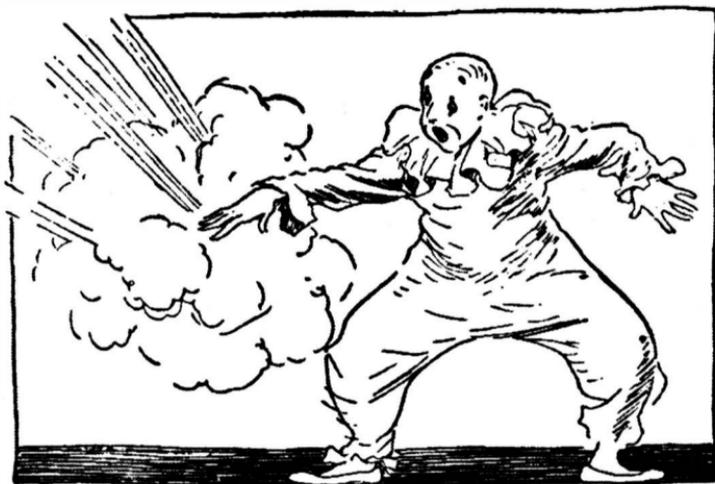
Озма, конечно, знала это заклинание, но давно им не пользовалась и совсем про него забыла, поэтому она ужасно удивилась и даже испугалась, когда ее друзья вдруг начали один за другим исчезать. Она подняла было скипетр, собира-

ясь вмешаться, но тут Воттак дотронулся до нее самой, проормотав знаменитый стишок, и Озма исчезла из тронного зала.

– Караул! – завопила Лоскутушка, выскакивая из окна. Все, оставшиеся в зале, забились в углы. Но Воттак, не обращая на них внимания, решил, что переправил в Маджистан всех, от кого мог быть там какой-то толк, и теперь ему осталось только отправить туда себя самого и Страшиллу. Схватив Страшиллу соломенную руку в желтой коленкоровой перчатке, он в последний раз произнес волшебные слова:

*Энди-бэнди-чики стан,
Мы поедем в Маджистан.
Квинтер-финтер-чики-баджи,
Мы теперь с тобою маджи.*

И мгновенно все оказались в Маджистане. То, что они там увидели, заставило их задрожать от ужаса.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Трусливый Лев на волосок от гибели

тобы понять, как удалось Трусливому Льву добраться до Маджистана за один день вместо трех, мы должны вернуться к тому послеполуденному часу, когда он зашагал вниз по горному склону рядом с каменным человеком. Габбро, шагая по каменистой тропе рядом со Львом, глубоко задумался – так глубоко и серьезно ему еще не доводилось думать за весь его гранитный век. Волшебник Бимбом снабдил его кой-какими мозгами, и хотя до сих пор Габбро мало ими пользовался, сейчас они пробудились и заработали на полную мощность.

Хотя гора, на которой Габбро провел много столетий, находилась совсем близко от Изумрудного города, его жители никогда на нее не взбирались. Поэтому каменный человек почти ничего не знал о жизни в Стране Оз. То, что он услы-

шал от Воттака, пробудило в нем любопытство, а к тому же ему действительно очень пришелся по душе Трусливый Лев. Бедный зверь совсем пришел в смущение от похвал, которыми его осыпал Габбро.

– Красивее тебя никого нет в Стране Оз, – снова и снова повторял великан. – У тебя есть только один недостаток: ты не каменный. Эх, будь ты вытесан из гранита, как я! Вот это была бы красота!

– Представляю! – фыркнул Лев. – Хотя, – задумчиво добавил он, – уж каменный лев, наверное, точно ничего бы не боялся!

Чтобы сменить тему разговора, он стал рассказывать великану о своей трусости и признался, что и в путешествие-то отправился в надежде от нее избавиться.

– Так ты хотел бы ничего не бояться? – спросил Габбро своим скрежещущим голосом. – Ты был бы доволен, если бы все твои страхи исчезли?

– Еще бы! – вздохнул Трусливый Лев. – Ни о чем я так не мечтаю. Понимаешь, хотя я и не бегу от опасности, но всегда ужасно хочу от нее убежать, и это желание причиняет мне большие страдания.

– Значит, все, что тебе надо для счастья, – это избавиться от желания убежать от опасности? – уточнил Габбро и при этом топнул ногой с такой силой, что Лев чуть не упал. – Это я могу тебе устроить в любую минуту!

– Неужели ты можешь наделить меня храбростью? – взревел Лев, останавливаясь как вкопанный. – Что ж ты раньше молчал?

– Да, я могу сделать так, что ты совершенно перестанешь чего бы то ни было бояться, – ответил Габбро, отводя в сторону каменные глаза. – Это мне по силам.

– А от кого же ты научился волшебству? – недоверчиво спросил Лев.

– Ни от кого, – проскрежетал Габбро. – Просто в мозгах, которые мне дал волшебник Бимбом, это знание уже было с самого начала. Ну что, хочешь, я это сделаю теперь же?

Лев чуть не ответил: «Конечно, хочу!», но какое-то неясное опасение заставило его промолчать. Он сел и стал задумчиво чесать задней лапой за ухом. Он недаром всю жизнь прожил в волшебной стране – у него не было сомнений в том, что Габбро говорит правду. И все же что-то в словах каменного великана внушало ему непонятную тревогу.

– Знаешь что? – сказал он наконец. – Дай мне время немножко подумать, если это тебя не обидит. Расскажи мне, как ты это хочешь сделать.

Габбро медленно покачал головой.

– Если я тебе расскажу, волшебство не подействует. Лучше давай сделаем это сейчас.

– Нет! – с трудом ответил Лев, раздираемый противоречивыми чувствами. – Мне надо подумать. Вот что, – добавил он, сразу повеселев, – давай сделаем это, когда покончим с делами в этом несчастном Маджистане. С моей стороны нехорошо было бы заботиться о себе, когда мой друг Воттак в опасности. Сначала помоги мне, а от трусости избавишь потом.

– Ну как хочешь, – проворчал Габбро и зашагал дальше. Он больше не заговаривал о своем предложении, но несколько раз Льву случалось заметить, что его спутник как-то странно на него поглядывает, беззвучно шевеля при этом каменными губами. В эти минуты у Льва сердце замирало от страха. Наконец он решительно прыгнул вперед и загородил великану дорогу.

– Послушай, – рыкнул он. – Пообещай мне, что без моего согласия ты не станешь проделывать со мной никаких волшебных фокусов. Я, знаешь ли, всю жизнь всего боялся и сейчас ужасно боюсь неожиданного превращения в Храброго Льва. Мне нужно подготовиться.

– Я же сказал: как хочешь! – недовольно ответил каменный человек. – Хотя я не вижу смысла откладывать хорошее дело. Собственно говоря, что страшного, если твои друзья и посинеют немного? Это не больно. Почему ты должен сдаваться этому противному старому маджу?

– Это мое дело! – ответил Лев. Его неприятно удивила черствость великана, но он подумал, что, наверное, от каменного человека и не следует ждать мягкости и сочувствия. Вслух он сказал: – Давай-ка поспешим!

И они зашагали быстрее.

Дело уже шло к вечеру, когда они подошли к небольшой усадьбе. Ее хозяин, добрый фермер-жевакинец, угостил Трусливого Льва вкусным обедом. А вот на Габбро, который, пока

Лев ел, стоял, прислонившись к сараю, он смотрел с недоверием и опаской.

– Он мне сарай обвалит, – прошептал он Льву на ухо. – Он слишком большой и тяжелый, чтобы разгуливать по нашим полям. И почему он вообще живой? Озма его видела? Или Страшила? Эй, ты! – сердито крикнул он, когда сарай затрещал и покосился. – Ты лучше к чему другому прислонись!

– И не подумаю, мне и тут удобно! А не нравится – иди сюда и попробуй меня сдвинуть! – угрюмо ответил великан.

После этого Трусливый Лев постарался как можно скорее доесть обед. Он проглотил одним глотком все, что осталось на тарелке, и побежал по дороге. Он знал, что каменный человек пойдет за ним и оставит в покое сарай бедного фермера.

– Ты же хотел помогать людям! – сказал он с упреком, когда Габбро его догнал.

– А я передумал, – ответил великан с холодной каменной усмешкой. – Я только тебе помогу, а другим не буду.

Трусливый Лев попробовал пристыдить своего спутника, но тот не обращал на его увещания никакого внимания, так что Лев в конце концов замолчал. Они шагали в полном молчании довольно долго, и наконец Лев совершенно выбился из сил и остановился. Они как раз подошли к густой рощице. Приближалась ночь, и у Льва слипались глаза. За последние два дня он пережил слишком много опасностей и приключений и теперь нуждался в отдыхе.

– Габбро, ты покараулишь, пока я немного посплю? – спросил он, широко зевая. Каменный человек невозмутимо кивнул большой головой. Он помнил, что и в каменном веке люди время от времени укладывались, закрывали глаза и ле-

жали так по нескольку часов. Этот странный обычай был ему непонятен, но он решил, что, наверное, это нужно этим странным, мягким и непрочным существам, которых он находил суетливыми и надоедливymi.

Трусливый Лев растянулся под деревом, глубоко вздохнул, потому что очень скучал по своим друзьям, закрыл глаза и немедленно погрузился в глубокий сон.

Некоторое время Габбро стоял совершенно неподвижно. Потом он начал тихонько бормотать себе под нос. Ему казалась смехотворной идея откладывать избавление Льва от трусости до прихода в Маджистан. Дело в том, что он скрыл от Льва самое главное: после этой операции Лев полностью оказался бы в его власти. Великану не хотелось больше ни путешествовать, ни строить город, ни помогать слабым. Все, чего он хотел, – это вернуться со Львом на свою гору и спокойно там жить.

Он даже не понимал, чем ему понравилась мысль явиться к Озме или построить город. Все это казалось ему ужасно

скучным. И расхаживать по дорогам ему надоело. У него даже начали крошиться пальцы на ногах. И зачем он только дал Трусливому Льву это глупое обещание? Но нарушить обещание Габбро не мог – ведь он был каменным, и это не позволяло ему отречься от своих слов. Нетерпеливо притопывая, Габбро задумался о том, как выпутаться из затруднительного положения.

Когда на небе зажглась двадцатая по счету звездочка, ему в голову пришла наконец удачная мысль. Будучи каменным, он, естественно, не нуждался в отдыхе и мог идти сколько угодно. Раз он не может отказаться от путешествия в Маджистан, нужно не терять зря времени и явиться туда как можно раньше. К тому же он мог передвигаться в три раза быстрее, чем любое из этих теплых и непрочных созданий, поэтому уже к утру он сможет добраться до Мустафы.

Тут как раз мимо проходил, сунув руки в карманы, запоздавший жевакинский пастушок. Габбро схватил его, поднял к своему лицу и спросил дорогу в Маджистан. Когда бедный паренек, справившись кое-как с дрожью и стучащими зубами, сумел пробормотать какие-то указания, Габбро небрежно швырнул его на землю, подхватил под мышку Трусливого Льва и побежал в сторону маджистанской пустыни. При этом он без зазрения совести наступал на сараи и заборы, которые попадались ему под ноги, а те дома, которые оставались в стороне, сотрясались от его тяжелых шагов.

Лев проснулся почти сразу и попытался вырваться из каменных рук великана, но это оказалось ему не по силам.

– Куда ты бежишь? – сердито спросил он, дрожа и от испуга, и от сильной тряски.

– В Маджистан! – ответил Габбро, не сбавляя скорости. – Я обещал не лишать тебя трусости, пока мы не покончим с та-

мошными делами. Ну вот, я и решил поскорей покончить с Мустафой.

– Остановись! – просил Лев, но с тем же успехом можно было просить о чем-то каменную гору. Габбро мчался, как ветер, у Льва замирало сердце, кружилась голова, ему трудно было говорить, но он продолжал уговаривать непреклонного великана, пока окончательно не лишился сил. А Габбро молчал и, только когда Лев наконец затих, спокойно сказал:

– Что толку со мной спорить? Я каменный, и намерения мои тверды, как камень. Я доставлю тебя в Маджистан, потому что дал такое обещание. А потом ты останешься со мной навеки.

У бедного Льва не осталось сил даже на то, чтобы задрожать при этих ужасных словах. Он просто закрыл глаза и постарался прогнать все мысли и о Мустафе с его девятью тысячами девятьюстами девянота девятью с половиной львами, и о Габбро с его страшной угрозой. Однако избавиться от этих мыслей было нелегко. С каждым новым шагом каменного великана он все больше жалел о том, что так необдуманно ему доверился. Он понимал, что Воттак и Боб никак не успеют вовремя попасть в Маджистан и прийти ему на помощь. Ему оставалось только одно: драться до последнего, и будь что будет.

Заснул ли он наконец или потерял сознание от качки, он так и не узнал. Открыв глаза, он увидел, что лежит на земле вплотную к железному ограждению. Габбро стоял рядом и кричал, требуя, чтобы ему открыли ворота и впустили в Маджистан. Великан прошел трехдневный путь за одну ночь!

Солнце уже поднялось, и горячий ветер маджистанских пустынь ерошил львиную гриву. Заслышав шум, прибежал си-небородый гвардеец. Бросив один-единственный взгляд на

Габбро и Льва, он, не говоря ни слова, помчался со всех ног к полосатому шатру своего повелителя.

Мустафа по-прежнему сидел, не сводя глаз со своего волшебного кольца. Взволнованные слова стража о рвущемся в ворота страшном каменном великане он пропустил мимо ушей – он мог думать только о Трусливом Льве, поэтому из доклада гвардейца он понял только одно: у ворот его королевства стоит замечательный лев – и не просто лев, а сам Трусливый Лев. Наконец-то! Громко призывая Панапея, Мустафа устремился к воротам с такой скоростью, что потерял обе сандалии. Добежав до ограды львиного заповедника, он дрожащими пальцами повернул ключ в замке. К счастью, девять тысяч девятьсот девяносто девять львов находились в это время в другой части заповедника, и Габбро с Трусливым Львом, повинувшись знаку королевской руки, спокойно вошли в ворота. Трусливый Лев слегка пошатывался – он еще не пришел в себя после ужасного путешествия в каменных руках, но великан вошел твердым, тяжелым шагом и, подойдя к королю, остано-

вился, возвышаясь над Мустафой, как гора. А король и не смотрел на него, он видел только Льва.

– Добро пожаловать! – воскликнул Мустафа, размахивая ятаганом. Панапей, бросив взгляд на Габбро, со сверхъестественной быстротой взобрался на ближайшую пальму.

– Вы велели, как я слышал, меня поймать, – прорычал Лев, слегка дрожа, но твердо решив выдержать все испытания. – Ну так вот он я.

– Ну зачем ты так! – осторожно ответил Мустафа. – Не поймать, а пригласить. Или, вернее, даже так: мы желали украсить наш двор твоим блистательно-трусливым присутствием. Мы слышали, что ты великий воин, – добавил он, радостно теребя синюю бороду.

– Ну что, раздавить его или в порошок стереть? – осведомился Габбро, прерывая королевские разглагольствования. И тут Мустафа наконец разглядел, кто стоит рядом с ним.

– Панни! – завопил он, оглядываясь по сторонам в поисках своего гофмаршала. – Панни, зови гвардейцев!

– Сами зовите! – отозвался гофмаршал, который сидел на верхушке пальмы и стучал зубами. – А мне и на дереве хорошо!

Габбро протянул ручищу к королю. Но Трусливый Лев одним прыжком стал между ними. Пусть Мустафа был несправедлив и жесток, Лев не собирался стоять рядом и смотреть, как великан расправляется с ним. Он решительным жестом приказал каменному человеку отойти, и Габбро неохотно повиновался.

– Я сам справлюсь, – сказал Лев. – Не вмешивайся, пока я тебя не позову.

– Долго ты думаешь возиться? – проворчал Габбро. На самом деле он был даже доволен, потому что хотел без помехи

припомнить заклинание, которое должно было изменить Льва. Из каменной памяти великана ускользнуло одно слово.

– Может быть, час или два, – неуверенно ответил Лев. Про себя он решил при первой возможности убежать от обоих разбойников – и от синебородого, и от каменного.

– Ладно, развлекайся. – Габбро даже улыбнулся, произнося эти слова. Он мог проявить уступчивость, потому что не сомневался, что очень скоро Лев окажется в полной его власти и уже навсегда. Поэтому Габбро спокойно облокотился на железный забор и погрузился в свои мысли, а Лев последовал за Мустафой, который устремился к своему шатру так быстро, что вздымал на бегу тучи песка.

– А где этот твой ходячий могильный памятник? – осведомился он, усаживаясь на трон.

– Остался снаружи, – ответил Лев, переводя дыхание. Он так запыхался и устал, что не заметил знака, который Мустафа подал стражникам, входя в шатер. Через мгновение у него на шею оказался золотой ошейник с прикрепленной к нему толстой золотой цепью.

– Ну вот! – сказал Мустафа. – Вот мы тебя и поймали.

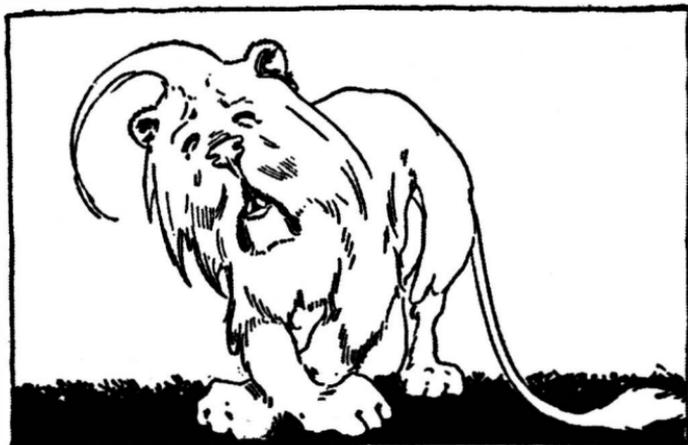
Сразу забыв на радостях о каменном человеке и его угрозах, он приказал двум стражникам отвести пленника ко львам. Трусливого Льва вывели с другой стороны шатра, так что Габбро ничего не заметил. Лев упирался всеми четырьмя лапами и очень громко и грозно рычал, но на помощь двум стражникам явились еще шесть, и бедного Льва потащили к входу в заповедник.

– Ну вот, теперь мы и проверим, так ли этот Трусливый Лев храбр, как о нем говорят, – потирая руки, говорил Мустафа, идущий рядом. – Славная будет драка!

Та часть заповедника, к которой привели Льва, была пошире прочих. Здесь имелась настоящая песчаная арена. Именно здесь собрались девять тысяч девятьсот девяносто девять львов. Прижав носы к железной решетке, они смотрели на приближение соперника. Мустафа успел им все уши прожужжать рассказами о Трусливом Льве, который явится и расшвыряет их, как котят. Поэтому они заранее считали Трусливого Льва смертельным врагом и собирались немедленно и безжалостно с ним расправиться.

Двое стражников распахнули железные ворота, а шесть остальных стали уколами копий загонять Льва внутрь ограды. У бедного Льва потемнело в глазах. Столько злобных глаз, бьющих оземь хвостов и острых клыков! Такое злобное рычание!

Но злобные хищники не успели наброситься на Трусливого Льва. Только они подобрались и прижались к земле, готовясь к прыжку, как случилось нечто, чего никто из присутствующих не ожидал.

Раздался грохот, словно от падения на каменный пол всех кастрюль и сковородок, стоящих на полках в дворцовой кухне, и на песке рядом с Мустафой неведомо откуда возник сэр Кофус! И не успели львы удивленно заморгать глазами, как рядом с рыцарем появились Железный Дровосек, Тикток, Глинда и маленький Волшебник. А вслед за ними показались Дороти, Храпуша и Боб! И наконец, самыми последними на песок опустились Озма, Страшила и Воттак Фунт.

– Караул! – завопили стражники и разбежались в разные стороны.

– Какой град из царственных персон! – воскликнул Валли-таз, который пришел полюбоваться на львиную драку. – Спасайтесь, государь! – Он потянул Мустафу за край бурнуса. Толстый придворный сразу узнал по портретам принцессу Дороти и правительницу Озму.

Но не успел Мустафа убежать, а явившаяся из Изумрудного города компания перевести дух, как девять тысяч девятьсот девяносто девять львов, раньше всех оправившиеся от потрясения, с кровожадным ревом набросились на Трусливого Льва.

Дороти закричала. Страшила отважно, но безуспешно пытался пролезть сквозь решетку, хотя он явно ничем не мог помочь другу. Остальные застыли в ужасе. Трусливый Лев, сжавшись, прижав уши к голове и подняв лапы с острыми когтями, готовился отразить первое нападение.

Но тут появился Габбро, привлеченный шумом. Тяжелые шаги каменного человека гулко сотрясали землю. Габбро поднял каменную руку и произнес семь волшебных слов!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Оз побеждает

С емь волшебных слов! И не успели звуки этих слов замереть в воздухе, как каждый из девяти тысяч девятисот девяноста девяти львов немедленно окаменел – окаменел в буквальном смысле этого слова, превратился в каменную статую! Одни львы застыли, изготовившись к прыжку, другие уже начали прыгать, вытянув тело и выбросив вперед лапы. Девять тысяч девятьсот девяносто девять каменных статуй с грохотом повалились на землю. Получилась целая каменная пирамида из львов. И где-то в самом основании этой пирамиды лежал окаменевший Трусливый Лев.

– Остановите его! – вскричала Озма. Маленькая правительница еще даже не успела встать и сидела на песчаном

бархане в той самой позе, в которой на нем приземлилась. Сэр Кофус отважно бросился на Габбро с обнаженным мечом, но только затупил его о гранитную голень великана. А Габбро, обращая на людей не больше внимания, чем на докучливо жужжащих мух, принялся ломать железную решетку, отделяющую людей от львов. Застывший от удивления Мустафа сам походил на каменную статую, а что касается его гвардейцев, то эти достойные воины давным-давно удрали.

– Что ты наделал! – восклицал Воттак, тщетно пытаясь привлечь внимание Габбро. Он схватил железный прут, который великан отломал от ворот, и заколотил его по ноге.

– А, это ты? – Габбро наконец соизволил заметить клоуна. – Уже здесь? Видишь, я последовал твоему совету.

– Когда это я тебе такое советовал? – вскричал Воттак, не помня себя от горя.

– А как же! – Габбро успел доломать ворота и ступил за ограждение. – Ты мне советовал помогать тем, кто слабее. Вот я и помог Трусливому Льву избавиться от трусости. Теперь он каменный и ему никто не страшен. А самое главное – теперь он принадлежит мне!

Склонившись над кучей каменных львов, он принялся расшвыривать их во все стороны, словно мелкие камешки.

– Что же делать! – кричала Храпуша. – Волшебник, остави хоть ты его! Ведь он сейчас уйдет с нашим Львом! Что вы все стоите, сделайте что-нибудь!

– Я должен подумать! – простонал Страшила и обхватил руками голову. Дороти и Боб подбежали к решетке, следя за руками великана, который вот-вот должен был достать из кучи Трусливого Льва.

Но Глинда и Волшебник уже совещались, склонив друг к другу головы.

– Пусть он сначала найдет Льва, – шептал Волшебник. – Нам было бы трудно поднимать эти каменные статуи, они слишком тяжелые. А тогда уж мы с ним справимся!

Тикток и сэр Кофус зашли вслед за Габбро на территорию львиного заповедника, но один из отброшенных великаном львов сбил Тиктока с ног, и сэр Кофус, рассудив, что иногда и доблесть бывает вынуждена отступить, отошел на безопасное расстояние, откуда принялся угрожать великану всеми видами наказаний – от вечного заключения в пещеру до отбивания рук молотком. Но Габбро продолжал разбирать каменную кучу. Наконец показался Трусливый Лев, которого сразу можно было узнать по гриве. Дело в том, что Трусливый Лев, как мы помним, окаменел в одну из самых трудных минут своей жизни, и хотя он приготовился сражаться до пос-

ледней капли крови, волосы на его пышной гриве от страха стали дыбом. Поэтому и в виде статуи он был красивее остальных львов.

Дороти заплакала в голос, увидев, что Габбро засунул ее любимого друга под мышку и повернулся уходить. Но не успел он сделать и двух шагов, как Глинда и Волшебник, взявшись за руки, одновременно произнесли заклинание, которое лишило его способности двигаться. Трусливый Лев с грохотом упал на землю. Кусок камня откололся от его гривы и отлетел в сторону. Габбро застыл с поднятой в воздух ногой, его руки бессильно повисли.

Жизнь покинула каменного человека!

Легкость, с которой Глинда и Волшебник лишили Габбро жизни, испугала Воттака.

– А что же будет с Трусливым Львом? – воскликнул он. – Вы можете его оживить?

Все тут же подбежали к бедному окаменевшему Льву и общими усилиями поставили статую на ноги.

– Другого выхода не было, – объяснил Волшебник, с сожалением глядя на громадную статую Габбро. – Он во зло воспользовался даром жизни и в дальнейшем мог бы причинить нам немало бед.

– Он уже причинил нам большую беду! – воскликнула Дороти, обнимая холодный и бесчувственный камень, который раньше был ее лучшим другом.

– Не плачь, Дороти! – сказал Страшила. – Глинда обязательно придумает, как вернуть нашего Левушку к жизни.

Воттак и Боб тоже стали утешать плачущую девочку, а Железный Дровосек и сэр Кофус в это время поднимали на ноги, отряхивали и заводили Тиктока.

– И все это из-за вас! – воскликнула Озма, гневно глядя на Мустафу и впервые в жизни гневно топая ногой. – Вы будете наказаны! Этот каменный человек навсегда останется стоять на вашей земле как памятник вашей жадности и неразумия!

– Забери у него кольцо! – прошептал Боб, подбежав к Озме. Мальчик заметил, что Мустафа под шумок начал стаскивать волшебное кольцо с пальца, и догадался, что за этим должно произойти. Ему хорошо была известна волшебная сила этого кольца.

Не теряя ни минуты, Озма строго приказала Мустафе немедленно дать ей кольцо. Бедный король угрюмо повиновался. За несколько минут он потерпел крушение всех планов и впал в уныние. Он не только оскорбил верховную правительницу Страны Оз и лишился Трусливого Льва, но и все остальные львы его коллекции превратились в безжизненные статуи.

Надвинув тюрбан на один глаз, он печально побрел в свой шатер. Никто не захотел его останавливать. Всем не терпелось покинуть Маджистан с его горячим ветром, несущим из пустыни раскаленный песок, и Глинда произнесла заклинание, которое мгновенно перенесло всех в Изумрудный город.

Оказавшись дома, Глинда, Озма и Волшебник несколько часов пытались вернуть Трусливого Льва к жизни. Но все их волшебство оказалось бессильно против заклятия каменного человека. Они стали бояться, что Льву так и придется на веки вечные остаться каменной статуей, украшающей дворцовый парк. Двадцать дворцовых слуг осторожно снесли его по лестнице и поставили в центре большой цветочной

клубы. Все обитатели города собрались вокруг, печально глядя на изваяние, некогда бывшее их веселым и полным жизни другом.

– Как он похож на себя! – вздохнул Страшила, вешая на шею статуи венок из незабудок поверх золотого ошейника Мустафы.

– Но я не хочу, чтобы он был только похож на себя! – воскликнула Дороти. – Я хочу, чтобы он был самим собой! – Девочка забралась на спину статуи и принялась так горько плакать, словно у нее разбивалось сердце.

Воттак и Боб были так потрясены несчастьем, что совершенно забыли о себе. Им было не до красот Изумрудного города, они печально сели на скамейку и с тоской смотрели на изваяние своего верного друга.

И вдруг Боб вскочил, подбросил в воздух свою шапочку и воскликнул:

– Смотри! Он пошевелил лапой!

Да, так оно и было! Волшебство, заключенное в искренних слезах девочки, оказалось сильнее всех заклятий. Слезы смягчили бесчувственный камень, и в нем стала пробуждаться жизнь.

Воттак немедленно побежал во дворец с этой новостью, которая взволновала всех. Сразу же все, кто находился в это время во дворце, начиная с Озмы и кончая девочкой-судомойкой, прибежали в парк и принялись плакать, роняя слезы на Льва. И с каждой падающей на него слезинкой Лев становился все живее и живее! Железный Дровосек проливал такие потоки слез, что совершенно заржавел, и его пришлось срочно смазывать маслом. Тряпичная Лоскутушка и соломенный Страшила плакать не могли, зато Храпуша рыдала за троих.

Очень скоро Лев открыл глаза и встряхнулся. Потом он с недоумением поглядел на плачущих друзей и спросил, что случилось.

Все заговорили разом. Каждый хотел первым обнять Льва и первым объяснить ему, что произошло. Лев помнил только то, что его силой загнали за львиное ограждение и на него собирались броситься тысячи разъяренных хищников. Вы можете представить себе его облегчение, когда он узнал, что это испытание осталось позади.

– А всему виной мое глупое желание избавиться от трусости, – воскликнул он, встряхивая гривой, которая осталась такой же пышной, несмотря на отколовшийся кусочек. – Лучше пять минут быть живым и трусливым, чем сто лет стоять каменной статуей, которая ничего не боится, потому что ничего не чувствует и не понимает.

– Да здравствует наш Трусливый Лев! – закричал Страшила, и все присоединились к нему. Боб Алле-гоп, который никогда еще не чувствовал себя так хорошо, как среди этих удивительных людей, забрался Льву на спину и изо всех сил его обнял. Дороти на радостях запрыгала на одной ножке. Веселые и счастливые, все направились в тронный зал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Новые жители Страны Оз

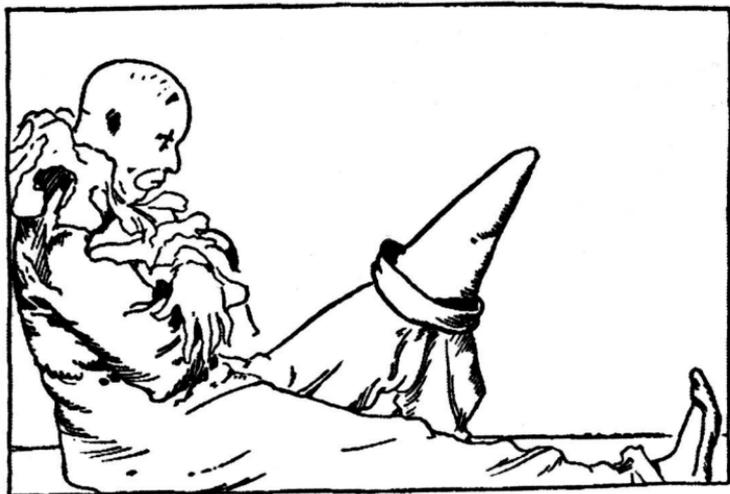
теперь, – сказала Озма, усаживаясь на шелковые подушки своего изумрудного трона, – я хочу знать все!

И Воттак поведал ей и всем собравшимся обо всем по порядку – о том, как они с Бобом мгновенно перелетели в Маджистан, когда он нечаянно произнес заклинание, о Дверном графстве и вострове Не, о королеве Консерве Великой, о путешествии на гуселете и плавании на лодке-скрипке. Дороти так заинтересовалась востровом Не, что потащила всех к волшебной Озминой картинке, на которой можно увидеть что угодно и кого угодно по желанию смотрящего.

– Покажи нам нейцев! – приказала Озма картинке. Боб и Воттак чуть с ног не свалились, когда немедленно увидели

Еслиба Дакабыка и с ним целую толпу птицеголовых. Между ними шла нешуточная схватка. Король необыкновенно разозлился из-за потери гуселета и решил сорвать злость на гвардейцах, а те, понятно, стали защищаться. Мелькали палки, летели во все стороны перья, и даже домики нейцев падали с деревьев на землю.

Озма укоризненно покачала головой. А Боб, который с того самого часа, как они улетели с острова, не переставал думать о единственном добром нейце, подошел к Озме и несколько минут что-то шептал ей на ухо. После этого Озма с помощью Глинды и Волшебника мгновенно перенесла этого нейца из его пещеры, расположенной на дальнем конце острова, на королевский насест. Как только этот добрый птицеголовый, которого, кстати, звали Несамолюб, занял королевское место, драка мгновенно прекратилась, и нейцы стали недоуменно оглядываться, словно не понимали, что на них нашло. Боб, Воттак и Трусливый Лев радостно закричали

им: «Так держать!», совсем забыв, что те никак не могут их слышать.

Глинда заверила Озму, что Несамолуб будет хорошим королем и с ним нейцы избавятся от своих недостатков, недочетов и недоделок.

Потом все вернулись в тронный зал. После того как Дороти горячо поблагодарила Воттака за его верность и привязанность к Трусливому Льву, а Воттак позабыл собравшихся своими прыжками и лучшими шутками, от которых все смеялись до слез, Озма снова подняла руку со скипетром, призывая к тишине.

Озма заговорила – неохотно, потому что успела привязаться и к Воттаку с Бобом, и к Храпуше. Но она чувствовала, что обязана это сказать.

– Я думаю, что вы, наверное, хотите поскорей вернуться домой, в Америку?

Воттак сдвинул на затылок колпак и почесал за ухом. Вы уже знаете, что он всегда делал это, когда чувствовал смущение или растерянность.

– Пожалуйста, погостите у нас подольше! – взмолилась Дороти, беря клоуна за руку. А Боб спрятался за изумрудной колонной, где никто не мог заметить, что мальчик плачет.

– Конечно, а как же! – затараторила Храпуша, шумно слезая с высокой спинки позолоченного кресла, где она успела слегка вздремнуть. – Нам непременно надо в Америку! Мы там разбогатеем! Я запатентую свой клюв и открою курсы по обучению храпу.

– Да, нам надо домой, – тихо и серьезно сказал Воттак. – Я теперь не одинок, у меня есть сын, и я должен подумать о его будущем. Мне придется зарабатывать деньги, чтобы он

смог поступить в колледж. И на старость надо что-то отложить, ведь настанет день, когда я не смогу прыгать и кувыраться.

– Почему? – удивилась Лоскутушка. – Разве это может когда-нибудь надоест? Ведь это так легко и весело!

– Не всегда! – вздохнул Воттак. – Смешить людей – это самая тяжелая работа на свете. А вот заставить их плакать – очень легко. Пойдем, Боб! Нам пора. Попрощаемся со всеми и попросим принцессу сказать волшебное словечко, которое перенесет нас в Штаты. Я должен подкопить денег на старость, – грустно добавил он.

Когда Воттак грустил, ему всегда приходили в голову мысли о старости. А сейчас он был очень грустен, потому что должен был расстаться с милыми друзьями и чудесной страной.

Но не зря маленькая Озма была феей и мудрой правительницей большой страны. Она умела читать в сердцах и догадалась о чувствах клоуна. Она снова подняла скипетр.

– Оставайтесь с нами! – воскликнула она. – Оставайтесь с нами, и вы никогда не состаритесь. Оставайтесь, и вам никогда больше не придется грустить!

Тут заговорили все разом. Все, кто присутствовал в тронном зале, – мужчины, женщины, дети, животные и все остальные – все стали наперебой уговаривать Боба и Воттака остаться.

Что им оставалось? Со слезами на глазах Воттак принял предложение Озмы. Все соединили руки и лапы и заплясали в веселом хороводе вокруг него, Боба и Храпуши.

– У вас будет самый красивый дом в Изумрудном городе! – пообещал Страшила, когда все немного успокоились.

– Я предпочел бы палатку, – прошептал Воттак ему на ушко.

И он получил палатку! Ее раскинули на окраине Изумрудного города, и клоун поселился в ней вместе с Храпушей и Бобом. В ней же он устраивает представления, да такие, о которых в Стране Оз раньше и не мечтали!

И не думайте, что Боб забыл о бедном Полульве. Он передал Волшебнику его просьбу. К счастью, задняя половина бедного зверя была далеко от Габбро, когда тот произносил свое заклинание, и не окаменела. С помощью волшебного пояса Озма перенесла ее в Изумрудный город, и Волшебник, к великой радости обеих половин, соединил их. Бывший Полулев был так счастлив, что несколько часов бегал по кругу, любуясь своим обретенным хвостом.

Скажем несколько слов и о Мустафе. Он баснословно разбогател, распродав своих каменных львов. В Стране Оз не осталось парка, который не украсило бы великолепное камен-

ное извятие. Но богатство не принесло счастья синевородо-
му королю. И глаза его, которые стали косить оттого, что он
когда-то целыми днями неотступно глядел на волшебное
кольцо, так и остались косыми на всю жизнь.

У Боба много друзей, но больше всего он подружился
с мальчиком Пуговкой, который когда-то побывал на Воздуш-
ном острове, а теперь ждет не дождется, когда попадет на вос-
тров Не.

Воттак отложил достаточно денег, чтобы оплатить образо-
вание Боба. Он уже связался с профессором Жужелиусом, гла-
вой знаменитого Всенаучно-Физкультурного Обучалища,
и обсудил с ним будущее мальчика.

